

Орест Кипренский и Мариучча

Дипломат в публичной политике

«Вторая весна» императрицы

60 лет
просветительской
деятельности

Ассортимент

Книги
Аудиокниги
Антиквариат и предметы
коллекционирования
Фильмы, музыка, игры, софт
Канцелярские и офисные товары
Товары для творчества
Цветы
Сувениры

Услуги

Интернет-магазин (bgshop.ru)
Кафе
Клубные (дисконтные) карты
и акции
Подарочные карты
Предварительные заказы на книги
Книги с автографами
Печать по требованию
Встречи с авторами книг
Читательские клубы по интересам
Индивидуальное обслуживание
Подарочная упаковка
Доставка книг из-за рубежа
Выставки-продажи

Режим работы:

ПН.-ПТ. 9.00-22.00
СБ.-ВС. 10.00-21.00
Без перерыва на обед

Москва, м. Лубянка, м.Китай-город
ул. Мясницкая, д.6/3, стр. 1
(495) 781-19-00,
www.biblio-globus.ru

Назови пароль «БИБЛИО-ГЛОБУС» - мой главный книжный» и получи клубную карту

Неизвестное об известном

Юрий Осипов «Гонимый миром странник» 4

Замечательные современники

Олег Юзифович **Дипломат в публичной политике** 24

Елена Воробьева **Эрика Микиртичева. «Самое главное в нашей профессии — чтобы зритель вдохновился спектаклем и приходил к нам снова и снова!»** 76

Евгения Гордиенко **Андрей Мягков. И никакой иронии...** 82

Минувшее

Алла Зубкова «Вторая весна» императрицы 136

Рассказ

Валерий Митрохин **Золотые сны Бахчипарижа** 38

Из российской истории

Дмитрий Зелов **Фауст петровской эпохи** 50

Литературные страницы МСПС

Георгий Каюров **Монах Прокопий** 58

Евгений Долгих **Сапоги для отца** 92

Александр Давыдов **Стихи** 133

Судьба художника

Ирина Опимах **Кипренский. «На всем печать счастливого таланта»** 65

Это интересно

Светлана Бестужева-Лада **Храм Василия Блаженного** 104

Владимир Братченко **Корабелы** 111

Житейские истории

Татьяна Нилова **Французские духи** 126

Детектив

Наталия Солдатова **Заразетка** 148

Кроссворд. Эрудит

188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

О. Кипренский
«Девочка в маковом венке»
(Мариучча)

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8400

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.07.2017

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« При упоминании «прекрасной Натали» верные поклонники А.С. Пушкина
приготовятся прочитать о его жене — кого еще можно так называть?

И, возможно, они будут несколько разочарованы, так как речь пойдет о женщине, красота которой превосходила знаменитую и воспетую многими прелесть супруги Пушкина. Это — ее мать, Наталья Ивановна Гончарова, урожденная Загряжская, которой вообще мало кто интересовался и интересуется, и из которой сделали почти анекдотический персонаж: мегера, стерва, пьяница, не желавшая общаться со своими детьми и доведшая мужа до сумасшествия. Да, характер у нее был тяжелым, но стал он таким в результате многочисленных жизненных испытаний, по сравнению с которыми судьба ее младшей дочери — просто грустное стечение обстоятельств...

Светлана **Бестужева-Лада** «Прекрасная Натали»

« Последний из пушкинской плеяды Золотого века русской поэзии и в то же время провозвестник новых поэтических откровений Серебряного века, он, как одинокая скала в океане, возвышается среди современных ему самых талантливых собратьев по перу. Закрытый, отстраненный от суетности мира, в буквальном и переносном смысле застегнутый на все пуговицы строгого сюртука и страдающей души, ни на кого не похожий, человек глубоко трагической судьбы и вместе с тем проникновенный лирик, певец любви и прекрасных надежд на счастье. Все это — Александр Александрович Блок.

Юрий **Осипов** «Трагический тенор эпохи»

« Надо заметить, что необходимость ощущения постоянной влюбленности являлась отличительной чертой почти всех Романовых. Не был исключением и император Александр II. Одной из его избранниц и, можно сказать, самой серьезной привязанностью стала фрейлина императрицы Екатерина Долгорукая, которой суждено было сыграть исключительную роль в жизни Александра Николаевича.

Алла **Зубкова** «Женщина, которая едва не стала императрицей...»

« Бичом современного общества называют наркоманию, которая «молодеет» с каждым годом. Все чаще ее жертвами становятся дети, и это страшное горе постигает почти каждую третью семью в нашей стране. Для того, чтобы бороться с этим бедствием, сегодня разрабатывается целый комплекс профилактических программ, в котором задействованы самые разные структуры. А стартовой площадкой для профилактики, лечения и борьбы с наркоманией стал МГТУ имени Баумана. Именно здесь разработана и внедрена комплексная программа «Здоровосберегающие технологии в воспитательно-образовательном процессе». Мозговой центр этой программы — благотворительный фонд «Антистресс». Нам удалось побеседовать с одним из руководителей фонда, доктором технических наук, доктором биологических наук, профессором Алексеем Николаевичем Диашевым.

Татьяна **Харламова** «Оказывается, можно вылечить и наркомана...»

« Окончание детектива Натальи **Солдатовой** «Заразетта»

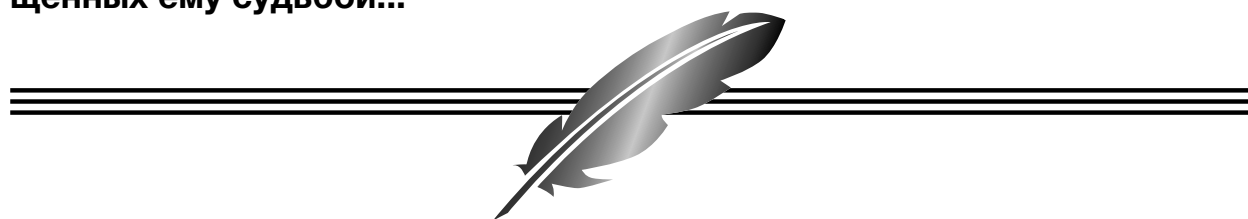
Юрий Осипов

«Тонимый миром
спранник»

Осенью 1827 года в Москву через Покровскую (ныне Абельмановскую) заставу медленно втягивался пропыленный обоз. Впереди — большая старомодная карета, следом — несколько телег с дворней и домашним скарбом. За зашторенным стеклом лаковой створки кареты виднелись морщинистая щека, перехваченная атласной лентой чепца, и мальчишеский глаз, в бархатной глубине которого тонуло неяркое осеннее солнце...

Знатная барыня Елизавета Алексеевна Арсеньева везла в Первопрестольную из пензенского имения Тарханы единственного горячо любимого внука Мишеля. Везла готовить к поступлению в университетский Благородный пансион. В Москве, в снятом бабушкой поэта на Малой Молчановке одноэтажном деревянном особнячке с мезонином, прошли пять ранних лет жизни Лермонтова. Пять из двадцати семи, отпущенных ему судьбой...

Запись в метрической книге церкви Трех святителей у Красных ворот за 1814 год хранит свидетельство, выданное Арсеньевой из Московской духовной консистории о том, что в ночь со 2-го на 3-е октября в доме генерал-майора Ф. Толя, в семье капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, урожденной Арсеньевой, появился на свет сын Михаил. Не уцелел дом генерал-майора Ф. Толя, лишь мемориальная доска с барельефом на сменившей его сталинской высотке да гранитная фигура в разлетающемся армейском сюртуке у входа в тихий скверик посреди шумного Садового кольца напоминает: здесь родился Лермонтов.

Московские годы поэта были годами познаний, первых творческих по-

исков и свершений, сердечных мук и восторгов любви, чистых и верных дружб. Через Москву пролег путь поэта в первую ссылку на Кавказ за несравненное стихотворение на смерть Пушкина «Погиб поэт! — невольник чести...» Здесь одинокий изгнанник отогревался душой по дороге во вторую ссылку на Кавказ в мае 1840 года («*Быть может, за хребтом Кавказа сокроюсь от твоих пашей...*»). Виделся в те короткие московские дни с немногими друзьями, читал отрывок из поэмы «Мцыри» на именинном обеде Гоголя в саду Погодина на Девичьем поле, а потом уединился с именинником... Уехал, по воспоминаниям Самарина, «задумчивый и грустный».

И еще пять светлых дней отсрочки перед роковым концом выпали

*Отец Юрий Петрович
Лермонтов*

на долю молодого поручика Тенгинского пехотного полка в Москве, когда в апреле 1841 года унылые перекладные влекли его из выхлопотанного ему бабушкой отпуска в Петербурге обратно в Действующую армию. За полчаса до отъезда Михаил Юрьевич пришел проститься к Самарину и принес ему для журнала «Московитянин» стихотворение «Спор». «Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах», — вспоминал позднее об этой встрече мемуарист.

...У полосатого столба городской заставы, пока сонный инвалид-караульщик проверял подорожную и отпускал веревку шлагбаума, Михаил Юрьевич успел окинуть прощальным взглядом волнистые холмы Белокаменной, и ямщицкий возок, переваливаясь на ухабах, унес его навстречу смерти...

*Мать Мария Михайловна
Арсеньева*

Точно так же, как абиссинский по матери Пушкина род «арапа Петра Великого», Ганнибала, шотландский род полумифического барда Лермонта дал на русской почве причудливые плоды. В 1613 году поручик польского войска Георг (Джорж) Лермонт был взят в плен ратниками князя Пожарского при капитуляции польско-литовского гарнизона крепости Белая и в числе прочих так называемых бельских немцев поступил на службу к царю Михаилу Федоровичу. Перешел затем в православие и под именем Юрия Андреевича стал родоначальником дворянской фамилии Лермонтовых, погибнув ротмистром в рейтарском строю при осаде Смоленска.

Прадед Михаила Юрьевича по отцовской линии Юрий Петрович Лермонтов выпустился из шляхетского кадетского корпуса и пользо-

вался еще не иссякнутым тогда фамильным благосостоянием, которым уже не мог похвастаться отец поэта, Юрий Петрович. По воспоминаниям знавших его людей, он «был среднего роста, редкий красавец и прекрасно сложен... был добр, но ужасно вспыльчив». За исключением внешности, эти душевные качества во многом унаследовал его гениальный сын.

Перед женитьбой на Марии Михайловне Арсеньевой Юрий Петрович вышел в отставку в чине пехотного капитана. С жившими в Москве сестрами поддерживал теплые отношения, чего нельзя сказать о матери его супруги. Елизавета Алексеевна была дама своевольная и гордая. А, главное, — богатая. Дед ее, отставной гвардии поручик Михаил Васильевич Арсеньев, женился в 1794 году на Елизавете Алексеевне Столыпина, взяв за нее хорошее приданое, после чего откупил «почти за бесценок» у беспечного аристократа Нарышкина село Тарханы в Чембарском уезде Пензенской губернии, где и поселился с молодой женой.

Доставшиеся Михаилу Васильевичу крепостные оказались под стать буйному, любившему почудить новому помещику. В XVIII веке прежний хозяин поселил в Тарханах крестьян из числа отчаянных головорезов, воров и фанатичных раскольников. Их потомки тоже отличались строптивым нравом, но крутого на расправу барина уважали. Он отличался приятной внешностью и креп-

*Бабушка Елизавета
Алексеевна Арсеньева*

ким телосложением. А вот Елизавета Алексеевна «*была не особенно красива, высокого роста, сурова и до некоторой степени неуклюжа*». Но обладала чисто столыпинским недюжинным умом, силой воли и деловой хваткой. На эксцентричные забавы мужа (тот выписал себе в имение из Москвы шута-карлика) смотрела снисходительно.

Она была достойной дочерью неоднократно избиравшегося пензенским губернатором Алексея Емельяновича Столыпина, сестрой адъютанта Суворова и двух генералов, предводителей дворянства в Саратове и Пензе. Вскоре после рождения единственной дочери Елизавета Алексеевна заболела женской болезнью и детей больше иметь не смогла. Вследствие этого, Михаил Васильевич сошелся с соседкой по имени Мансыревой, чей муж длительное время

находился за границей в Действующей армии. Узнав во время рождественской елки, устроенной им для дочери, о возвращении мужа Мансыревой домой, Михал Васильич с горя принял яд... Такие вот страсти кипели издавна в лермонтовской семье.

Елизавета Алексеевна отреагировала на кончину супруга по-столыпински, заявив: «собаке — собачья смерть», и на время похорон уехала с дочерью в Пензу. Взвалив на себя тяготы по управлению имением с шестьюстами крепостными, она проявляла примерную строгость, однако, в отличие от соседок, никогда не применяла к своим крестьянам телесных наказаний. Самой суровой карой было у нее выбрить провинив-

шемуся мужику полголовы или отрезать девке косу.

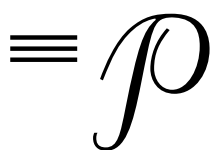
Марья Михайловна явно пошла не в мать, а в отца — нервная, утонченная, крайне чувствительная, с «душою музыкальной». За обедневшего соседа помещика Юрия Петровича Лермонтова «выскочила по горячке», когда ей не было еще 17 лет. Для того это была блестящая партия. Елизавета Алексеевна приняла зятя настороженно и с самого начала недолюбливала. После свадьбы молодые поселились в Тарханах и первое время наслаждались семейным счастьем. Но все же рожать слабую здоровьем жену Юрий Петрович повез в Москву. Крестной матерью новорожденного стала бабушка, настояя, чтобы мальчика назвали не Петром, как хотел отец, а Михаилом — в честь деда, Михаила Васильевича Арсеньева.

Внука она полюбила до самозабвения и даже ревновала его к дочери, которая часто музицировала на фортепьяно, держа малыша на коленях. Считается, что именно от матери Михаил Юрьевич унаследовал «необычную нервность свою», хотя телом был крепок и вынослив. А вот Марью Михайловну постигла та же печальная участь, что и ее мать. По причине ее бесплодия и женских болезней Юрий Петрович охладел к ней и завел интимные отношения с молоденькой немкой, бонной сына, да еще и с дворовыми бабами...

Гроза разразилась внезапно. По дороге домой от соседок Головинных, где они были в гостях, Марья

Михайловна принялась гневно упрекать мужа в изменах. Выведенный из себя, он сильно ударил ее кулаком по лицу. С этого времени с невероятной быстротой у матери Лермонтова начала развиваться чахотка, которая вскоре свела ее в могилу. Без малого 22-х лет от роду, Юрий Петрович был отлучен непреклонной Елизаветой Алексеевной от ма-

впечатлений детства он не знал. С портрета, выполненного, скорее всего, крепостным художником, на нас смотрит трех-четырёхлетний Лермонтов, одетый по тогдашней моде в платьице и затаивший неизбывную печаль в глубине больших выразительных глаз. Той же печалью отмечен его пытливый взгляд на портрете в возрасте от 6 до 9 лет,

родился Лермонтов ребенком болезненным, в детстве страдал золотухой. И, видимо, именно болезни развили в нем невероятную энергию души, раннюю игру воображения, непонятную окружающим, что отторгало его от сверстников и сделало с юных лет замкнутым и угрюмым

лолетнего Мишеля и уехал в свое скромное родовое имение Кротовку под Тулой. Арсеньева, имея возможность тратить «по четыре тысячи в год на обучение внука разным языкам», согласно уговору, взяла ребенка к себе, обязалась воспитывать до 16 лет и сделать его своим единственным наследником, во всем советуясь с отцом мальчика.

Последнее условие не выполнялось, редкие свидания отца с сыном встречали непреодолимые препятствия со стороны бабушки. *«Ужасная судьба отца и сына — жить розно и в разлуке умереть»* — так напишет юный Мишель в московской тетради своих первых поэтических опытов.

В Тарханах его окружали любовь и забота, но светлых, радостных

где на нем уже расшитый золотом парадный мундирчик поверх блестящей кирасы.

В неоконченной юношеской «Повести» Лермонтов описывает детство своего двойника, Саши Арбемина (эту фамилию он даст затем герою философской драмы «Маскарад»). Как и автор, Саша с шестилетнего возраста обнаруживает склонность к мечтательности, тягу ко всему героическому, величавому, бурному. Родился Лермонтов ребенком болезненным, в детстве страдал золотухой. И вот именно болезни развили в нем невероятную энергию души, раннюю игру воображения, непонятную окружающим, что отторгло от него сверстников и сделало мальчика замкнутым, угрюмым.

В «Повести» он признает от лица героя влияние болезни на его ум и характер. «Он выучился думать... Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, Саша начал искать их в самом себе... он уже привык побеждать страдания тела, увлекаясь грезами души...»

Прибавьте сюда незалеченную душевную травму трагическими семейными коллизиями, и мы получим в лице Лермонтова печального романтика и бесстрашного язвительного пессимиста в гвардейском мундире, хорошо осознающего свою гениальную литературную исключительность. *«Нет, я не Байрон, я другой, \ Еще неведомый избранник, \ Как он, гонимый миром странник, / Но только с русскою душой. / Я раньше начал, кончу ране».*

Чувство отчужденности среди людей и непреодолимая жажда видеть рядом родное, верное существо причудливым образом уживались в юном поэте. Они будут сопровождать его всю оставшуюся ему недолгую жизнь, окрашивая лермонтовские произведения одновременно в тона горечи и страстной надежды. *«В ребячестве моем тоску любви знойной \ Уж стал я понимать душою беспокойной».*

В десятилетнем возрасте бабушка повезла внука на Кавказ на воды, и там он встретил девочку девятидесяти лет, к которой впервые испытал глубокое, сильное чувство, сохранив о нем память навсегда. Чувство поначалу неразгаданное,

непонятное мальчику. Два года спустя он выразит его в стихотворении «К Гению». Причем первая любовь сливается с восторгом от встречи с Кавказом. «Горы кавказские для меня священны» — напишет он по возвращении домой. Они стали для мальчика-поэта символом свободы и счастья. Увы, недостижимого.

В Тарханах Мишель много времени проводил за книгами (в усадьбе имелась прекрасная библиотека) и чистым листом бумаги. А с осени 1825 года начались его относительно регулярные занятия с приглашенными учителями. К пятнадцати годам Лермонтов овладел французским, английским, немецким, читал западных писателей в подлинниках, прекрасно изучил европейскую культуру, живопись, скульптуру. Сам начал успешно рисовать и писать красками. При этом сожалел, что не слышал в детстве народных сказок: «в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности». Это, впрочем, не помешало ему написать в зрелом возрасте изумительную сказочную «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Образование Лермонтова активно продолжилось в Москве. Елизавета Алексеевна готовила внука к поступлению сразу в 4-й класс университетского Благородного пансиона и наняла ему двух тамошних учителей — преподавателя латыни и русского языка Зиновьева и бывшего полковника наполеоновской гвардии Гондрота, для совершен-

ствования во французском. Затем француз сменил англичанин Виндсон, давший Мишелю углубленные знания английской литературы.

В университетском «достопочтенном» пансионе, как называет его в письме Лермонтов, поэт провел около двух лет. Грамота, математика, языки, военные упражнения, спорт, музыка. Помимо стрельбы и фехтования, Мишель владел четырьмя музыкальными инструментами, вполне профессионально занимался живописью и рисунком. Но главное — здесь под руководством Мерзлякова и Зиновьева проходили «заседания по словесности». Учащиеся пробовали себя в творчестве, издавали литературный журнал, и Лермонтов был среди них первым. Совершая со своим воспитанником длительные прогулки по Москве, Зиновьев знакомил его с произведениями искусства, памятниками истории и архитектуры, а потом заставлял писать «очерки о полученных впечатлениях». Основную задачу обучения он видел в том, чтобы пробудить в подростке нравственное чувство, воспитать в нем человека и гражданина.

Вне университетских аудиторий Лермонтов по-прежнему искал родственную душу, со всем пылом юности кидался то в одну, то в другую дружбу, разочаровывался в легкомысленных друзьях и находил новых. Отражение этих чувств запечатлено в тетрадях стихов, написанных на Малой Молчановке и проникнутых мрачным колоритом.

Развитие его шло с невероятной быстротой. Все написанное им за это время отличалось крайней эмоциональной напряженностью и идейной насыщенностью. Гениальная одаренность ложилась на неустанный труд, творческую одержимость. Легко овладев существовавшими до него поэтическими формами, Лермонтов стал искать новые пути, новые способы стихотворной выразительности. В этот период он создал высокие образцы пушкинского четырехстопного ямба («Гроб Оссиана», 1830) и вместе с тем смело экспериментировал в области строфики, ритмики, рифмы («Песня», «Портреты» — 1829), а также обращался к напевным вариациям русского фольклора.

Пансионским воспитателям Лермонтова казалось, что подросток перестает быть благонравным. На полях его ученической тетради против перебеленной поэмы «Два брата», живописующей кипение людских страстей, земные радости и страдания, взрослым почерком была сделана на латыни пометка: «Против веры» («*Contramorale*»). Мальчик-поэт все решительнее вырывался из узкого круга предначертанных догм, пускаясь на поиски истины.

Он вечно куда-то торопился, словно предчувствуя ранний конец. «...*Мне жизнь все как-то коротка \ И все боюсь, что не успею я \ Свершить чего-то!*» — восклицает он год спустя в лирической исповеди. И прибавляет: «*Так жизнь скучна, когда боренья нет!*»

Юношеская мечтательность, постоянная склонность к углубленному самоанализу удивительным образом сочетались в тот период у Лермонтова с трезвой рассудочностью и бурной жадной деятельностью. *«Мне нужно действовать, я каждый день \ Бессмертным сделать бы мечтал, как тень \ Великого героя, и понять \ Я не могу, что значит отдыхать».*

Уже тогда он всерьез стал задумываться над тем, что такое поэт. Читал запоем, вдохновлялся книгами, словно жизнью. Ему западала в сердце строка «Белеет парус одинокий...» из поэмы Бестужева-Мар-

линского «Андрей Переяславский». Два года спустя он начнет этой строкой непревзойденный лирический шедевр «Парус», проникнутый оригинальной художественной мыслью.

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

Для юного поэта буря грянула с появлением в большом актовом зале пансиона неузнанного сперва императора Николая I. Мишелю запомнилась холодная ярость царя при виде на мраморной доске в чис-

ле имен лучших выпускников имя декабриста Н. Тургенева. В «зимних» (по выражению Герцена) глазах государя Лермонтов прочитал собственную судьбу. Последовал высочайший указ от 29 марта 1830 года о реорганизации Благородного университетского пансиона в ординарную гимназию, с введением розог для наказания воспитанников. Многие родители забрали своих детей из пансиона, Арсеньева тоже, Мишель стал готовиться к экзаменам в Московский университет.

пронесенная в их переписке сквозь годы разлуки.

И все же любовные переживания не заслонили от начинающего поэта социальных контрастов российской действительности. «*Настанет год, \ России черный год, \ Когда царей корона упадет...*» Это строки «Предсказания», написанного в том же 1830 году. В нем и в других произведениях той поры талант Лермонтова начал проявляться уже в полную силу, помноженную на пророческий дар. «*Не смейся над моей про-*

На лето бабушка увезла внука в столыпинское имение Середниково под Москвой. Там он вскоре сблизился с семейством еще одних родственников — Верещагиных. Александра Верещагина познакомил его со своей соседкой по имени Екатериной Сушковой (в замужестве Хвостовой). Разгорелся безответный роман 16-летнего неуклюжего и невзрачного гордеца с насмешливой красоткой. Затем в его жизни появилась соседка с Малой Молчановки, очаровательная Варенька Лопухина. Лермонтова связала с ней задушевная дружба,

роческой тоской...» — скажет он позднее в одном из лучших своих стихотворений. Вместе с тем муки неразделенной любви и возвышающее ответное чувство духовной любви-дружбы помогли мужающему гению полностью осознать свое литературное призвание.

Пытливым наблюдателем жизни, сосредоточенным на своем внутреннем мире, переступил он осенью порог университета, будучи зачислен сперва на «нравственно-политическое отделение», потом — на «словесное». Серьезная умственная, демократическая деятельность,

происходившая в студенческих кружках и за университетскими стенами, мало привлекали Лермонтова. В нем давно уже исчезла прежняя ничем не омраченная доверчивость, способность горячо откликаться на малейшие проявления дружбы и симпатии. Его больше привлекало светское общество, к которому он принадлежал по праву рождения, чем застольные товарищеские беседы с сокурсниками.

При этом Мишель не менее их уважал «светлый храм науки», называя его в стихах «святым местом». Он искал и находил в университете свое, и проведенные в нем неполных два года оказались чрезвычайно плодотворными для формирования его личности, его духовного мира.

Уже не прежним увальнем, а непринужденным щеголем усердно посещал он московские балы и маскарады, светские салоны, дававшие ему богатый запас впечатлений, которые перельются затем в классические стихи, поэмы, прозу. Про себя он отлично знал истинную цену этим великосветским развлечениям, но умел быть веселым и авантажным. Дамы находят молодого стихотворца занимательным и «интересным», принимая лермонтовский демонизм и разочарованный вид за своеобразную «драпировку», позу, точно так же, как жгучую «злость» и «тоску» его уже достаточно широко распространяющихся в обществе стихов за поэтическую условность и камуфляж.

Он же, в душе презирая, подобно Пушкину, «свет», который убивает в

человеке всякую возможность нравственного развития, опошляет и нивелирует сложную гамму взаимоотношений между людьми, полностью отдавался творчеству, как единственному источнику чистых и высоких наслаждений. «Чужой среди своих», тайный соглядатай во враждебном стане, Лермонтов прятал от него сокровенные думы, вооружившись презрительной насмешкой и разыгрывая роль «доброего малого» в погоне за светскими увеселениями.

С июня 1832 года Михаил Юрьевич более не числился студентом. Ему было выдано свидетельство об увольнении «по прошению». Однако, по слухам, причина крылась в скандальном студенческом инциденте с одним из наименее почтенных университетских профессоров Маловым. Причем из четырех семестров пребывания Лермонтова в университете первый не состоялся по причине карантина во время эпидемии холеры, когда, по образному выражению поэта, «толпами гиб отчаянный народ», а во втором — отчасти из-за «маловской истории», после чего Лермонтов перевелся на другое отделение. Там на репетициях экзаменов по риторике, геральдике и нумизматике, он, с одной стороны, обнаружил начитанность сверх учебной программы, а с другой — незнание лекционного материала и вступил в пререкания с экзаменаторами. Последовало неприятное объяснение в администрации, и в результате возле его фамилии в спи-

ске студентов появилась пометка: «посоветовано уйти».

Поэт уехал в Петербург с намерением закончить там университетское образование, но ему отказались засчитать два года обучения в Москве и предложили снова поступать на 1-й курс. Такое длительное студенчество его не устраивало, и под влиянием петербургской родни, прежде всего, Столыпина-Монго, он, наперекор собственным планам, принял неожиданное решение поступить в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Эта перемена гражданской карьеры на военную отвечала и желаниям бабушки, тем более что в ее роду, да и в роду отверженного отца поэта, все служили в армии.

Так произошло превращение вольного «вольтерянца» и «гегельянца» в бравого гусара, каким мы привыкли видеть Лермонтова на его автопортретах. Два «злополучных», согласно его собственному определению, года в воинском училище закалили поэта физически, помогли ему возмужать, одали бесценным жизненным опытом. Своему же умственному развитию он был обязан Москве.

В училище Лермонтов почти не сочинял стихов (лишь несколько «Юнкерских молитв»). Но, полностью погрузившись в юнкерский разгул, не отставая от товарищей в молодецких проделках и забиячестве, начал писать исторический роман под названием «Вадим» на тему пугачевщины (не дает покоя Пуш-

кин!), оставшийся незаконченным. Кроме того, задумал драму, взялся за поэмы... Этих уединенных трудов его никто не видел, он прятал их от мира так же, как свою душу. Первый участник всех юнкерских походов и пирушек, Лермонтов, благодаря избранной натуре, умел сберечь свою «лучшую часть», свои творческие силы. В письмах московским друзьям он сожалел о былых мечтаниях и жестоко корил себя за потребность «чувственного наслаждения».

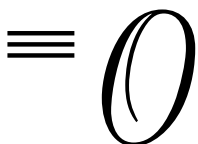
Жизнь, которую он вел в Петербурге во время воинской учебы, и которая вызывала искреннее опасение у его московских друзей, дала ему блестящее знание человеческой психологии, поражающее нас в зрелых произведениях, вышедших из-под пера столь молодого автора. А первую поэтическую славу Лермонтову снискали содержащие подчас нецензурную лексику «гусарские» стихи, с описанием разудалых забав воспитанников училища.

В ноябре 1834 года он, окончив училище, вышел из него корнетом Лейб-гвардии Гусарского полка. Высший «свет» принял авантажника по-прежнему благосклонно. Гусарская форма ему шла, он был хорошего рода, к тому же наследник крупного состояния, словом, завидный жених. Но сам Мишель о женитьбе и не помышлял, оставаясь неистощимым в проказах и совершенно равнодушным к службе. В офицерских и светских кружках ходили по рукам его застольные песни самого непринужденного

характера. А рядом — возвышенная, исповедальная «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...»

В письмах Марии Лопухиной он признавался, что напрягает все силы, дабы товарищи и «свет» не заподозрили в нем «гамлетовских» настроений. Близкие Лермонтову люди знали о его добром, отзывчивом сердце, но сам он считал для себя унижительным являться таковым перед «надменным шутком» — «светом». Ему хотелось казаться беспо-

...Он мечтал о встрече с Пушкиным, готовился к ней, приводил в порядок и подбирал стихи для показа Александру Сергеевичу. И — «разминулся» с ним на какие-то пару недель. Их должны были познакомить общие приятели, но Михаил Юрьевич заболел и был болен, когда произошла роковая пушкинская дуэль. О ней сообщил Лермонтову лечащий его врач придворного ведомства Арендт. Тогда в одночасье и родилось знаменитое стихотворение, сделавшее Лер-

н мечтал о встрече с Пушкиным, готовился к ней, приводил в порядок и подбирал стихи для показа Александру Сергеевичу. И — «разминулся» с ним на какую-то пару недель. Их должны были познакомить общие приятели, но Лермонтов заболел и был болен, когда произошла роковая пушкинская дуэль. Тогда в одночасье и родилось знаменитое стихотворение «На смерть поэта», сделавшее Лермонтова известным всей читающей России

щадным на словах, жестоким в поступках, прослыть тираном женских сердец.

Тут настал черед отплатить за прежнее пренебрежение Сушковой. Лермонтов вскружил ей голову, расстроил ее брак с Лопухиным и, в итоге, скомпрометировал. Единственный раз великий поэт позволил себе выступить в качестве действующего лица сочиненной им «истории». Как затем поступит в романе «Герой нашего времени» Печорин.

монтова известным всей читающей России. «На смерть поэта» передавали по рукам в тысячах списков.

Дошли они и до царского двора, прогнав государя. Последовали арест и судебное разбирательство. За Лермонтова вступились пушкинские друзья, прежде всего, воспитатель наследника Жуковский. Да и Елизавета Алексеевна пустила в ход все свои столичные связи, чтобы смягчить участь обожаемого внука. Спустя некоторое время Корнет Лермонтов был переведен «тем

же чином» (то есть прапорщиком) в Нижегородский драгунский полк, воевавший на Кавказе. Он уезжал, провожаемый всеобщим вниманием, в котором были и восхищение, и сочувствие, и вражда.

Кавказ — высший взлет лермонтовского гения, мощный катализатор и ускоритель его свободного творчества.

Первое пребывание Михаила Юрьевича на Кавказе было коротким. Благодаря хлопотам бабушки, он был сначала переведен в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, квартировавший в Новгородской губернии, а в апреле 1838 года — в Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк, проделав с ним поход по территории Азербайджана (Куба, Шемаха). К тому времени Лермонтов сильно изменился внутренне.

Общество словно утратило для поэта прежнюю привлекательность, исчезла юношеская бесшабашность, веселость сменилась меланхолией и задумчивостью. Его вновь потрясли величественные картины кавказской природы, которыми он был готов, по собственным словам, «любоваться целую жизнь». Он внимательно изучал бытовой уклад и обычаи горцев, их фольклор, перенеся полученные впечатления на страницы многих своих произведений. Будучи в Тифлисе, Лермонтов начал учить азербайджанский язык, который ему преподавал выдающийся просветитель Мирза Фатали Ахундов, служивший тогда переводчиком в канцелярии кавказского наместника.

Вернувшись в петербургский «высший свет», поэт, овеванный ореолом кавказской романтики, опять разыгрывал роль «светского льва», пользуясь успехом у любительниц героической экзотики, а сам, между тем, вынашивал в душе пронзительные образы Демона и Мцыри. Обе поэмы были задуманы еще в Москве, но теперь обрели закончен-

*Екатерина
Сушкова*

ную форму, дополняя одна другую. Общее поэтическое настроение их выражается в страстных речах Демона и Мцыри, полных гнева и презрения к несовершенствам окружающего мира, его вопиющей социальной несправедливости.

Трагическое бунтарство делается отныне лейтмотивом лермонтовской поэзии, а отвлеченные, как бы клубящиеся картины первых кавказских поэм превращаются в яркие

обобщения типов и явлений реального мира. Новые творческие рубежи, новые, более определенные цели для горькой сатиры. Он шел к ним семимильными шагами, постепенно становясь суровым обличителем общественных нравов.

Провозвестником этого явилось этапное стихотворение «Дума» («Пе-

*Варвара
Лопухина*

чально я гляжу на наше поколение!..»). Впервые напечатанное в авторитетнейшем журнале «Отечественные записки» за 1839 год, оно, наконец, ввело Лермонтова в большую литературу. Далее почти каждый номер журнала А. Краевского выходил с очередным стихотворением поэта. А их из кавказской ссылки он привез массу. 26-летнего Лермонтова как первого среди равных приняли в круг пушкинских друзей-литераторов. Его теперь совершенно иначе встречали в свете.

Им восхищались, но ему и страшно завидовали — успеху у женщин, таланту, славе. И вот 16 февраля 1840 года в разгаре пышного бала у графини Лаваль словно невзначай вспыхнула ссора Михаила Юрьевича с сыном французского посланника де Баранта, Эрнестом. Ссора нелепая, по ложному поводу. Молодому заносчивому французу ранее передали лермонтовскую эпиграмму, написанную им еще в юнкерской школе и посвященную совсем другому лицу. Благодаря приятелям-доброхотам, которые нашептали Эрнесту, будто бы поэт дурно отозвался о нем в разговоре с одной дамой, Барант принял желчную эпиграмму на свой счет. В перерыве между танцами он подошел к Лермонтову и потребовал от него объяснений.

Результатом явилась дуэль, состоявшаяся ранним утром 18 февраля на Парголовской дороге за Черной речкой, неподалеку от того места, где стрелялся Пушкин. (Бывают же и впрямь «странные сближения».) Сначала противники бились на шпагах, одна переломилась. Перешли на пистолеты. Дуэль окончилась бескровно — Барант, хоть и целился, но промахнулся, а Лермонтов после этого выстрелил в сторону... Противники примирились и разъехались.

Начальству стало известно о дуэли. Лермонтова арестовали и передали военному суду за «недонесение» о запрещенном поединке. За Михаила Юрьевича вступился великий князь Михаил Павлович, бывший главнокомандующий всеми гвардейскими

корпусами, к одному из которых был приписан поэт. Приговор ему вынес лично Николай I, распорядившийся сослать поручика Лермонтова, на сей раз уже в армейский полк, воевавший на самом отдаленном и опасном участке Кавказской линии... Такова оказалась хваленая царская милость.

Пока Лермонтов сидел на гауптвахте, его навестил Белинский (они познакомились либо в Петербурге, у Краевского, либо же в Пятигорске

поэта, который теперь предстал перед ним «самим собой». «В словах его было столько истины, глубины и простоты!» — писал он.

Казаться и быть являлись для Михаила Юрьевича абсолютно различными вещами: перед людьми малознакомыми он предпочитал казаться, перед близкими — быть. «Лучше я, чем для людей кажусь», — справедливо признавался поэт. Князь Васильчиков, секунданта на последней дуэли Лермонтова, утверж-

летом 1837 года). В их первую встречу Белинский, как он признавался, «не раскусил» Лермонтова. Тот, по своему обыкновению, сыпал шутками и уклонялся от серьезного разговора. Свидание на гауптвахте прошло совершенно по-другому. Они беседовали о Вальтере Скотте и английской литературе, потом перешли на русскую литературу, а с нее — на всю русскую жизнь. Белинский пришел в полный восторг от личности и оригинальности воззрений

дал, что в нем преспокойно уживались два совершенно разных человека. Один — приветливый и добродушный для тесного кружка друзей и для тех немногих лиц, к которым он испытывал особенное уважение. Второй — заносчивый и вздорный для всех прочих знакомых. Это, увы, и послужило основной причиной его рокового конца...

Вторая же ссылка Лермонтова на Кавказ кардинально отличалась

от первой. Та была приятным путешествием, позволившим Михаилу Юрьевичу знакомиться с местным фольклором и восточными традициями, совершать поездки в разные живописные уголки. Теперь же при бытие гвардии поручика Лермонтова в заштатный армейский полк сопровождалось личным приказом императора не отпускать поэта с передней линии и максимально задействовать его в боевых операциях...

Окунувшись в военные действия, Лермонтов сразу же проявил, согласно официальному донесению, «мужество и хладнокровие». Однако ни в письме Лопухину, ни в прекрасном стихотворении «Валерик» ни словом не обмолвился о своих боевых заслугах. В этот период он продолжал вынашивать замысел невиданного еще в русской прозе романа, к которому приступил еще во время первой кавказской ссылки. Княжна Мэри, Грушницкий, доктор Вернер были списаны им тогда с живых прототипов.

Теперь Лермонтов начал разрабатывать образ главного героя, Печорина, проводя при этом углубленный самоанализ. Печорин, конечно же, не Лермонтов, о чем автор предупредил читателей в предисловии ко второму изданию романа. Но Печорин вобрал в себя многие лермонтовские черты. Первое издание «Героя нашего времени» было раскуплено почти мгновенно, вызвав как восторги, так и враждебную критику. Писали, что подобный человек не может выступать героем нашего

времени. Многие рецензенты не понимали и не принимали новаторской формы романа, его психологизма и символики. За «Героя» горячо вступился Белинский.

Одновременно с выходом романа Лермонтову суждено было еще увидеть свое единственное прижизненное собрание стихов, опубликованное в 1840 году, в которое взыскательный автор включил только 26 стихотворений и две поэмы — «Мцыри» и «Песню про купца Калашникова».

Он работал над новыми произведениями, не покладая рук, впервые стал тяготиться службой и, приехав зимой 1840–41 года в отпуск в Петербург, пытался выйти в отставку, чтобы целиком посвятить себя литературе. Однако не решился огорчить бабушку, которая мечтала о блестящей военной карьере любимого внука и не разделяла его литературных увлечений.

Весной Лермонтов вынужден был возвратиться в свой полк на Кавказ. Уезжал он с тяжелыми предчувствиями и всячески оттягивал это возвращение. Завернул по дороге на Землянск, к бывшему однополчанину А.Реми. Подарил ему свой портсигар с изображением охотничьей собаки на крышке. Выехал с ним в Новочеркасск, куда тот получил назначение. Заехал в гости к офицеру Лейб-гвардии Гусарского полка А. Потапову, в его воронежское имение. А оттуда — сначала в Ставрополь, где стоял Тенгинский полк, потом в Пятигорск. Там-то и произо-

шла его роковая ссора с отставным майором Николаем Мартыновым.

Михаил Юрьевич познакомился с ним в Школе гвардейских прапорщиков, которую Мартынов окончил на год раньше его. Вторично они встретились в 1837 году в Москве. Переведенный из гвардии в Нижегородский полк за стихи «На смерть поэта», Лермонтов задержался в Первопрестольной, и Мартынов, тоже отправлявшийся на Кавказ, составил ему на две недели компанию. Поэт бывал в доме родителей Мартынова, часто завтракал с ним у Яра. В Пятигорске их пути вновь пересеклись.

Мартынов до того служил в кавалергардах, перешел в линейный казачий полк и только что оставил службу. Он был очень хорош собой, широко образован, обладал безупречными светскими манерами. На Кавказе ради удобства носил шикарную черкеску, утрируя вкусы горцев. Это навлекало на него язвительные шутки товарищей, среди которых Лермонтов был неумолимее остальных. Пока его насмешки оставались в границах приличий, Мартынов терпеливо сносил их.

На одном званом вечере, в присутствии дам, поэт опять позволил себе колкости в сторону Мартынова, откровенно задевая его самолюбие. Тот сдержался и скромно просил Лермонтова не насмехаться над ним хотя бы при дамах. Но озлобленный и измученный жизнью былой приятель уже не мог остановиться... Сойдясь с ним вскоре после этого в до-

ме Верзилина, Мишель принялся за старое. И снова при дамах. Выведенный, в конце концов, из терпения, Мартынов заявил ему, что найдет средство заставить замолчать обидчика. Избалованный всеобщим вниманием, Лермонтов не уступил и ответил, что ничьих угроз не боится, а поведения своего не переменит...

*Николай
Соломонович
Мартынов*

15 (27) июля около пяти часов вечера Михаил Юрьевич в форменном сюртуке Тенгинского пехотного полка вышел из маленькой мазанки с соломенной крышей и в четыре окна, в которой прожил последние месяцы. Вышел, чтобы уже не вернуться...

Дуэль состоялась у подножия горы Машук. Со слов Васильчикова, в тот момент «разразилась ужасная буря с громом и молнией». Лермонтов выстрелил в воздух. Мартынов —

прямо в грудь противнику. «Поэта праведная кровь» пролилась. Смерть наступила почти мгновенно.

В своих воспоминаниях друг Пушкина, поэт князь П. Вяземский отметил, что, узнав о гибели Лермонтова, Николай I сначала произнес: «Собаке — собачья смерть». Но, после того как вспыхнувшая великая княгиня

Мария Павловна отнеслась к этим словам с горьким упреком, вышел в приемную и объявил собравшимся там после традиционного богослужения: *«Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит».*

17 (29) июля на небольшом пятигорском кладбище собралась огром-

ная толпа народа — местные жители, отдыхающие, полковые друзья покойного, более полусотни официальных лиц. Лермонтов лежал в гробу, разом постаревший, со скорбной складкой губ под опущенными усами.

Случилось так, что гроб с телом убитого поэта понесли на плечах к могиле представители всех полков, в которых ему довелось служить. Могилу вырыли под раскидистыми ветвями дерева («...*Надо мной чтоб, вечно зеленея, \ Темный дуб склонялся и шумел*».) На могиле поставили высокую плиту тесаного камня с крестом посередине, лавровым венком сверху и выбитой по низу плиты датой смерти. Цветы на могилу несли со дня похорон.

Тело Лермонтова покоилось в пятигорской земле ровно 250 дней.

него прощания гроб был на двое суток установлен в сельской церкви Михаила Архистратига. А 23 апреля (5 мая) состоялось погребение Лермонтова в семейной часовне-усыпальнице, рядом с могилами матери и деда.

В нашем сознании Лермонтов не просто великий русский поэт из школьного учебника. Он, как и Пушкин, наш современник, чьи стихи звучат по-прежнему актуально. Возможно, даже актуальнее, нежели в его эпоху. «*Богаты мы, едва из колыбели. Ошибками отцов и поздним их умом...*» «...*Все это было бы смешно, \ Когда бы не было так грустно.*» «*Люблю отчизну я, но странною любовью!*» «...*Нас тешат блески и обманы; \ Как ветхая кра-*

В нем странным образом уживались два совершенно разных человека. Один — приветливый и добродушный для тесного кружка друзей и немногих лиц, к которым он испытывал особенное уважение. Второй — заносчивый и вздорный для всех остальных знакомых, что, к сожалению, и послужило основной причиной его рокового конца

В январе 1842 года Арсеньева обратилась к императору за разрешением перевезти останки внука в родовое имение Тарханы. Получив высочайшее соизволение, она 27 марта увезла прах Лермонтова в свинцовом и засмоленном гробу домой. В пасхальную неделю скорбный corteж прибыл в Тарханы. Для послед-

са, наш ветхий мир привык \ Морщины прятать под румяны...» «*Ребята! Не Москва ль за нами? Умремте ж под Москвой...*»

И сегодня, чем дальше отдаляемся мы во времени и пространстве от Лермонтова, тем выше вырастает его печальная и загадочная фигура. □

ДИПЛОМАТ

В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

— Константин Иосифович, у вас очень интересная биография и прекрасный послужной список. Вы нигде не замарались, практически никто не может сказать в ваш адрес «кривого слова», что по нынешним временам — большая редкость. Коллеги отзываются о вас как об исключительно порядочном человеке и профессионале вы-

сокого класса... Как вам удается «держать марку» на протяжении многих лет?

— Здесь никакого секрета нет. Я ведь из семьи карьерного дипломата и сам карьерный дипломат. С детства воспитывался, что называется, в традиции государственного служения. Потом была очень мощная «школа МГИМО» и около 14 лет работы в Министерстве ино-

Имя Константина Иосифовича Косачева хорошо известно как в среде профессиональных дипломатов и политиков, так и в массовой аудитории тех наших сограждан, кого интересуют политические вопросы современности. Родился Константин Иосифович 17 сентября 1962 года в Московской области в семье дипломата, его отец всю жизнь проработал в Министерстве иностранных дел СССР. Так что с выбором профессии трудностей у Константина не возникло: окончив школу в 1979 году, он поступил в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) МИД СССР. Получив в 1984 году диплом с отличием, в дальнейшем работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате и учреждениях МИД СССР и России, а также за границей, прежде всего, в Швеции.

В декабре 1999 года его избрали депутатом Государственной Думы РФ. Он был заместителем председателя фракции и заместителем председателя комитета Госдумы по международным делам, а затем возглавил его. Когда в 2012 году Косачева назначили руководителем Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество»), а также специальным представителем президента РФ по делам СНГ, свой депутатский мандат он сдал.

В декабре 2014 года Константин Иосифович стал членом Совета Федерации, и его избрали председателем Комитета Совета Федерации по международным делам.

странных дел (МИД) СССР и России, где каждый сотрудник обязательно получает дополнительно специфическое «мидовское» воспитание.

Скажу честно: не знаю более квалифицированной и качественной школы служения государству, чем наш МИД. Кто-то из коллег сказал, что МИД России — это единственное ведомство, которое не имеет ведомственных интересов... Полно-

стью разделяю эту мысль. Возьмите хоть Минобороны, хоть МВД, хоть Минсельхоз — да любую буквально госструктуру! — там всегда есть какие-то собственные «внутренние приоритеты». И только у МИДа любые приоритеты — исключительно государственные. Поэтому мне всегда было очень комфортно в моей работе в МИДе, она, можно сказать, полностью соответствова-

ла моему внутреннему мировосприятию.

— Ну, с дипломатической сферой все более-менее понятно. Но ведь вы потом перешли в сферу публичной политики, а в ней совсем другая специфика... Как проходила «адаптация»? Неужто совсем без проблем?

— Перейдя из МИДа в поле публичной политической деятельности, я действительно серьезно пересмотрел прежние профессиональные установки. Момент этот требует определенного разъяснения. Придется начать с некоторой «предыстории».

Как карьерный дипломат, я относился к категории тех, кто знает «очень многое о малом», то есть по вопросам о той сфере деятельности, за которую он отвечает. Я был «узким» специалистом в области «скандинавистики». Само собой, я владею шведским языком, почти 9 лет отработал непосредственно в Швеции, досконально знаю эту страну, ее народ, ее политику и культуру...

Так вот, когда я перешел в сферу публичной политики, мне поневоле пришлось заниматься самыми разными вопросами, общаться с очень разными людьми, в том числе из медийной сферы. Контакты с представителями СМИ многократно возросли, когда я возглавил Комитет по международным делам Госдумы. Знаете, я даже стал часто

просыпаться под звонки журналистов, которых постоянно интересовали самые разнообразные моменты российской внешней политики. Кстати, я принципиально не скрывал номер своего мобильного, чтобы облегчить всем желающим корреспондентам возможность контактов со мной. Порой чуть ли не с интервалом в пару минут мне приходилось отвечать на совершенно не связанные между собой вопросы — скажем, о нашем мнении по поводу решения президента Обамы не выходить из североамериканского торгового соглашения НАФТА, и тут же — о проблемах электроснабжения Луганска, потом — о бомбардировке Израилем Хезболлы под Дамаском...

Специально беру современную проблематику, чтобы можно было понять «тематический разброс» моей работы как публичного политика. Соответственно, я должен компетентно разбираться в каждой из актуальных международных тем. То есть мне приходится выступать с позиции человека, который знает не очень многое, но об очень многом. И в этом «очень не очень многом» по каждой теме я должен уметь сжато выделить самое важное. Необязательно владеть всеми деталями тех или иных международных процессов, но, допустим, понимать внутренние пружины взаимоотношений между Израилем и Ираном, когда разговор заходит о Хезболле, я обязан.

— Прежде чем мы перейдем к сегодняшней вашей деятельности, позвольте вспомнить период, когда вы руководили Федеральным агентством по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество»), а также были специальным представителем Президента РФ по делам СНГ. Кроме прочего, вам удалось дважды вынести проблемы соотечественников на заседания самого высокого уровня, благодаря чему эта работа активизировалась и стала более конкретной. В итоге о «Россотрудничестве» перестали говорить как об организации «чиновничьего туризма»... Что было главным для вас в той работе?

— В «Россотрудничестве» я, к сожалению, работал недолго — чуть менее трех лет. Но за это время мы успели подготовить минимум четыре документа такого особого рода и, что еще важнее, под ними появилась подпись Президента. То есть документы эти получили официальный статус в правовом поле государства.

Итак, тогда в «Россотрудничестве» были сформулированы: новая «Концепция государственной политики России в сфере содействия международному развитию», определявшая параметры помощи зару-

бежным странам, две концепции поддержки русской школы и русского языка за рубежом, наконец, Указ Президента РФ об уточнении полномочий «Россотрудничества», которым эти полномочия были существенно расширены. Собственно, как раз с появления этих документов и должна была начаться осмысленная и целенаправленная деятельность «Россотрудничества». Мы были уверены, что все пойдет в нормальном ключе, но, как это часто случается, неожиданно возник «черный лебедь»: наступил 2014-й год, в феврале — марте произошли известные события на Украине, которые привели к масштабным санкциям против России... Вскоре сделалось очевидным, что у государства Российского нет и в обозримом будущем не будет достаточно средств, чтобы финансировать некоторые другие программы. Увы, такого рода работа слишком затратна. Так что пришлось отложить все до лучших, как говорится, времен. С тем я и покинул «Россотрудничество» в декабре 2014-го, перейдя в Совет Федерации.

— Хорошо, с затратными статьями можно и повременить. Но ситуацию с русским языком и русскими школами за рубежом — а это тоже сфера деятельности «Россотрудничества» — объяснить сложно. Численность говорящих на русском языке за пределами Российской

Федерации исчисляется миллионами, и вряд ли можно признать работу агентства по продвижению российской культуры и русского языка в этой аудитории хотя бы просто удовлетворительной.

Возьмем для примера российские школы при посольствах РФ. В них, как известно, в первую смену бесплатно обучаются дети дипломатов РФ и некоторых стран СНГ, российских журналистов, сотрудников российских представительств, а во вторую смену два раза в неделю по 3 часа — дети дипломатов, журналистов и других чиновников, которые в первую смену занимаются в школах страны пребывания. Вместе с последними посольские школы на платной основе посещают дети эмигрантов и беженцев из стран СНГ, дети от смешанных браков, родители которых хотят, чтобы они не только знали русский язык, но и получили российское образование.

К сожалению, за последние 3–4 года число таких ребятишек сократилось в разы, потому что резко увеличилась оплата. Скажем, в Европе стоимость обучения в школах при посольствах РФ составляет 180–250 евро в месяц, что во много раз превышает плату за обучение в местных школах, если таковая есть вообще...

— Лично я всегда поражался тому, что мы за учебу в наших посольских школах взимаем деньги... Там, кстати, есть еще дети сотрудников посольств других стран, которые готовы с удовольствием учить своих детей в наших школах. Приводят ребятню, например, сотрудники посольств Казахстана, Киргизии, да и той же Украины — по сей день. Вообще говоря, для нас самих это крайне важно. Я бы даже так сказал: это нам было бы правильно приплачивать родителям за то, что они приводят к нам своих детей.

Вопрос с русской школой за российскими рубежами мне решить не удалось. Все уперлось в действующий федеральный закон об образовании, который не предусматривает возможности предоставления бесплатных образовательных услуг в иностранных диппредставительствах России. Мы начали готовить поправки к этому закону, но потом дело как-то увязло в текучке и технических препонах... Но спасибо, что вы мне об этом напомнили, поскольку ничто не мешает мне возобновить работу над этими поправками сейчас. Может быть, через Совет Федерации даже легче будет действовать.

Вообще-то русские школы при наших зарубежных посольствах — это только одна из градаций. В новой концепции мы в свое время прописали несколько категорий русских школ в иностранных государствах. Дело в том, что в российском зако-

нодательстве самого понятия «русские школы за рубежом» раньше не было. И только после подписания концепции Президентом РФ этот термин появился, наконец, в правовом поле России.

Мы классифицировали зарубежные русские школы по следующим основаниям: школы при российских посольствах, где должно вестись обучение на русском языке и по российским образовательным программам, школы в иностранных государствах с русским языком обучения, где тоже используются наши образовательные программы, но официально управляются они образовательным ведомством страны пребывания, и школы негосударственные — общественные, частные, церковно-приходские и т.п.

Предусмотрели также механизм формирования подпрограммы, которая так и называлась «Русская школа за рубежом». Президент России все это утвердил, но, к сожалению, «Россотрудничество» в дальнейшем дело до логического конца не довело. Это видно, например, по тому, что выделяемые средства остаются где-то в промежуточных структурах, поскольку неизбежно возникает масса каких-то юридических и иных неувязок. Предложенная нами подпрограмма как раз должна была помочь оперативному устранению разного рода спорных моментов.

Я убежден, что русская школа за рубежом — одно из важнейших звеньев российского гуманитарно-

го присутствия в мире. Более того, нам обязательно нужно создавать для зарубежья комплексную вертикально-интегрированную воспитательно-образовательную систему.

Советский Союз, следует отметить, прекрасно умел вести селекционную работу в духе «мягкой силы». Не случайно и сейчас в некоторых развивающихся странах до половины правительств составляют выпускники советской высшей школы...

Хочу сказать о том, в чем разница между «мягкой» и «жесткой» силами. «Жесткую силу» являют собой граждане России — все мы, кто по определению готов и должен защищать свою родину, кто запускает ракеты, строит трубопроводы, ставит великолепные спектакли, пишет и издает замечательные книги и так далее. А «мягкую силу» олицетворяют те, кто, не являясь гражданами России, знают нашу страну, понимают ее и — в идеале — любят. По разным причинам. Кто-то здесь учился, кто-то женился, кто-то занимался бизнесом, кому-то просто нравится наш балет или Юрий Гагарин — не суть. Важно — что они на стороне России...

— Вам приходилось немало выступать на европейской, так сказать, арене, вас хорошо знают в международной политической элите. Многие до сих пор помнят, например, ваше яркое выступление в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) в 2009 году, в

котором вы элегантно и жестко напомнили европейцам, что некритичная поддержка известного «жевателя галстуков» Саакашвили прямо приводит их в лагерь продолжателей дела Сталина. Если учесть, что ПАСЕ — организация профессиональных «говорунов», восхищение европейских коллег вашим выступлением лучше любых слов говорит о вашем ораторском и дипломатическом искусстве...

А вообще, поясните, пожалуйста, Константин Иосифович, есть ли у «коллективного Запада» значимые цели, какие-то концептуальные сценарии будущего? Ведь когда неискушенный человек смотрит на действия западных политиков, создается стойкое впечатление утраты официальными руководителями «коллективного Запада» сколько-нибудь разумного подхода в их стратегии и тактике и понимания того, что происходит сегодня в мире...

— Главная цель Запада в настоящее время сводится к тому, чтобы утвердить неравенство в международных отношениях с признанием исключительной роли западного военно-политического и экономического блока в судьбах мира. Этот сценарий реализовывался на протяжении всего XX века, и сейчас его апологеты вплотную подошли к нужному им результату. Признание ми-

ровым сообществом исключительности небольшой группы стран будет означать, во-первых, наделение «избранных» карт-бланшем на любые действия, в том числе неправомерные, за которые, вообще говоря, полагается строжайшая ответственность. Во-вторых, исключительность эта должна гарантировать новоявленному «авангарду человечества» избавление от объяснения даже явных ошибок или откровенных преступлений.

Убедиться в реализации именно этой программы легко. Посмотрите, кто сегодня обсуждает бесчеловечные бомбардировки Белграда, или варварское убийство Каддафи, или вопиюще неправомерную казнь Саддама Хусейна, или самый последний удар американцев по сирийскому аэродрому «Томагавками»?.. Примеры можно продолжать и продолжать, но и так понятно: западные политики любую свою международную акцию проводят с таким расчетом, чтобы, в случае успеха, растрюбить о ней на весь мир, а в случае провала — просто замолчать свои просчеты как несущественные. Само собой, такая ситуация исключительно комфортна для западных лидеров, и они будут насмерть биться, чтобы так все и оставалось.

Схема эта родилась в начале 1990-х и дальше усиливалась неуклонно и постоянно. Только в начале нулевых годов Россия практически в одиночку вступила в спор с сильнейшей мировой коалицией во главе

с США, отказавшись подчиняться несправедливым правилам. Мы можем гордиться тем, что российская власть вообще решилась на это.

С тех пор у нас появилось достаточно много союзников. Правда, далеко не всегда они ведут себя столь же последовательно и активно, как мы. Взять хотя бы Китай, в мышление политической элиты которого заложен императив не вступать в конфронтацию с сильными оппонентами. В силу исторической традиции Пекин предпочитает решать сложные международные задачи чужими руками, в настоящий момент, прежде всего, — российскими. Тем не менее, это не мешает России и Китаю оставаться на мировой арене надежными партнерами и даже — я в этом абсолютно убежден — стратегическими союзниками.

— Неужели западные политики не понимают, что настаивать на своей исключительности и дальше — совершенно бессмысленно? Что ситуация изменилась кардинально?

— На уровне второго, третьего и так далее эшелонов западной общественной мысли, насколько можно судить, существует понимание, что сложившееся положение — путь в никуда, что ситуация контрпродуктивна в первую очередь для самого Запада. И это понимание накапливается год от года. Все больше людей говорят об этом открыто и откровенно.

Скажем, я только примерно 10% своих встреч провожу в «официальном формате», а 90% — это доверительные беседы с иностранными коллегами. Причем, говорим мы, без всякого преувеличения, «на одном языке». Если официальная часть — это лозунги и обмен вполне дежурными взаимными обвинениями, то в неофициальной мы переходим к разговору по существу. И я с удовлетворением вижу, что российская позиция воспринимается оппонентами вполне здраво.

Специально уточню: иностранные коллеги признают не продвижение каких-то специфических российских интересов, а объективную обоснованность российской позиции, которая защищает справедливую конструкцию мира, учитывающую интересы всех. Понимают они и то, что, если договориться не удастся, нам придется защищать свои национальные интересы, в том числе и не самыми эффективными способами — продолжать тратиться на оборону, закрывать границы, вводить экономические контрсанкции, делать другие непродуктивные вещи. Мы в России отдаем себе отчет в том, что это тоже путь в никуда, что в противостоянии нам свои задачи не решить. Поэтому и предлагаем всем сторонам договариваться на равноправной основе.

Поиск вариантов сближения позиций фактически прекратился после известных событий на Украине в 2014 году — событий спровоци-

рованных, которые мы в России никоим образом не конструировали. Именно поэтому у нас не было никаких конструктивных заготовок поведения. Убежден, что действовали мы тогда правильно, несмотря на «политический цейтнот», в который нас загнали наши западные «партнеры». По большому счету, Запад вынудил нас действовать, теперь тот же Запад мечтает о реванше, но справедливо опасается возросшей во всех отношениях мощи России. Отсюда истерические метания руководителей западного сообщества. Нам же теперь остается просто ждать, когда оппоненты справятся с эмоциями и восстановят способность адекватно реагировать на произошедшие перемены. То есть признают, что возврата к прошлому все равно не будет.

— Но пока «просветления» западных лидеров не произошло, мир продолжает пребывать в состоянии все более нарастающих угроз. Каковы они, эти угрозы? И какие из них реальные, а не просто вымыслы политтехнологов?

— Начну я, пожалуй, с того, что реальные угрозы сегодня, как и в XX веке, создаются не какими-то реальными действиями, а идеологиями, основу которых составляют агрессививно-фундаменталистские претензии на обладание абсолютной и «единственно верной» истиной. Особенно опасны те из «идеологов», которые, во-первых, имеют силы

и средства для уничтожения слабейших и несогласных, во-вторых, заранее оправдывают собственные силовые действия в отношении их, в-третьих, неустанно ищут и, естественно, находят виновников мировых и своих собственных проблем, огульно маркируя их «врагами демократии», «врагами свободы», «врагами религии», наконец, «врагами человечества». Себя же они имеют обыкновение представлять неким «сияющим градом на холме», на этом основании присваивая право управлять людьми или даже миром по собственному усмотрению.

Таких «идеологических фундаментализмов» сегодня три: ваххабитский (его олицетворяет запрещенное в России квазигосударственное образование ИГИЛ), псевдокоммунизм северокорейского типа (КНДР) и либерально-глобалистский проект, продвигаемый частью элит западного сообщества. На первый взгляд, сравнивать эти «фундаментализмы» невозможно, однако, если внимательно присмотреться, обнаруживаются поразительные вещи, роднящие их между собой. Все они, в частности, широко используют в своей практике шантаж и угрозы применения силы, обязательно проводят визуальные и медийные акции, массово привлекая зомби-активистов, которые выражают страстное желание, в том числе, и насильно навязывать свои «самые светлые в мире идеи» всем и каждому.

*Константин
Иосифович
Косачев*

Достаточно посмотреть на разрушительные «игры» вокруг Дональда Трампа до и после его избрания президентом США. Или на продолжающуюся, искусно скоординированную и крайне грязную кампанию против «популистов» в Евросоюзе. Или на откровенно клеветнические

информационные кампании против России, которые как бы передают эстафету друг другу: очернение Олимпиады в Сочи плавно переросло в истерики по поводу украинских событий, потом на тему военной операции в Сирии, далее — вокруг «кибератак» мифических россий-

ских хакеров в США, Европе и так далее...

Когда начинаешь все это анализировать, складывается стойкое ощущение, что руководство западными демократиями захватили люди мессианско-сектантского мышления, ради своей «веры» готовые буквально на все, и действующие исключительно по крайне опасному для всех принципу «цель оправдывает средства».

Они довольно долго пребывали, скажем так, в «наступательной фазе». Однако в последние два-три года ситуация изменилась радикально, и либерал-фундаменталисты почувствовали угрозу той модели мира, которую им удалось утвердить, — демократической и либеральной только по названию, но однополюсно-авторитарной по сути.

Эту перемену чутко почувствовали народы стран Запада и стали все больше и больше отказываться в доверии своим национальным элитам. А находящиеся у власти либерал-фундаменталисты предсказуемо отреагировали на неорганизованный пока массовый протест по самой что ни на есть авторитарной схеме. Прежде всего, они, разумеется, усмотрели в происходящем «происки внешнего врага», на роль которого по традиции назначили Россию. Одновременно началась активная демонизация внутренней оппозиции, лидеры которой маркируются как «новые диктаторы». Ну, и, наконец, собственные

народы либерал-фундаменталисты обвинили в приверженности популизму. Причем их совершенно не волнует, что оппоненты-популисты, вообще-то, реагируют на уже достаточно громко звучащие требования народа, которые всячески игнорируются власть предержащими. Отсюда впечатление, что традиционная западная демократия, какой мы ее знаем, все больше мешает новоявленным «либеральным демократам».

— Но все же последние события показывают, что пока, во всяком случае, «популистам» не удалось одолеть «либеральных демократов». Чего ожидать нам в России в связи с этим? Смягчение ситуации в мире и снижение градуса противостояния между Россией и «коллективным Западом», по всей видимости, откладывается?

— Совершенно понятно, что европейская «революция снизу» на какое-то время застопорилась. Глобальным либеральным элитам удалось нейтрализовать разрушительные для них инициативы в Евросоюзе, заблокировать радикальную программу Дональда Трампа, которого вместе с его командой американский конгресс и транснациональные СМИ общими усилиями загнали в сети русофобской «шпиономании». В Европе после Франции, похоже, «либеральные демократы» выборы выиграют везде, прежде всего в

Германии. Явные манипуляции общественным мнением со стороны евро-американских СМИ пока продолжают оставаться вполне эффективными.

Очень может быть, что, отразив атаку «популистов», либеральные элиты на какое-то время ослабят нападки на внешних «врагов европейских ценностей», то есть на Россию. Тем не менее, западный фундаментализм никуда не уйдет, как и вызванные им кризисные явления в западном сообществе и в мире. Вряд ли «либеральные демократы» откажутся от таких своих высокоэффективных инструментов, как госперевороты, «гуманитарные интервенции», «цветные революции», — их современного «джентльменского набора» для проведения «либерального джихада» по всему миру. А значит остается актуальной угроза внезапного перерастания очередной «холодной» войны в весьма «горячую» третью мировую... Известный сербский режиссер Эмир Кустурица заявил в одном из интервью, что победа Хиллари Клинтон в США неминуемо привела бы к «огромной войне». Клинтон проиграла, но не те силы, которые вели ее во власть.

— Что делать в столь опасной ситуации нам?

— В первую очередь, само собой, «держат порох сухим» и всячески заботиться о повышении нашего оборонного потенциала. Давно уже общим местом считается тот факт,

что западные «партнеры» уважают только силу и готовы говорить только с сильными. А слабых они просто «съедают» — без особых эмоций и угрызений совести.

Имея надежный «силовой ресурс», способный охладить пыл западных милитаристов, мы можем вести себя по схеме, которую Запад когда-то очень успешно практиковал в отношениях с «заидеологизированным» Советским Союзом: упорно настаивать на прагматичном диалоге, не поддаваясь на попытки втянуть нас в бесплодные, но крайне опасные идеологические дискуссии по поводу наших «посягательств» на чьи-то там «ценности». Параллельно России следует активно участвовать в выстраивании многополярного мира — в качестве равноправного, уважающего другие народы, авторитетного и уверенного в себе государства.

— Сегодня в мире идет борьба за ресурсы — нефть, газ, полезные ископаемые, дешевую рабочую силу... И уже началась борьба за воду — правда, пока локального характера, которая в информационном поле еще замалчивается. Хорошо известно, что только у двух стран — Бразилии и России — пресной воды в избытке. Не создаст ли это нам угрозы в ближайшем будущем?

— Нет никакого сомнения как в обострении борьбы за ресурсы, так и в том, что следующая глобальная

схватка будет именно за воду. Статистика демонстрирует следующую картину: у нас 2% населения земного шара, которые контролируют 12% мировых земель, 20% воды и от 40 до 80% других природных ресурсов. Все это досталось нам от наших великих предков вместе с нашей замечательной историей... В этой связи Россия, несомненно, будет объектом мощного внешнего воздействия. Соответственно, надежная защита национальных богатств для будущих поколений россиян — одна из важнейших наших задач.

Я много думал о том, что могло бы стать национальной идеей для России. Все знают формулировку, предложенную Президентом страны и связанную с укреплением патриотизма. С ней невозможно спорить, поскольку любовь к Родине — краеугольный камень всего. Но развивать и уточнять патриотический дискурс национальной идеи не только допустимо, но и необходимо. Как раз в таком контексте я бы добавил в основную формулу еще два слова: освоить Россию.

Действительно, мы ведь до сих пор так и не освоили собственную страну. Часто мы просто подражаем нашим иностранным партнерам, которые начинают проявлять активность за пределами собственных границ вынужденно, потому что исчерпали собственные ресурсы для внутреннего развития. Тем же немцам надо продавать свои «Мерседесы», условно говоря, по всему миру

именно для собственного дальнейшего развития. То же самое можно сказать о французах, итальянцах, японцах и так далее.

Россия в этом смысле — уникальная страна. Мы можем, ни с кем не вступая в конфликт, не конкурируя, продолжать свое развитие с опорой на внутренние ресурсы. При разумном подходе это колоссальное конкурентное преимущество! Но пока, на мой взгляд, мы всерьез в полной мере такого рода задачами не занимаемся. Убежден, что мотивация «самоосвоения» имеющегося в нашем распоряжении богатейшего ресурсного потенциала могла бы стать мощной частью национальной идеи России и российского народа.

— Ну, о политике мы поговорили достаточно, хотя темы эти воистину неисчерпаемы. Однако читателям нашим, конечно, хотелось бы узнать и о вашей личной жизни. Известно, что с вашей супругой Людмилой Алексеевной вы познакомились в ходе, скажем так, зарубежного турне. Вспомните, пожалуйста, как это произошло...

— В советское время была такая специализированная сфера — международный туризм. Занималось этой сферой и «Бюро молодежного международного туризма — Спутник». В группы набирали людей, которые заслужили это своим отменным трудом. Будущая моя супруга тогда готовилась к поступлению в медицин-

ский вуз и работала в Москве на заводе. Трудилась хорошо, стала передовиком производства и даже «Ударником коммунистического труда» — существовало тогда такое почетное звание. Когда через «Спутник» организовали туристическую поездку для заводчан в Швецию, среди отобранных 30 человек оказалась и она. Шел 1982 год. Я учился уже на третьем курсе, и мне предложили сопроводить именно группу с моей будущей женой в качестве переводчика по маршруту «Стокгольм — Гетеборг». Во время поездки мы познакомились, а вскоре после возвращения — поженились.

История более или менее обычная по тем временам, но есть и интересные моменты. Как я говорил раньше, «скандинавистика» в нашей семье — дело потомственное. Перед моим собственным рождением в 1962 году родители работали как раз в Швеции. Советским сотрудникам тогда не разрешали рожать детей за рубежом. Связано это было не с идеологией, а с возможными финансовыми затратами. Рожениц всегда отправляли на родину, так что мама родила меня в Москве, а уже через две недели мы вернулись в Стокгольм.

А вот мой сын Александр — сейчас он младший дипломатический сотрудник российского посольства в Японии — родился в 1991 году в Стокгольме, буквально за две недели до распада Советского Союза. То есть нам с супругой удалось то, что не удалось моим родителям. Конечно,

но, мы к этому не стремились, но так вот получилось... В общем, со Швецией меня связывает очень многое: школа — там я пошел в первый класс, профессия, знакомство с будущей женой и даже рождение сына.

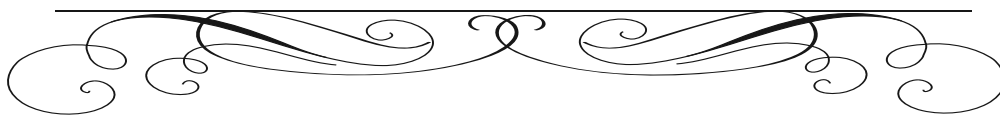
— Легко заметить, Константин Иосифович, что вы находитесь в завидной физической форме. Это результат самодисциплины и занятий спортом?

— Чем дольше живешь, тем больше приходится уделять времени своему здоровью, прежде всего тренировкам. Дело это не только нужное, но и обязательное. Что касается меня, то я каждый день посвящаю спорту от одного до двух часов. Это железное правило. Плавание, бег, ходьба, велосипед, лыжи — в общем, в зависимости от сезона.

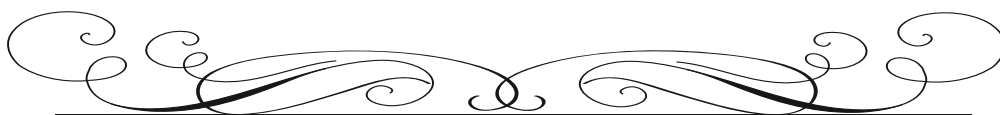
Публичный политик должен быть всегда в отличной форме — физической и психологической. Иначе деятельность его не будет эффективной, и он быстро утратит профессиональную хватку. Понимание этого и заставляет меня уделять спорту постоянное внимание. Думаю, любой человек, который собирается посвятить себя публичной политике, должен учитывать, что работа эта совсем не такая легкая, как кажется со стороны. Тому, кто слаб духом, телом и не обладает прочными знаниями в самых разных областях, делать в публичной политике нечего. □

Беседовал **Олег Юзифович**

ЗОЛОТЫЕ СНЫ БАХЧИПАРИЖА

Памяти Натали В.

Она шла по другой стороне улицы: тонкая, натянутая, как струна, с подчеркнута приподнятой головкой.

Лица не разглядеть, но я сразу решил, что оно милое, с вздернутым носиком и тонко обозначенными скулами, а лоб выпуклый и высокий.

И тут же подумал, что когда-то знал ее, но почему-то забыл.

Пока мираж этот медленно проплывал мимо меня, я погрузился в прошлое, а когда вынырнул, на той стороне улицы было уже пусто. «Гений чистой красоты», она исчезла, пропала...

... Я лежал на старом диване в пристройке купеческого дома, приспособленной под кухню, и наслаждался тишиной и покоем. Дверь была открыта настежь, потому что стояла аномальная жара. Мои домашние всем выводком отправились на озеро. Все семейство: это дочь, зять и двое внуков.

У дочери и старшего внука хлопотная работа. Она редактирует местную газету, а он — ее верстает, совмещая эту работу с аналогичной, но в еще более объемной газете, для чего ему приходится мотаться ежедневно, кроме четверга, в Симферополь. Поскольку он не высыпается, то каждый свободный час проводит в полусне, а по ночам, если не сидит в «ВКонтакте», ходит на свидания к своей первой в жизни девушке. Благо она живет в одном с нами дворе, располагающемся в глубине Старого города, неподалеку от Хан-Сарая.

Я люблю эти свои одиночества. Особенно по ночам, когда раздается голос муэдзина, призывающий правоверных на молитву. Рядом за речкой высится новая мечеть, и этот запредельный голос всякий раз находит в моей душе щемящий отклик. В такие моменты я все увереннее осознаю, что в моих жилах течет и эта кровь...

... Она приехала на свои первые студенческие каникулы. Ее обновленный облик мгновенно покорила меня, хотя мы с ней выросли по соседству.

К радости моей, я видел, что тоже нравлюсь ей. Мы проводили много времени вдвоем. И я, видя ее доверие ко мне, стал задумываться над тем, как нелегко будет с нею расставаться. Ведь я слишком еще молод, чтобы связывать себя узами семьи.

Все разрешилось само собой — появился он. Этот чужак просто приехал в гости. И сразу же привязался к ней. Они постоянно что-то горячо обсуждали, а я все пытался понять, о чем это они говорят, и не понимал. Речь шла о какой-то совсем другой жизни, которую я не знал. При этом она смотрела на него такими глазами, какими давеча смотрела на меня.

Так до меня дошло, что мы с ней не пара, и что мне надо срочно поступать в институт.

Любил ли я своих женщин? Не смогу однозначно ответить. Да, несчетное число раз я говорил слова любви тем, имена которых не называю, не потому, что забылись, а потому, что не хочу обидеть тех, кого не вспомню. Незачем огорчать сердце, которое тебя любило. Хватит и того, что ты изменил ему.

И сейчас, лежа в пристройке на старом диванчике на краю Бахчипарижа, я снова вспоминал Француженку. Юную, ослепительную девочку-экскурсовода из Хан-Сарая.

Однажды в одну из таких ночей, когда звезды падают градом, она появилась в нашем заросшем календулой дворе. Хотя было темно, я сразу

узнал ее — по фигуре, по порывистым движениям. Я вышел из дома и окликнул ее. Она в ответ махнула рукой, поманив меня за собой, и я, как был в шортах и майке, так и двинулся за нею, словно замороженный. В свете уличного фонаря она вдруг остановилась, и я, поражаясь отсутствию в ней ожидаемых перемен — ведь с тех пор, как мы расстались, прошла уйма времени, — проговорил:

— Господи, какими судьбами?! Откуда ты?!

— У меня уже отпуск кончается, а я вдруг случайно узнала, что ты снова здесь. Очень захотелось тебя увидеть. Пойдем, побродим тротуарами нашего прошлого.

— Да! Конечно, пойдем!

И мы пошли.

— Мы с тобой не виделись много-много лет. Расскажи о себе. Я ведь ничего толком про тебя не знаю.

— Почти все обо мне ты можешь прочесть в моих книгах, — ответил я и тут же осекся — ведь выходили они мизерными тиражами, так что вряд ли можно их найти в здешних библиотеках.

— Некогда мне сидеть в читалке... Поэтому прошу, рассказывай! Мне хочется знать о тебе все, вплоть до самых разных мелочей...

...Осень 1962 года началась 14 сентября. Мелкие дожди, сбитая ветром, дующим с пролива, листва, ранняя интернатская побудка... Все это страшно давило. Я скучал по дому. По его запаху и вкусу хлеба, по привычной для меня заботе о хозяйстве...

Мне становилось все тоскливее. Но я терпеливо сносил свои тяготы. Плохо сходился с подростками, большинство из которых были детдомовцами. Они имели на такую жизнь иммунитет, а мне были чужды и своими привычками, и опытом выживания в казенных условиях.

Правда, тогда я не мыслил такими категориями. Мне кажется, я тогда вообще не умел мыслить. Я даже не догадывался, что переступил грань, из-за которой уже никогда не вернусь в родимый дом. Тем более, не представлял, что у меня больше никогда не будет своего жилища, а та кратковременная иллюзия стабильности, как я много позже пойму, была еще одним испытанием.

Чего и ради чего?

Возможно, мне когда-нибудь и этот секрет откроется.

В ту осень для меня замаячил некий свет — очень отдаленный огонек. Он был подобен крошечной звездочке в небе, туманном от тысяч иных светил. Я находил эту испускающую добрые обещания точку и жил надеждой.

Иногда мне казалось, что она сулит встречу, которая перевернет это небо, покажет мне другую жизнь и сделает мое существование радостным и не таким одиноким. Но пока никто такой в моей жизни не появился, значит, все у меня еще впереди. И, понимая это, я терпел дальше...

...Время от времени нам попадался странно одетый, похожий на тень прохожий. На жесты приветствия он не отвечал, но при этом смотрел недовольно и тут же раздраженно сворачивал в первый же переулок.

Француженка при этом фыркала и прыскала.

— Ты его знаешь? — спросил я.

— А ты не узнаешь?

— Понятия не имею, кто это...

— Какой же ты все-таки! Он — твой главный соперник. Это — Лох Серебристый.

И тут я сразу вспомнил розовощекого увальня, одноклассника Француженки. Он когда-то вместе с нами водил экскурсии по Хан-Сараю, и он ходил за нею буквально по пятам. Мы над ним все время подшучивали, особенно я. И именно я повесил на него это обидное прозвище.

Он отличался феноменальной памятью и знал много всякого разного. Его фамилия была Лох.

— А что означает твоя фамилия? — спросили у него как-то не отягощенные простыми познаниями студенты-историки.

И Сашуля с видом энциклопедиста принялся рассказывать о древнейшем дереве юга. Белобрысый, всегда пахнувший каким-то резким одеколоном, он прочел целую лекцию, из которой следовало, что так по-ученому называется ароматно цветущая деревенская маслина...

Француженка тоже была тогда с нами и иронично обронила:

— Шуля! Сам ты такой ароматный...

Ну, у меня тут же и щелкнуло: сам ты Лох Серебристый...

— До неузнаваемости похудел, — заметил я, глядя, как он в очередной раз скрывается в переулке.

— Это потому, что в последнее время он очень болел.

— Слава Богу, излечился...

— Господь рано или поздно дает каждому то, чего мы достойны.

Взрослая Француженка была другой, хотя внешне мало изменилась. Тот же росточек, те же гримаски смешливости на личике, едва-едва тронутым морщинками, порой то и дело проскальзывали в ее поведении и сентенциях незабываемые черточки того далекого, полудетского нашего возраста.

— А почему же ты остановилась здесь, а не у мамы? — поинтересовался я.

— У мамы тесно. Она вышла замуж. А тут бабушкина квартира пустует.

— А где же папа? Они развелись? Или...

— Папа вернулся к себе... Он питерский. Бахчипарижа никогда не любил. Да и маму, как выяснилось, тоже... По обоюдному согласию у них все и произошло...

— А как тебе город Петров?

— У меня там хорошая работа. Я — диктор на радио, причем вещаю на французском языке.

— Никогда не думал, что ты станешь диктором!

— Конечно, ты полагал, что я так останусь экскурсоводом в Хан-Сарае! — Французенка рассмеялась и, слегка возвысив голос, прочла:

*Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.*

Меня почему-то от этих строк окатило морозцем по коже.

— Белые ночи — это что-то! Кто хоть раз это чудо земное увидит, того всегда будет держать город Петра. А по Бахчипарижу скучаю. Каждое лето сюда навещаю.

— С папой все хорошо?

— Да, мы там вместе.

— А что мама?

— Так и работает в школе. Она у меня не по годам выглядит, потому и замуж выскочила, да еще, говорят, за парня.

— То есть?

— Он моложе нее. Причем намного.

— Говорят? Ты что, не бываешь у нее?

— Не хочу расстраивать. Она, когда меня видит, впадает в истерику. Не может смириться с тем, что я с папой, а не с ней. Поэтому я ее даже в известность не ставлю о своих здесь появлениях...

...За все лето только однажды во дворец привезли французов. Судя по одежде и прическам, это были панки. Они лопотали громко и бесцеремонно. Местами их разговор напоминал индюшачий клекот.

Это был «звездный час» нашей всеобщей любимицы. Я смотрел на нее с дрожью в коленках. Справится ли? Нахальные иностранцы, непонятно кто из них какого пола, в упор рассматривали милую десятиклассницу.

После экскурсии мы обедали в чебуречной напротив дворца, и она всем желающим позволила прикоснуться к довольно дорогому ожерелью, которое ей подарил некрасивый, похожий на де Голля экскурсант.

— Он мне дал телефон и адрес, — показала она раскрытую ладонку с красными каракулями, оставленными гелиевой ручкой.

А я тогда подумал: «А ведь станет постарше, уведут красавицу-умницу отсюда, как пить дать».

Меня, конечно, снедала ревность. Я понимал, что мог бы и сам это сделать, если было бы куда увести и на что жить. Ведь чтобы жениться, нужны не только квартира, но и деньги...

— А ты мог бы изменить мою судьбу! Мог, но не захотел... — В ее голосе не было упрека, разве что сквозило давнее, какое-то полудетское разочарование. Быть может, обида...

— О чем ты?

— Тогда я не понимала. Ты мне казался взрослым. Я была готова на все, и мне было странно, что ты ничего не делаешь...

— И потому ты стала демонстративно флиртовать с Герценом?

— Я хотела, чтобы ты и свою судьбу изменил. Словно чувствовала уже тогда, что врозь у нас все сложится не так, сложится хуже... Даже папе на тебя пожаловалась. Он специально ходил во дворец, чтобы на тебя посмотреть. А потом, вернувшись, сказал:

— Парень этот все решает правильно. Я за тебя, малышка, спокоен. Но женится он не скоро. На тебе ли? Это будет зависеть лишь от тебя.

— Почему от меня?

— Судя по твоему отношению к этому вопросу, ты выскочишь замуж еще до того, как он созреет для семейного дела. А пока дружите. Он с тобой ничего плохого себе не позволит.

— Ну, вот видишь, все так и получилось, — переводя дух, заметил я.

— Мой папа сам всю жизнь ошибался. В том числе, и в тебе. Будь ты решительнее, мог бы изменить наши судьбы.

— Перестань! Позвонила бы своему французике из Бордо. Жила бы сейчас где-нибудь в Нанте, а может, и в самом Париже.

— Ты так ничего и не понял, — вздохнула Француженка и невольно отстранилась от меня. — Поздно, поздно! Ничего теперь не изменить. — Как бы спохватившись и сожалея о своих пассажирах в адрес отца, она вдруг спросила: — А ты что думаешь о моем папе?

— Я видел его всего один раз, да и то мельком.

— И все же?

— Грубо сшитый, лохматый великан. А ты такая беленькая малышка...

— Тогда он меня так и называл — «малышка».

— Чем он занимался?

— Чем и сейчас — он перевозчик. Тогда на автобусе работал. Теперь — на пароме.

— До сих пор трудится? Он ведь глубокий старик!

— По нему так не скажешь.

— А сюда его не тянет?

— А что он тут забыл?

— А ты что забыла?

— То, чего не забыла, и тянет. Тянуло. Теперь вряд ли появлюсь.

— Почему?

— Почему, почему? По качану! — Она негромко рассмеялась. — Какой же ты все-таки...

— Тупой?

— Тугодум ты!

...Эту девушку я не мог привести к себе в общежитие. Она была для меня больше, чем просто милая... Конечно же, именно я более, нежели иные, вправе был сделать с нею то, чего сам боялся, и чего настойчиво хотела она.

Именно этот ее безмолвный напор, который в самом начале меня смущал, даже отпугивал от нее, и стал тогда спусковым крючком, на который я, в конце концов, клюнул и попался.

В первые же выходные сентября я поехал в Бахчипариж и очень быстро нашел ее в Хан-Сарае. Она вела экскурсию, а я ждал под минаретом. Я видел, что она меня заметила. И мне казалась, что не подходит ко мне сознательно, а не потому, что люди, с которыми она только что прошла Ханский дворец вдоль и поперек, ее не отпускают. Издали она показалась мне взрослой и какой-то другой. Мне тут же вспомнилось, что у нее кто-то появился, а я из-за своей нерешительности, похоже, опоздал.

А когда на площади появился Сашуля, я вдруг малодушно замер и зажмурился, представив на миг, что она, обиженная на меня за мою сдер-

жанность, уступила, в конце концов, домогательствам своего одноклассника.

— Ты что, сюда спать приехал? — Этот голос, это дыхание у самого лица, меня бы и мертвого разбудили. Я почувствовал, как сильно люблю ее, и ответил:

— Приехал на экскурсию. Проведешь для меня?

— Только не здесь...

— А где же?

— Я приглашаю тебя в поле.

Она поднялась и ушла в служебную комнату, что находилась в двух шагах под деревянной лестницей. Вскоре вернулась, таща рюкзачок, который опустила мне на колени. Он оказался довольно-таки тяжеленький.

— Что у нас там?

— Твое «нас» меня обнадеживает. Так сказала школьница, которой едва перевалило за семнадцать.

— Что ты задумала, малолетка? Куда мы идем?

— Мы идем в поход.

— Далеко?

— Не бойся, это рядом.

— В горы? — спросил я упавшим голосом.

— Зная, что ты тяжелый на подъем, я выбрала щадящий режим.

Сашуля, рванувший, было, за нами, был остановлен взглядом и едва заметным жестом своей одноклассницы.

Всю эту сцену с неприкрытым осуждением наблюдала сторожиха, которая называла своего единственного ребенка Шулей.

Очаровательная Француженка, едва мы оказались за городской чертой, стала дурачиться. Ловила панамой бабочек и пела: «...Русское поле, я твой тонкий колосок».

Ее нервное напряжение передалось мне.

— Стой, остановись! — окликнул я ее севшим голосом.

— Что, мой мальчик, ты приморился?

— Куда тебя несет?

— С того и мучаюсь, что не пойму, куда несется рок событий, — нараспев произнесла Француженка и, присев на корточки, тихо добавила: — Итак, мы вдаль от шума городского, и, если нас выследил Шуля, подойти близко незамеченным он просто не сможет.

— Он тебя обожает.

— А ты? — Глаза птичьего цвета смотрели на меня в упор, и я, не выдержав этого взгляда, молча отвернулся. — Молчание — знак согласия? Что ж, товарищ мой сердечный, открывай мешок заплечный...

Она сама рассупонила его. Вытащила и постелила домотканое рядом и сразу же улеглась на него, глядя в небо.

Еще в рюкзаке была бутылка «шипучки». Я тут же ее открыл. Она ударила пенным фонтаном, а то, что в ней осталось, мы разлили по кружкам и выпили.

Вдруг она заплакала и проговорила сквозь слезы:

— Этого я и боялась.

— Чего ты боялась?

— Если бы мы пили из бутылки по очереди, мы бы остались вместе на всю жизнь. А ты все испортил, разлил вино по кружкам.

— Зачем же ты их взяла?

— Чтобы у тебя был выбор...

Довольно поздно, уже под звездами, мы вышли на трассу Севастополь-Симферополь. Француженка сказала, что пойдет пешком, но я не позволил, и мы стали ждать попутку. Вскоре появился автобус, забитый молодыми пограничниками, и я попросил подвезти до гостиницы иностранную туристку.

Ей моя импровизация сразу же понравилась. Входя в салон, она задержалось и, сдув мне в лицо воздушный поцелуй, пропела: «Jusqu'à présent, mon cher ami!» («Пока, мой милый друг!»)

Я тоже поймал попутку, которая подвезла меня почти к самому дому. А наутро, едва продрал глаза, позвонил в Хан-Сарай. Мне ответили, что Француженка на работу не вышла. В панике я бросился в Бахчипариж. Весь день сидел в засаде против дома, в котором жила ее бабушка, дожидаясь, пока кто-нибудь выйдет. Соседка сказала, что бабушка отправилась на день рождения дочки, ну и внучка с нею. Старушка ведь совсем слепая, почти ничего не видит.

У меня сразу отлегло от сердца.

— А вы кто? — не преминула спросить соседка.

— Одноклассник.

— Что-то ты для одноклассника слишком усатый.

— Так я ведь не русский.

Ответ этот добавил отзывчивой женщине еще больше сомнений, и она долго провожала меня пристальным взглядом.

Пока я шел, в голове моей возникла дерзкая идея: купить цветы и явиться с поздравлением к имениннице.

Потом, много лет спустя, Француженка скажет: «Если бы пришел, все в нашем будущем сложилось бы по-другому»...

—Ку-ку-руд! — кричит сонным голосом первый петух. И ему вторят в разных концах Старого города такие же лунатические голоса его братьев.

—Ку-ку-рудз! — спустя час-полтора снова орет он, и ему недружным хором поддакивают другие петухи.

—Ку-ку-руд-за! — вопит горлопан перед самым рассветом, и тут же Старый город начинает, захлебываясь, тонуть в дружной петушиной разноголосице.

Я слушаю, пока они не уgomонятся, пока с ближайшего минарета не зазвучит тягучая песнь муэдзина...

Под нее и засыпаю, вымотанный творческой бессонницей...

В последнее время, после того как я встретил Француженку, бессонница эта приобрела несколько иной характер.

Однажды, когда в очередной раз она задержалась, я отправился к ее дому и, притаясь в кустах напротив, стал ждать.

К своему изумлению, вдруг увидел, как из маленькой двери в стене выскользнул похожий на тень человек, тот самый Лох Серебристый.

А спустя некоторое время, не торопясь, вышла моя Француженка. Как всегда, легкая, с тихим хохотком, словно бы только что после приятного застолья. Мне даже почудился запах «изабеллы», когда мы приветливо сблизили наши губы. О Сашуле я не спросил. Она сама пояснила, что он тоже здесь остановился.

— У вас что, гостиничный дом?

— Типа того.

Всякий раз, когда она так вот задерживалась, я нервничал, боясь, что однажды она не явится, что я больше никогда ее не увижу.

В очередной такой раз я долго кормил комаров, пока не выбрался из своей засады. За все это время ни души не промелькнуло ни в переулке, ни из-за маленькой белой двери в темной, с обвалившейся штукатуркой стене.

Решив, будь что будет, я толкнулся в нее. Звякнула и сверкнула в лунном сиянии клямка. Я зажмурился и шагнул в неизвестность, чувствительно стукнувшись лбом о притолоку — проем оказался для меня низковатым. А когда открыл глаза, даже не понял, где я нахожусь.

Это был тесный, запущенный дворик... По периметру его темнели полуобвалившиеся стены. Темные дыры в них отдаленно напоминали о некогда существовавших окнах. Кое-где на провалах висели чудом сохра-

нившиеся дверные филенки. Они да распавшиеся ступени крылечек немо свидетельствовали о том, что здесь когда-то жило несколько семей. В том числе, бабушка моей Француженки и тот самый Сашуля, потому что на валяющихся тут ржавых почтовых ящиках можно было прочесть некоторые фамилии.

Посреди дворика торчал остов разобранного фонтана, на бордюрный обломок которого я, потрясенный, присел и неожиданно заплакал, как маленький, изо всех сил подавляя этот срыв, словно боялся голосом вспугнуть свое одиночество.

Вдруг мою руку, поднесенную к горлу, что-то укололо. Это оказался один из шипов кустившейся рядом розы. Я слизнул темную каплю. Она была такой же соленой, как и слезы, не дававшие мне дышать...

Спустя несколько месяцев я, наконец, решился зайти в Хан-Сарай.

Сторожиха, которую с трудом узнал, да и то лишь по голосу, рассказала мне, что ее сынок Сашуля вот уже седьмой год как помер, причем в один и тот же день с его единственной и безответной любовью, от одной и той же «болести». Только он — здесь, а она — в Ленинграде... □

Дмитрий Зелов

ФАУСТ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Русским Фаустом назвал Александр Сергеевич Пушкин Якова Брюса — вне сомнения, самого неординарного, удивительного и загадочного сподвижника Петра Великого. Лев Толстой высказался о нем в том же духе: «Брюс на всю Россию был самый чудесный человек».

Так кто же он, этот потомок шотландских королей, отец которого эмигрировал в середине XVII века в поисках лучшей доли в загадочную и экзотичную для европейца Московию: маг и колдун, как судачила о нем народная молва, или блистательный ученый и выдающийся государственный деятель? Попробуем разобраться.

«Белая ворона» осьмнадцатого столетия

Яков Вилимович Брюс (1669–1735) — личность уникальная даже для петровской эпохи, выдвинувшей на передний край исторической авансцены драгоценную россыпь талантливых сподвижников великого преобразователя России. Брюс был, пожалуй, наиболее образованным соратником Петра Великого, обладателем разносторонних, почти энциклопедических знаний.

«Благороднейший и честнейший из всей моей компании», — говорил о нем царь Петр. Такое определение многого стоило. Достигнув заоблачных карьерных высот, возведенный Петром Великим в графское достоинство по итогам заключения со Швецией Ништадского мира, завершившего долгую и изнурительную Северную войну, благодаря чему Россия внезапно вышла на авансцену мировой истории, Брюс, в отличие от большинства высших сановников петровской России, выдержал испытание «медными трубами», не запятнал себя казнокрадством и мздоимством, а продолжал служить царю и Отечеству верой и правдой.

Немудрено, что вскоре после смерти Петра I, почувствовав свою ненужность новой власти, Брюс подал в отставку и уехал из столицы,

посвятив последние годы своего земного существования добровольному затворничеству в подмосковной усадьбе Глинки и всецело предавшись столь любимым им на протяжении всей жизни научным штудиям.

«Колдун на Сухаревой башне»

Так называется незавершенный исторический роман популярного в XIX столетии русского писателя Ивана Лажечникова. Отечественная литература «золотого века» изрядно постаралась, приложив руку к популяризации образа Брюса как мага и чернокнижника. И народная молва, и умы просвещенные крепко-накрепко связали серией мифов и легенд Брюса-чародея с Сухаревой башней.

Брюс действительно был непосредственно связан с этой архитектурной жемчужиной старой Москвы, безжалостно снесенной в середине 30-х годов прошлого столетия. Она была его рабочим местом с начала XVIII века. Здесь у него располагался кабинет и обширная научная библиотека. В верхнем ярусе башни была оборудована обсерватория, в которой Брюс занимался астрономией. Поговаривали, что по ночам колдун Брюс вылетал из верхних окон башни на огнедышащем драконе, облетал за ночь пределы Российского государства (а иногда и сопредель-

ных стран), а под утро возвращался обратно. Вероятно, в этих преданиях отразились опыты Брюса по изучения шаровой молнии. В подвалах же и подземельях башни он проводил свои многочисленные физические и алхимические опыты.

Из сказаний о Брюсе, связанных с Сухаревой башней, наиболее популярны два. Первое гласит, что для службы в подземных лабораториях Брюс сделал себе из живых цветов служанку. Та добросовестно выполняла все обязанности, только не могла говорить. Жена Брюса стала ревновать его к ней и никак не могла поверить, что та не «всамделишная». Тогда Брюс вызвал в качестве арбитра царя Петра, и при нем и жене вынул из головы служанки булавку. Та тотчас вся рассыпалась цветами.

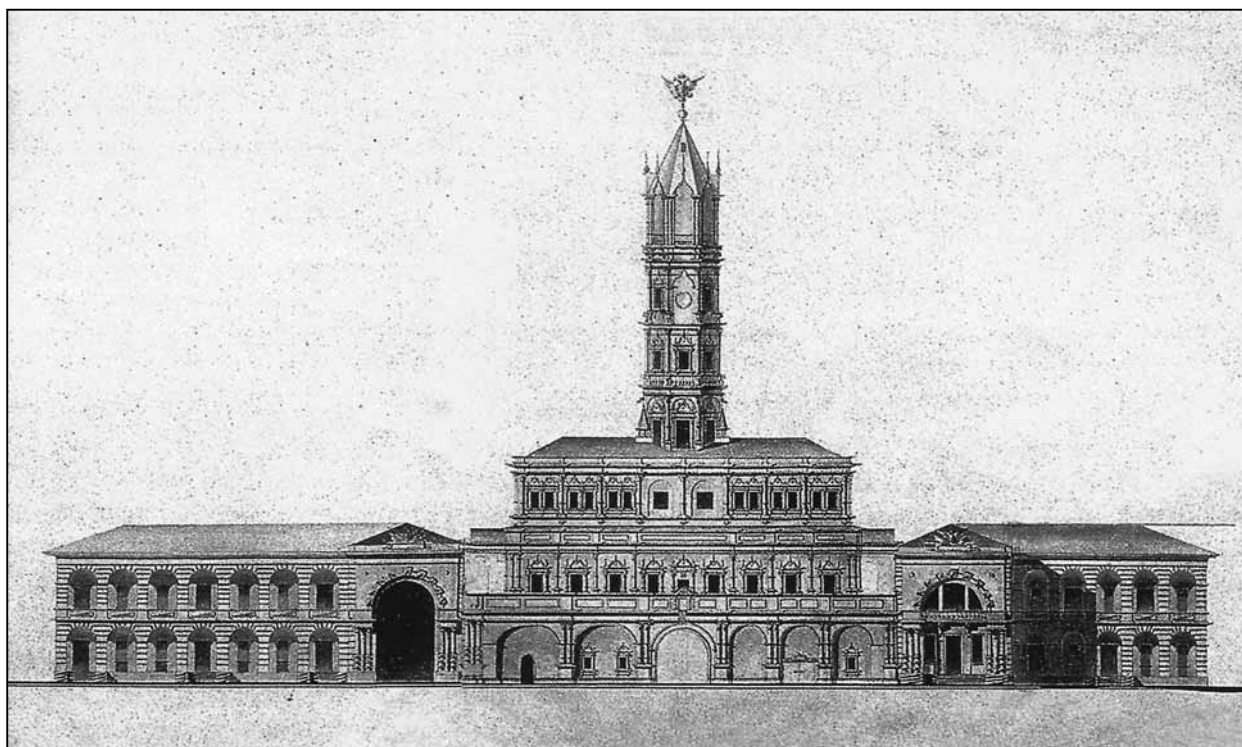
Что в этой красивой сказке может быть правдой? Это подземелья башни. При ее сносе был раскрыт белокаменный подземный ход, ведущий к расположенному неподалеку дому Брюса (1-я Мещанская ул., 14). Впрочем, не стоит полностью отметать версии и о том, что ученому удалось сконструировать вид механического робота-автомата, который для конспирации представал на публике в образе служанки (кстати, подобные автоматы были известны еще в античности, но затем полностью забыты в «темные века» Средневековья).

Второе сказание говорит о том, что Брюс создал волшебную воду, с помощью которой мог дряхлого

старика превратить в молодого красивого юношу. Первый опыт он удачно провел над своим подмастерьем, а затем решил омолодиться уже сам. Он повелел ученику разрубить себя на части и через девять месяцев полить его сначала мертвой, а потом живой водой. Ученик поклялся сделать это, но, вступив в любовную связь с женой Брюса, выдал ей свою тайну. Через положенное время ученик стал поливать разрубленные части Брюса мертвой водой. Но когда собрался полить тело живой, жена выбила склянку из рук подмастерья, вода разлилась, и Брюс так и не ожил. Далее предание красочно живописует, как разгневанный царь Петр, узнав о кознях коварных любовников, повелел отрубить им головы.

Подобные слухи могли возникнуть в связи с производившимися в петровскую эпоху публичными опытами по бальзамированию покойников, в результате которых они долгое время сохранялись будто спящие. А кровавый сюжет с неверной женой и предателем-слугой, вероятно, является своеобразной народной интерпретацией дела камергера супруги царя Вильяма Монса.

Напомним, что Петр в 1724 году узнал о любовной связи камергера с императрицей Екатериной Алексеевной. Вильям Монс, по злой иронии фортуны, был родным братом Анны Монс, первой любви молодого царя, которая также предала Петра.

Сухарева башня

Взбешенный царь повелел отрубить Монсу голову, заставив свою супругу лицезреть казнь. Печальная участь, вполне вероятно, ожидала и Екатерину, но Петр вовремя одумался, опасаясь за политическое будущее своих дочерей, хотя отношения между супругами были безнадежно испорчены вплоть до смерти государя.

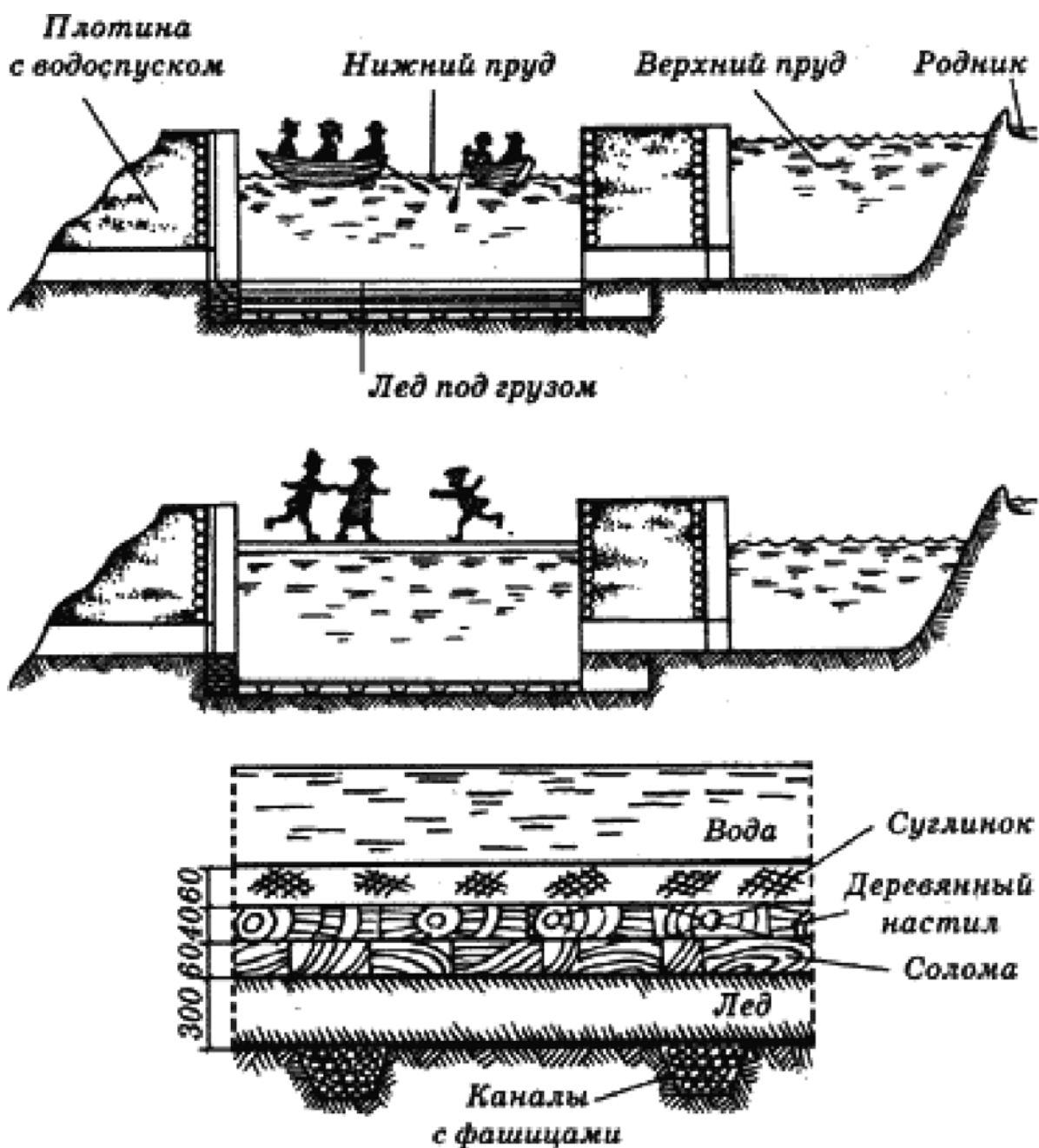
Брюсов календарь

С именем петровского сподвижника связан так называемый Брюсов календарь, ставший в дореволюционной России весьма популярным. Хотя загадка кроется в том, что Брюс никогда не был его автором.

Первое издание календаря вышло в Москве в 1709 году. Брюс был, выражаясь современным языком, выпускающим редактором календаря, о чем, кстати, можно было прочесть еще на первой его странице. Но кто же в России читает выходные данные?! Вопрос, как говорится, риторический.

А вот подлинным автором календаря был Василий Киприянов, руководитель первой гражданской типографии в России. Брюсов календарь был популярным большеформатным изданием, содержащим множество самых разнообразных сведений — от научных до церковных и сугубо бытовых. Он выдержал огромное количество переизданий, превратившись уже в правление «дщери Петровой» в расширенную

*Как Брюс с гостями летом на коньках катался.
Схема достижения чуда*

версию знакомых нам всем ныне астрологических календарей. Его популярность была велика даже в середине XIX в., а издатели рекламировали обновленную, согласно веяниям времени, версию календаря как «любопытный, загадочный, угадывающий

и предсказывающий, новейший астрономический Брюсов календарь, сочиненный на 200 лет и расположенный от 1800 года» (то есть календарь был рассчитан до 2000 года, и для тех лет действительно считался фактически «вечным»).

Тайны и загадки подмосковных Глинок

С усадьбой Глинки, в которую после своей добровольной отставки перебрался Яков Брюс, связан цикл сказаний о чудесах петровского фаворита. Но вначале вкратце о самой усадьбе.

Глинки — старейшая из сохранившихся дворянских усадеб Подмосковья, донесла до наших дней, несмотря на многочисленные позднейшие перестройки и утраты, скромное очарование петровского барокко. Причем хозяин лично разработал архитектурный проект своего поместья.

Одна из легенд Глинок рассказывает, как Петр Великий любил приезжать в имение к своему сподвижнику, отдыхая в тени садового флигеля усадьбы, который в наше время часто называют «Петровским домиком». Здесь Петр и Брюс якобы и беседовали, вспоминая славные ратные подвиги. Так оно, вероятно, и могло бы быть, если бы не одно но... Купчая русского шотландца на усадьбу датируется 24 апреля 1727 года, а к этому времени благодетеля Брюса, царя-батюшки, уже как два года не было в живых.

Другая легенда Глинок еще более неправдоподобна. Якобы Брюс любил развлекать своих гостей катанием на коньках в знойный лет-

ний день на одном из усадебных прудов. Скажете, вот это уж наверняка вымысел! А вот и нет — при всей своей фантастичности и невероятности, эта легенда оказалась на поверку чистой правдой. И магия «чернокнижника» Брюса здесь ни при чем, хотя хозяин усадьбы, вероятно, и напускал ореол таинственности для пущего эффекта.

«Чудо» же заключалось в следующем. С зимы на нижнем пруду намораживали лед, который к марту достигал толщины до 30–40 см. Ранней весной воду спускали, лед опускался на дно. Сверху на лед набрасывали толстый, до 10 см, слой соломы, затем на солому клали деревянные щиты, а на них слой суглинка, тоже до 10 см. Такая конструкция обеспечивала надежную тепло- и гидроизоляцию льда, который мог храниться, не тая, хоть все лето. Затем пруд вновь заполняли водой. Днем, в летний погожий день, на нижнем пруду Брюс катал гостей на лодках. А когда те уходили на обед, то воду из нижнего пруда спускали. Затем с помощью лошадей растаскивали щиты с грунтом, а солому убирали. После нижний пруд заполняли водой из верхнего пруда. Лед всплывал, и каток среди жаркого дня был готов! К вечеру гостей вели в парк, приглашая покататься на коньках. Все принимали это за милую шутку, но, подойдя к пруду, Брюс взмахивал «волшебной палочкой», и ... среди вспыхивающих в ночном небе

разноцветных огней фейерверка ошеломленные гости видели перед собой ослепительно искрящуюся гладь льда.

В месте, где жил такой необычный человек, всегда возникают слухи о подземных ходах, спрятанных сокровищах и кладах, замурованной в подземных чертогах библиотеки Брюса. Версия о подземельях не лишена основания. Проведенные в усадьбе биолокационные исследования подтвердили наличие многочисленных подземных пустот, являющихся, скорее всего, ходами, соединяющими дворцовые постройки.

Вот только кладов, сундуков с серебром и золотом, равно как и библиотеки Брюса, в усадьбе нет. Брюс являл собой не образ скупого рыцаря, чахнувшего, подобно пушкинскому Кощею, над золотом, а честно-го слуги государя, тратившего практически весь свой доход на научные занятия. Что же касается библиотеки, якобы замурованной в одном из подземных ходов усадьбы, то тут все гораздо проще.

Обширное книжное наследие Брюса, представленное в основном работами естественного и научно-технического характера на иностранных языках (русских книг в ней было всего лишь 40 штук), вместе с научными приборами и инструментами было отправлено после смерти хозяина, согласно его завещанию, в Санкт-Петербург, в Академию наук. Для перевозки потребовалось

аж 30 подвод! В столице научное наследие Брюса было подробно разобрано, составлена его детальная опись, и оно пополнило впоследствии коллекции Кунсткамеры.

А вот что мало поддается объяснению, так это то, как Брюсу удалось предсказать печальную участь в будущем своей усадьбы, которая «погибнет в пламени на грани веков». Брюс не оставил после себя наследников: после смерти графа Глинки перешли к его племяннику Александру, сыну первого губернатора Санкт-Петербурга и строителя Петропавловской крепости Роберта Брюса. В роду Брюсов усадьба продержалась до начала XIX века, а затем с ней началась форменная чехарда.

Глинки неоднократно переходили из рук в руки, новых владельцев же заботило лишь максимально возможное извлечение из усадьбы и окрестных земель прибыли, а не сохранность архитектурного облика. В самом конце XIX века в главном усадебном доме, превращенном в склад хлопка, произошел страшный пожар, уничтоживший практически все внутреннее убранство. Удивительно, как при таком подходе на главном здании усадьбы сохранились до наших дней эффектные маскароны, украшающие наличники окон первого этажа. С ними связана еще одна легенда Глинок.

Окрестные крестьяне уверяли, что в демонических масках с высу-

Маскароны главного усадебного дома в Глинках

нутыми языками Брюс запечатлел своих недругов. И хотя каждая маска действительно обладает индивидуальным, неповторимым выражением лица, но это не более чем досужий вымысел.

Последняя легенда

Она родилась уже в советское время, вроде бы совсем не располагающее к мистике. Казалось, после слома Сухаревой башни, все легенды и мифы о Брюсе-чародее развенчаны в пух и прах воинствующими материалистами. И все же.

Хотя в 1735 году Брюс и скончался в любимых им Глинках, но похоронен был в Москве в лютеранской кирхе св. Михаила в Немецкой слободе. В конце 20-х гг. XX века церковь была уничтожена, а на ее месте

построили аэродинамический институт, занимавшийся проектированием самолетов. По Москве тут же поползли слухи, что найдены старинные чертежи Брюса и даже модель орла, на котором он якобы летал. Некоторые вообще утверждали, будто граф и вовсе не умер, а просто улетел неведомо куда на созданном им воздушном корабле.

...Так на протяжении столетий, разрастаясь, меняясь и варьируясь, благополучно дожил до наших дней цикл сказаний о Брюсе, в которых он представал кем-то вроде русского Фауста. И, судя по всему, дело тут вовсе не в личности Якова Вилимовича, а в том, что люди по своей природе постоянно будут тянуться к таинственному и загадочному, запретному и неизведанному. Вот оттого им всегда и нужен будет свой Фауст. □

Монах Прокопий

Прокопий
Монах

Всю долину реки Днестр, как молоком, заволокло густым туманом, в котором утонули и мохнатые ели, и крыши домов села, присоседившегося к правому берегу. Прохладная ночь лениво выбеливалась в тумане. Свод стылого солнца уже показался над холмами, выкрасив округу в кармазинный цвет. Лесные тропинки сонно змеились в ожидании ранних ходоков. Над гладью, казалось, застывшей реки тянулась туманная пелерина. Она оседала на поверхность воды и тут же пропадала, выхваченная случайным всплеском стремительного течения.

В селе заскрипели калитки, замычали уставшие от ночного застоя коровы, продрали голоса проспавшие рассвет петухи. Где-то храпнула лошадь и глухо ударила копытом.

Собирая туман в завихрения, к реке торопно приближался, как маленькая скала, грузный человек. Его плоские сандалии, сплошь состоящие из швов ручной починки, подшаркивая, мягко ложились на землю. Это спешил за рассветом неопределенного возраста монах Прокопий. Одной рукой он отклонял попадающиеся на пути ветки, а другой прижимал к животу густую черную бороду, исходившую от самых глаз. Он не высматривал прохода, а, уверенно обходя топи, пробирался к огромному камню, который отделялся от берега узеньким ериком, насквозь утыканным пиками

молодого камыша. Подобрал рясу, монах лихо перескочил на камень, придерживаясь за густые ветви ивы, ниспадающие в воду. Потоптавшись на огромном валуне, монах повалился на колени и, пригнувшись грудью к самому камню, жменей зачерпнул из реки и, довольно крякнув, сполоснул руки, растирая водную прохладу. Потряхивая кистями, Прокопий осмотрелся вокруг. Оба берега густо закрывались гигантскими ивами. Его пристальный взгляд остановился на огромном дереве на том берегу, в который крутым изгибом врезалась река. Старая ива улеглась на воду, словно многочисленными локотками опершись ветками о поверхность реки. Монах многозначительно покачал головой. Когда-то это было самое высокое и могучее дерево. Но берег, годами подмываемый течением, отступил, и ива завалилась, удерживаясь от затопления корнями, которые еще крепко сидели в земле. Могучая ее крона распласталась по воде и струилась, заигрывая с течением.

— Только бы с местом не прогадать, — не отрывая взгляда от реки, пробубнил Прокопий. — Тума-ан, — довольно протянул он. — Хороший день будет. — Взгляд монаха прояснился, и он коротко улыбнулся, лукавинка так и заискрилась в уголках глаз. Несколько раз он подавался вперед, пытаясь заглядывать за завесу ивовых ветвей, которая перекрывала обзор берега.

Густой ивняк надежно скрывал монаха от любопытных глаз, но и мешал обзору. Прокопий примерился, покачивая головой, и, не долго раздумывая, навязал из ветвей кос, собирая ивовую лозу в пучки. Затем, потоптавшись с ноги на ногу, поприседал, раскачиваясь массивной спиной, с разных сторон примериваясь — хорошо ли будет видно. Оставшись довольным проделанной работой, скинул с себя телогрейку и, подмостив, уселся на нее. Прореженная косами крона открывала обзор для зоркого глаза, а для случайного — продолжала служить завесой, скрывая наблюдателя.

Не прошло и четверти часа, как на другом берегу слышались бабьи голоса. Говорили тихо, но по руслу полноводной реки даже тихие звуки расходились громким эхом. Прокопий насторожился, пригнул голову и замер, всматриваясь в плотную зелень. Туман еще держался, но день уже брал свое. Ивовый шатер с той стороны стоял стеной, а где-то в его недрах говорили, и слух Прокопия улавливал все новые и новые голоса. Многие из них будили плутовские искорки в глазах монаха. Он наставил ухо, по голосам угадывая, кто же из знакомиц пришел.

Вчерашняя его задумка сработала. От радости Прокопий даже сжал кулаки и потряс ими, скорчив восторженную гримасу.

Сегодня был день Ивана Купалы. Еще накануне ночной службы Прокопий предложил игумену объявить прихожанам, что церковь приветствует

последователей Ивана Купалы, которые, следуя примеру святого, обряд омовения совершают в естественных водоемах.

— Таким водоемом могла бы служить и река, — заканчивая проповедь, возвестил игумен.

Во время причащения чуткое ухо монаха ловило разговор сельских баб. На паперти, когда прихожане расходились, Прокопий специально искал себе занятия у входа, подслушивая разговоры и желая удостовериться в том, что бабы, и правда, собираются утром отправиться на реку.

Прокопий ликовал! Его задумка удалась. Всю ночь он ворочался в келье. Даже брат Семен пришел с молитвой к его двери.

— Аминь! — сквозь зубы недовольно процедил Прокопий.

— Брат Прокопий, все ли с тобой в порядке? — тихо поинтересовался брат Семен.

— В порядке. Ступай! — отрезал Прокопий, а сегодня, стоя в зарослях ивняка и вспомнив ночное происшествие, даже потер руками: «Еще как в порядке!»

Несколько женщин, прикрывая обнаженные груди руками накрест, вышли на кромку берега. Одна из них резво ступила в воду.

— У-ух! — раздался ее глухой возглас по всей реке, и она тут же повернула обратно, вздрагивая плечами и бедрами.

Прокопий сразу узнал ее — это была Ленка Семакова, тридцатилетняя прихожанка церкви монастыря, в котором он обитал. Ему приходилось исповедовать молодую бабу, и не однажды. От сладостных воспоминаний Прокопий даже прикрыл отекавшие веки.

— Норовиста кобылка, — похотливо испустили толстые губы монаха. — Давненько не захаживала. Не вышла ли замуж? — Прокопий быстро открыл глаза и, бегло осмотрев стоящих женщин, вперился взглядом в Ленку, которая порывистыми движениями натирала льняным полотенцем продрогшее тело.

— У-ух! — снова разнесся по всей округе ее голос. — Бабы, не робейте! — И она звонко засмеялась своим прекрасным контральто.

Плюхнула волна, и Прокопий, с силой отрываясь от слегка располневшей, но от этого ставшей еще привлекательнее фигуры Ленки, перевел взгляд на обнаженные тела остальных селянок. К первым, самым смелым, присоединялись и другие женщины. Кучный ряд икрстых, высушенных тяжелой работой ног выстроился на берегу. Звонкая бабья разноголосица разносилась по всей реке. Собравшись в большую компанию, бабы уже не стеснялись и не прикрывались, бесстыже разглядывая друг друга.

Выделялась в толпе рослая Ольга. Ей шел двадцать первый год, и на протяжении трех последних лет она, от случая к случаю, заглядывала

к Прокопию. Поначалу это случалось, когда на пути юной девицы вставал почтенный монах. Мягким баритоном вещая ей на ушко различные срамотности, Прокопий долго обхаживал созревающую селяночку, пока одним вечером она не выпорхнула из монашеской кельи зардевшейся курочкой. Так и повелось — при каждой встрече с монахом Ольгу не миновало посещение кельи, а случалось, и сама забегала. В такие приходы Прокопий встречал девицу восторженно:

— Ах, озорница!

Сидя на камне и пожирая взглядом Ольгу, Прокопий даже носом потянул, вскинув его в сторону бабьих омовений.

Ольгины груди, словно два розовых шара, светились в лучах восходящего солнца. У нее были длинные русые волосы, которыми можно было обвиться, но она даже не старалась ими прикрыться. Зайдя носками в воду, Ольга от холода втянула живот и вытянулась во весь рост. Как цапля, высоко поднимая колени и потрясая локотками, дробными шажками вошла в реку по пояс, быстро присела три раза, загребая на груди воду, и поспешила на берег. Прокопия резко качнуло вперед, так ему захотелось вцепиться в розовеющие от холода Ольгины ягодицы, но обнаженное тело Ольги быстро скрылось в ивняке.

Прокопий перекрестился и зачем-то поплевал через плечо, задержав взгляд на темнеющих зарослях за спиной. Новые голоса с реки заставили его снова обернуться назад, и, перекрестившись, Прокопий принялся за прежнее лукавство. Уже несколько баб приседали в воде и вразнобой зазывали остальных.

— Ой, как хорошо! Ой, как хорошо!

— Давайте, бабы! Пусть Иван Купала порадует за нас!

Один голос Прокопий узнал и даже поморщился — это Люськин фальцет. Ядовитая стала, до уморы. А была такой славной, приветливой. Монах тяжело вздохнул, не отрывая взгляда от Люськи. С каждым ее шагом казалось, что она вот-вот упадет, но Люська проворно держала равновесие бедрами, широко расставляя их. Выбравшись на берег, она, виляя голым задом, скрылась, как и Ольга, в ивняке.

Прокопий так увлекся своим занятием, что едва не свалился с камня в воду, схватившись за сплетенные косы, он всей своей тучной фигурой потрянул прятавшую его иву.

— Ой, бабы! Кто это там? — неожиданно крикнула одна из баб и показала в сторону успевшего спрятаться Прокопия.

Вмиг все замерли и уставились, куда указывала соседка. И если бы в это время одна из запоздавших женщин не выскочила из зарослей и не плюхнулась в воду, то внимательное бабье око рассмотрело бы в ветвях «не-

порядок из кос», и тогда Прокопию бы несдобровать, но женщины завизжали из-за окативших их брызг и кинулись в реку следом. Что тут началось! Те, что помоложе, принялись плескаться в разные стороны. Их пытались осадить зрелые бабы, но, не совладав с озорницами, сами затеяли плескотню. Прокопий, с облегчением выдохнув, расплылся в улыбке. Уж больно приятно ему было видеть такой «святой вертеп».

— Топнет! Топнет! Бабы, кто-то топнет! — истерично закричала оставшаяся на берегу одна из баб и заметалась, указывая рукой на воду.

С дружным визгом и ором голые бабы стали выскакивать на берег. Прокопий привстал, всматриваясь в гладь реки и ища того, на кого указывала истеричная баба. Дрожащие от холода бабы загудели. Тревога и страх разлились по реке.

— Кто же это?

— И правда тонет!

— Помогите же кто-нибудь!

Но никто из них не шелохнулся, только жались друг к дружке коченеющими телами и, не мигая, следили за водой. Всеми обуяла оторопь ужаса. Наконец Прокопий заметил бултыхавшуюся в воде бабу. Она то пропадала с поверхности, то выскакивала сначала ее рука, следом появлялась голова, и слышался захлебывающий крик:

— Па-ма... па-ма! — затем она снова пропадала под водой.

Течение медленно тащило женщину на середину. Она билась изо всех сил. Прокопий нервно топтался на валуне, решая, что предпринять. У него сильно колотило в висках, а по спине пробежал холодок, когда в голове мелькала мысль, что его греховное занятие раскроется. Он повалился на колени и, хватаясь за холодный камень, ткнулся в него лбом. Губы сами читали молитву.

— Па-ма!.. — раздалось совсем рядом, и Прокопий, хватаясь за ивовые косы, вскочил на ноги, отыскивая тонущую.

Течение, медленно затащив беспомощную бабу на середину, поворачивалось и несло боровшуюся с ним женщину в сторону завалившейся старой ивы.

— Там ей и придет конец, — тихо пробубнил Прокопий, рванув с себя подрясник, сандалии полетели в разные стороны.

И уже в следующее мгновение толпа голых баб ахнула, увидев, как какой-то огромный бородатый мужик прыгнул в воду и широкими взмахами погреб на помощь.

В несколько гребков Прокопий догнал тонущую женщину у самой кроны притопленного дерева, схватил вынырнувшую руку и попытался рвануть на себя, не давая течению затащить в погибельные заросли ослабевшее

тело. Почувствовав опору, женщина уцепилась за монаха, едва не утопив его. Прокопию ничего не оставалось, как поднырнуть, чтобы избавиться от цепких объятий утопающей. Уже путаясь в кроне ивы, он снова настиг вынырнувшую руку. С силой рванул за нее, и, едва показалась голова, что есть мочи, огрел по ней. Затем подхватил вмиг обмякшее тело и, размашисто гребя одной рукой, сам подтапливаясь на бок, потащил беспамятную бабу к берегу, стараясь обогнуть гиблое место. Прокопий едва справлялся с течением. Видимая часть дерева оказалась куда меньше той, что залегала в речных глубинах. Он ощущал, как путаются его ноги в огромном месиве притопленной лозы, предательски спрятанной под водой. Бабы толпой кинулись помогать, и уже несколько пар рук тянулись с берега, чтобы схватить стылое, но живое тело утопленницы. Еле-еле передвигая запутавшимися в ивовой лозе ногами, Прокопий пробирался к берегу. Сил едва оставалось, чтобы подать обмякшее тело женщинам. Бабы подхватили его, а Прокопий, ослабев и прерывисто дыша, сник с опущенной головой, едва удерживаясь на ногах и ожидая, когда бабы уберутся, чтобы он смог высвободиться от природных пут и выйти на берег.

— Бесстыдник!!! — неожиданно раздалось над его головой.

Тут же еще несколько голосов подхватили, и над рекой грянуло:

— Бесстыдник!!! Бесстыдник!!!

— Бабы! Так это же наш Прокопий!

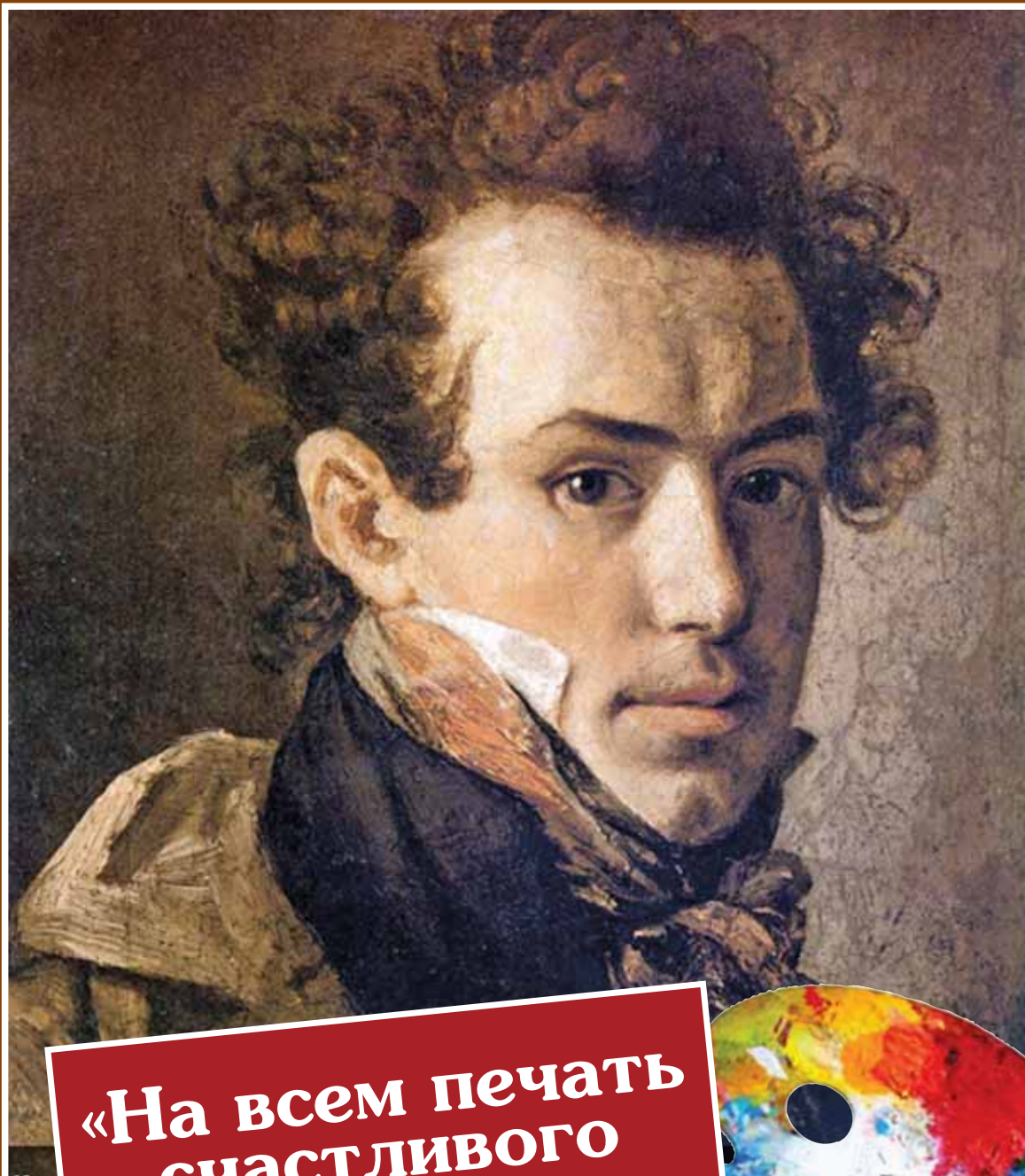
— Прокопий! Бесстыдник!

Перебирая по илистому дну обессиленными ногами, Прокопий приближался к берегу, боясь даже головы поднять. Бабы не унимались. У самого берега, едва он собрался зацепиться за землю, как на него обрушилось полотенце, и одна из баб принялась охаживать незадачливого монаха. Она с такой силой колотила его по голове, что он попятился назад, запутавшиеся в ивняке ноги оступились, и...

В этот момент раздался страшный грохот, от которого толпа голых баб, забыв и о подруге, нуждающейся в помощи, и о Прокопие, застыла с обезумевшими глазами.словно огромный корабль спустили со стапелей, в реку сорвалась с корней старая ива. Могучее дерево завалилось в воду, затянув удавкой на ногах Прокопия свою лозу. Он мгновенно исчез под водой, накрытый затапливающейся мощной кроной. Сбрасывая в воду комья глины, ощерившись оборванными корнями, ива отходила от берега и уносила с собой все, что попадалось в ее могучие объятия. Сельские бабы так и стояли с застывшими физиономиями и обезумевшими глазами высматривали на поверхности монаха Прокопия, ожидая, что это шутка, и монах вынырнет где-нибудь на том берегу. Но Прокопий не выплыл, а могучее дерево, выглядывая из воды рваными корнями, уносилось течением все дальше и дальше... □

Ирина Опимах

КИПРЕНСКИЙ

**«На всем печать
счастливого
таланта...»**

В 1805 году Орест Кипренский, недавний выпускник Петербургской академии искусств, получил золотую медаль за картину «Дмитрий Донской на Куликовом поле». Золотая медаль давала право на поездку в Италию, эту «мекку» для всякого художника — и в те времена, да и сейчас. Но поездку пришлось отложить — пришли суровые времена, вся Европа стонала под натиском наполеоновских войск. И только в 1816 году Кипренскому удалось отправиться за границу — кстати, деньги ему выделила сама императрица Елизавета Алексеевна, супруга Александра I, прославленного победителя Наполеона.

И вот он в Италии, в удивительном, древнем и новом, вечном городе Риме. Кипренский снял большую студию в доме номер 108 на Тринитадеи Монти Страда Сан-Исидоро, в тихом районе, давно освоенном художниками.

Яркое солнце, ослепительно голубое небо, живописная и жизнерадостная толпа на улицах, удивительная архитектура — развалины античных храмов, величественные палаццо эпохи Возрождения... Было от чего потерять голову! «В Риме целые полки художников», — слегка ошарашенный, писал Кипренский в Петербург. В общем, все в Италии — и ее природа, и ее искусство, и художники, стекавшиеся сюда со всего мира — все здесь вдохновляло, все звало к мольберту, кистям и краскам.

Кипренский работал как одержимый, и успех не заставил его ждать.

Известная на весь мир галерея Уффици заказала ему автопортрет — с XVII века руководители галереи заказывали, а потом выставляли в своих залах автопортреты выдающихся художников. Это было уже настоящее признание. (Кипренский стал первым русским художником, удостоившимся такой чести). Недаром Батюшков, направлявшийся на дипломатическую работу в Неаполь и проездом остановившийся в Риме, писал Оленину: «Он (Кипренский) *делает честь России поведением и кистью, в нем надежда наша*».

В 1819 году Кипренский задумал большое полотно — «Анакреонова гробница». Ему хотелось напомнить современникам о замечательном античном поэте Анакреоне, жившем в VI веке до н.э., авторе вдохновенных гимнов свободе, любви, радости и счастью. И вот после долгих трудов он определился с композицией: на картине будет изображена скромная гробница поэта у поросшего травой холма, а вокруг гробницы он напишет сатиров и вакханок, пляшущих и поющих во славу жизни, и таким образом поминающих великого поэта.

Все складывалось неплохо, только вот он никак не мог найти натурщицу для образа маленькой вакханки. И вот однажды, на одной из римских улиц он ее увидел — маленькая, с кипой нечесаных волос, с огромными карими глазами. Перед ним была его вакханка! Оказалось, что ее зовут Мариучча, и что у нее есть

*«Неаполитанская
девочка с плодами»*

мать — почти нищая, не брезгавшая никакими, даже порой весьма сомнительными занятиями, лишь бы заработать хоть какие-нибудь деньги на пропитание — себя и своей маленькой дочери. И Кипренский договорился с ней, что за позирование Мариуччи будет щедро платить. Так маленькая римлянка попала в дом художника. Она оказалась милой, послушной, доброй и сообразительной девочкой, и Кипренский очень

привязался к ней. Глядя на нее, он наверняка вспоминал свое детство. Счастливым его не назовешь. Отцом художника был дворянин, бригадир (это был в те времена весьма высокий чин — между полковником и генералом!) Алексей Дьяконов, а матерью — дворовая девка Дьякова Анна Гавриловна. После рождения сына Дьяконов дал вольную и матери, и мальчику, и нарек его таким необычным именем — Орест. А потом

*«Анакреонова
гробница» (эскиз)*

Анну выдали замуж за дворового человека Дьяконова Адама Карловича Швальбе, который усыновил Ореста. Видно, Швальбе был неплохим человеком, недаром Кипренский не раз писал его портреты, однако в его сознании всегда жила рана незаконнорожденности, ощущение какой-то неполноценности, ведь его отец, настоящий отец, не захотел быть его родителем. Вот и у Мариуччи отца не было, да и мать ее была, по сути, не матерью, а хуже самой злой мачехи. И ему очень захотелось дать этой девочке тепло, заботу. За-

метив, что из этой ситуации можно извлечь пользу, мамаша Мариуччи принялась шантажировать Кипренского, угрожая, что заберет у него девочку. Художнику пришлось заплатить ей немалые деньги, но это только еще больше разожгло ее аппетиты. А когда терпению Кипренского пришел конец, она насильно увела дочь из дома художника. Через пару дней он пришел навестить свою любимицу. Увидев своего друга, она разрыдалась, принялась целовать его руки и молила лишь об одном — чтобы он навсегда забрал

ее к себе. И тогда Кипренский твердо решил: больше он не отдаст девочку этой ужасной женщине, которую и матерью-то нельзя было назвать. Ей было все равно, что происходит с дочерью, в ее доме устраивались отвратительные оргии, и о ребенке тут никто не думал. На сей раз Кипренский повел себя иначе — он уладил отношения с этой дамой не на словах, а на бумаге, составленной адвокатом и подписанной несколькими свидетелями. «Этим актом мать и родня отказывались от всех притязаний и передавали все свои права на Мариуччу Кипренскому, а он обязался дать ей воспитание, сообразно своим средствам», — писал в статье, посвященной Кипренскому и опубликованной в 1856 году в журнале «Сын Отечества», его первый биограф, известный петербургский журналист и писатель Владимир Толбин (1821–1869).

Кипренский не только озаботился пропитанием и одеждой девочки, но и нанял для нее учителя, старого аббата. Девочка оказалась способной, и он с удовольствием смотрел, как она решает арифметические задачи, пишет диктанты и читает книжки. Теперь художник был не одинок — рядом с ним оказалось нежное и очень милое существо, полностью от него зависящее. И он решил сделать эту девочку счастливой. В письме одному из своих петербургских друзей он признавался: «Ты не поверишь, как может иногда блаженствовать

отец чужого дитяти, — это я испытываю на себе!.. В настоящее время она одна соединяет в себе для моего сердца, для моего воображения все пространство времени и мира».

А еще она ему позировала — и для «Анакреоновой гробницы», и для других картин. Вот она, его чудесная Мариучча — «Девочка в маковом венке».

К тому времени Кипренский закончил «Анакреонову гробницу». В Италии она имела огромный успех. Итальянский монах и поэт Микеле Чоттидаже посвятил ей восторженные стихи:

*Взгляни туда, где ярким
волшебством
Искусной кисти все, чем мир
гордится,
В одном холсте сумело
уместиться:
Гробница, местность сельская
кругом,
Священный лес и мрак суровый
в нем...
На всем печать счастливого
таланта.*

Вскоре картину купила одна из римских галерей. В 1821 году она экспонировалась в Риме, в 1822 году — в Парижском Салоне. Оценили ее и петербуржцы — в 1823 году ее показали в Эрмитаже, а в 1824-м — в Академии художеств.

Казалось бы, все шло совсем неплохо в жизни Кипренского. Но тут вдруг случилась ужасная история, надолго отравившая существование

художника и отразившаяся на его репутации. Причем все это было совершенно незаслуженно. Погибла одна из множества римских натурщиц. Позировала она и Кипренскому. Смерть ее была ужасной — от ожогов: на мертвом теле, когда ее нашли, лежал холст, облитый скипидаром и подожженный. По городу поползли слухи: мол, Кипренский убил натурщицу, которая была его возлюбленной, заподозрив ее в неверности. Однако художник к этой трагедии не имел никакого отношения. Об этом не раз говорили его близкие друзья, да и римские власти не обвиняли Кипренского в совершении этого тяжкого преступления, и все же многие прежние знакомые отвернулись от него. Кипренскому стало неуютно в Риме. А тут еще он позволил себе съездить в Неаполь и пообщаться с подозрительными (в глазах петербургских властей) личностями, всякими карбонариями, и ему не выплатили очередную пенсию. В общем, похоже, нужно было уезжать. А так как жизнь его была не определена, он решил пока оставить Мариуччу в Италии. Княгиня Зинаида Волконская, в доме которой он часто бывал, посоветовала воспитательное заведение при монастыре в Тоскане, недалеко от Ареццо.

И вот Мариуччу отправили в Перуджу, где ее должен был встретить Кипренский и отвезти в монастырь. Но в его жизни ничего не происходило спокойно, так, как он задумы-

вал. Мать девочки, узнав о его плане, подняла скандал, заявила в полицию о похищении дочери и с помощью карабинеров отбила Мариуччу. Конечно же, девочка была ей совершенно не нужна — этой корыстной женщиной двигало желание получить от Кипренского еще какие-нибудь деньги. Но на этот раз возмущенный художник не уступил ей. В дело включился — по просьбе Волконской и Кипренского — влиятельный кардинал Коначиви. Кипренский писал ему: «На мрачной и безнравственной стезе, по которой идет мать ее, и она не замедлит сама со временем совратиться с пути чести и добродетели». Растроганный кардинал пообещал поместить девочку в такое надежное место, где мать ее никогда не найдет. И Кипренский, попросив своих еще остававшихся у него в Риме друзей не забывать Мариуччу, покинул Рим.

В середине июля 1832 года он приехал в Петербург, очень надеясь на то, что родина примет его тепло, радушно, ведь совсем недавно он считался лучшим русским портретистом. Однако и до Петербурга дошли гнусные слухи о его мнимом преступлении, судачили и о его странной любви к маленькой итальянке. Кроме того, в Петербурге появились новые художники, новые имена входили в моду. Так, император Николай I заказал серию портретов героев 1812 года англичанину Джорджу Доу, а ведь не так давно он, Кипрен-

*Портрет отца,
А.К. Швальбе*

ский, до отъезда за границу, написал уже целую серию таких портретов!

Изменилось к нему отношение и в Академии — официального места там ему не дали. В отсутствии приличных заказов Кипренский решился на довольно унижительное для него место «придворного» художника в доме известного любителя искусств графа Д.Н. Шереметева. Новые работы снова заставили заговорить о Кипренском, и в 1824 году он уже получил важный офи-

циальный заказ — портрет императрицы.

А потом случилось восстание декабристов. Кипренский не был связан с декабристским движением, но среди декабристов многих знал. Расправа над этими благородными людьми не могла не тронуть его сердце.

Начинались тоскливые годы реакции. И на его выставке 1827 года среди портретов близких ему по духу людей есть и портреты детей Бенкендорфа — видно, Кипренский, ра-

*«Дмитрий Донской
на Куликовом поле»*

нее отказавшийся писать портрет Аракчеева, не смог отказать всесильному шефу жандармов и главе Третьей канцелярии. В эти годы было только одно приятное пятно — в 1827 году Кипренский написал портрет Пушкина, ставший классическим, одним из лучших портретов поэта и очень понравившийся ему самому.

Наверное, им было о чем поговорить во время сеансов — ведь Пушкин никогда не бывал за границей, и Кипренский мог многое рассказать поэту и об Италии, и о Германии, и о Франции. А Пушкин прекрасно понимал, что происходит в России, — на сей счет у него не было никаких иллюзий, порой свойственных восторженному Кипренскому.

Между тем реакция в России набирала силы. Как-то становилось скучно, безрадостно, тягостно, душно. И Кипренский стал подумывать о возвращении в солнечную Италию. К тому же он никогда не забывал о Мариучче. В одном из писем к остававшемуся в Италии скульптору Самуилу Ивановичу Гальбергу он попросил разыскать девочку, узнать, как ей живется: *«Прошу сделать мне дружбу, объявить начальнице ее, что я непременно приеду в Рим в течение двух или трех лет и постараюсь нашей Марьючче вполне оказать мое участие, которое я принял в ее судьбе. У меня никого ближе ее нет на земле, нет ни родных и никого».*

В 1828 году Кипренский снова покинул Россию. Он был истинным патриотом, но справедливо считал, что полезным Родине можно быть и вне ее пределов: «Честь Отечеству делать можно везде», — говорил художник.

В Риме теперь посланником России служил князь Г.И. Гагарин, высоко ценивший творчество Кипренского. С его помощью художник разыскал Мариуччу. Через кардинала Томазо Бернетти ему удалось даже увидеть ее. С ней все обстояло благополучно, она выросла, похорошела и по-прежнему делала успехи в учебе. Кипренский успокоился за ее судьбу.

Осенью 1828 года он переехал в Неаполь. Этот живописный город всегда ему нравился. К тому же он нашел здесь влиятельных и богатых заказчиков. Но в жизни Кипренского благополучные периоды никогда долго не продолжались. Вот и в Неаполе разразился очередной скандал. В октябре 1830 года в Неаполе открылась большая выставка, на которой были представлены и картины русского мастера — «Портрет А.К. Швальбе», «Девочка в маковом венке» и «Пейзаж с видом Санта-Лючия». Увидев эти полотна, неаполитанские ценители и знатоки искусства не поверили, что картины — работы их современника, да еще русского художника! Слишком высок был их уровень. «Президент Академии кавалер Николини, — рассказывал Кипренский в письме

А.Ф. Щедрину, — объявляет мне от имени Академии замечание, опытом и знанием профессоров исследованное, якобы сии две картины не суть работы художника нынешнего века. Будто бы я выдал сии картины за свои, но в самом деле они писаны Рубенсом, одна (портрет отца), а девочка совсем другим манером и другим автором древним писана; что картины сии бесподобные, особенно портрет отца они почли шедевром Рубенса, иные думали Вандика (Ван Дейка), а некто Альберти в Рембрандты пожаловал...» И в конце письма с явной гордостью заметил: «Когда я принес другие сверх тех работы мои, писанные в Неаполе, и все в разных манерах, то они удостоверились, что в России художники не обманщики».

В середине апреля 1832 года Кипренский вернулся в Рим. В Неаполе, где его избрали членом Неаполитанской академии искусств, заказов становилось все меньше и меньше. В поиске работы он объездил всю Италию — Милан, Болонья, Флоренция. И вот, наконец, сколотив небольшое состояние, он решил сделать предложение Мариучче. К этому времени она уже стала взрослой девушкой. И она понимала, что Кипренский — самый близкий для нее человек, столь многое сделавший для нее, да и вообще — яркий, талантливый, умный. А он уже давно понял, что жалось к маленькой Мариучче превратилась в большую любовь к этой очарова-

тельной итальянке, пережившей в своей юной жизни столько горя и унижений. Шел 1836 год, ему исполнилось 54, ей — 25, но разница в возрасте ничего для них не значила. Существовала только одна проблема — Мариучча была католичкой, а Кипренский — православным. И ради любимой он перешел — тайно! — в католичество. Так они стали супругами. Брак их был официально зарегистрирован в июле 1836 года.

Кипренский снял большую квартиру в бывшем доме Клода Лоррена на Пинчо и там приступил к написанию картины с весьма символическим названием — «Ангел-хранитель детей», для которой ему позировала его красавица-жена.

Казалось, наконец-то Кипренскому судьба улыбнулась — немножко, но все же! Рядом с ним была его любимая Мариучча, отосланные в Россию картины понравились. Российская академия художеств на этот раз заочно утвердила Кипренского в звании профессора. Более того — о нем вспомнил сам государь! Он даже купил — прямо с выставки — его «Вид Везувия». А А.Н. Оленин, президент Академии художеств, поздравил художника с высочайшей милостью и поинтересовался: *«Государь Император между прочим изволил спрашивать, не известно ли, скоро ли вы возвратитесь в Отечество?»*

И Кипренский, вдохновленный такими чудесными новостями, засоби-

рался на родину. Тут же «Художественная газета» с удовольствием проинформировала русских ценителей искусства: *«О.А. Кипренский возвращается в Россию и, по последним известиям, весьма в скором времени должно ожидать его прибытие в Санкт-Петербург».*

И вот уже какие-то вещи были упакованы и даже погружены на корабль, отплывавший в Россию. И вот уже Кипренский завершал все свои дела в Риме, прощался с друзьями, восторженно рассказывая о своих планах, новых свершениях, которые, несомненно, ждали его на родине. Уже друзья озаботились по поводу прощального банкета. Но...

Его счастье длилось лишь три месяца. Кипренский простудился, его стал мучить сильный кашель, а потом началась горячка. Воспаление легких. 5 октября 1836 года он умер. Ему было всего 54 года.

В Риме в это время были очередные праздники, которые так часты в жизни итальянцев, толпа пела и плясала, а потому мало кто заметил смерть русского художника — только немногие его друзья да молодая вдова, которая каждый день ходила на кладбище и просиживала у его могилы часами.

Прошло несколько месяцев, и Мария родила дочь. Ее назвали Клотильдой. У вдовы после смерти художника остался небольшой капитал в 10 000 рублей. Музей петербургской Академии искусств купил

*Портрет
А.С. Пушкина*

несколько работ. Друзья художника не забывали о его семье — выхлопотали пенсию для вдовы, деньги пересылали в Рим. Через 8 лет Мария Кипренская снова вышла замуж за какого-то маркиза. Прошли годы, и следы Марии и Клотильды затерялись...

О Кипренском всегда много говорили, причем часто звучали в его адрес несправедливые, совершенно незаслуженные слова. Недаром художник Александр Иванов написал о великом мастере так: «Он первый вынес имя русское в известность

в Европе, а русские его во всю жизнь считали за сумасшедшего, старались искать в его поступках только одну безнравственность, прибавляя к ней, кому что хотелось». Но была в его жизни одна несомненная правда — это истинное творчество, породившее великолепные полотна. И еще была в его жизни большая любовь, осветившая светом его не очень-то счастливую жизнь. В его жизни была итальянка Мариучча, и этого у него никто никогда не сможет отнять. Как и славу большого мастера. □

*«Самое главное
в нашей профессии —
чтобы зритель
вдохновился
спектаклем
и приходил к нам
снова и снова!»*

МЭрика Микиртичева

Эрика Микиртичева — прима-балерина Московского Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко. Одиллия-Одетта, Эсмеральда, Китри, Манон, Маргарита Готье, Никия, Золушка, Снегурочка, Русалочка и многие другие образы, созданные ей, надолго остаются в памяти зрителей. А за изумительное исполнение партии Сильфиды в одноименном балете знаменитая французская балерина и хореограф Гилен Тесмар назвала Эрику «образцом женственности и шарма».

— Эрика, кто повлиял на ваш выбор профессии, как вы пришли в балетный мир?

— Я окончила Саратовское хореографическое училище. Изначально не хотела заниматься балетом, я с пяти лет посещала секции по спортивной и художественной гимнастике. До сих пор с восхищением смотрю выступления наших замечательных гимнасток с булавами и лентами... Занятия художественной гимнастикой мне всегда очень нравились, но потом родители меня отдали в балетный кружок, и однажды к нам пришли специалисты из Саратовской балетной школы и отобрали для занятий хореографией. Сначала я мучилась и даже плакала... Но потом, уже в четвертом классе (это как восьмой класс обычной образовательной школы), к нам пришли учиться две талантливые девочки, и тут у меня проявился спортивный интерес, я тоже должна быть лучшей из лучших! Вообще, балетные дети — они другие, постоянно в репетиционных залах, все мысли только об этом, одним словом — фанаты балета. За два года до выпуска в балетной школе я ездила на Вагановский конкурс, в Санкт-Петербург, и меня звали в Вагановское хореографическое училище, но мне очень нравился мой саратовский педагог, Людмила Алексеевна Новикова, и я решила закончить учебу в Саратове. Сегодня Людмила Алексеевна преподает в Москве, в балетной школе.

Мои родители не имеют отношения к искусству, папа — спортсмен, но всегда мечтал, чтобы я стала балериной. Когда была еще маленькой, он

своими руками сделал мне балетный станок, всегда поддерживал, очень интересовался, как проходят занятия в балетной школе, всегда подходил к моему педагогу младших классов Татьяне Дашевской и интересовался, как учится его дочь, все ли ей удастся, одним словом, всегда был в курсе моих дел.

— Это очень ценно, ведь далеко не все родители таковыми являются...

— У Дениса Дмитриева, моего мужа, родители тоже не из балетной среды, но балет любят, всегда переживают, спектакли смотрят, когда приезжают в Москву...

— Премьер Денис Дмитриев — ваш муж и партнер на сцене, как это, наверное, непросто, быть всегда вместе...

— Иногда бывают спорные моменты во время репетиций, если ты репетируешь с другим танцовщиком, ты более сдержан, а если рядом близкий человек, то можешь себе позволить вспылить, дать волю эмоциям, это свойственно всем семейным балетным парам. Да и не только балетным! Всем людям. Нам очень хорошо вместе с Денисом, если получается, в свободное время мы любим совершать прогулки, бывать на природе, наверное, нет такого парка в Москве, где бы мы не побывали. Любим театры, мюзиклы, но времени нет катастрофически!

— Эрика, в 2011 году в вашем театре была показана первая оригинальная версия балета «Сильфида», которую балетмейстер Филипп Тальони поставил еще в 1832 году для своей

дочери, Марии, самой первой танцовщицы, которая встала на пуанты. Постановку эту в 1971 году реставрировал и дал ей дальнейшую жизнь в мировом балете уникальный французский хореограф — Пьер Лакотт. В 2011 году вам посчастливилось работать с Лакоттом, как это было?

— Это очень памятное событие. Работа проходила творчески и интересно, я осваивала изысканную, сложнейшую, старинную манеру танца: это быстрые движения ног, много мелкой техники, плавный, парящий корпус тела...

Лакотт перенес на сцену нашего театра антикварный балетный шедевр. Сильфида — это сложнейший образ, она — волшебница, загадочна, красива, эфемерна, и в то же время соблазнительна и трагична. Гилен Тесмар — балерина, педагог-репетитор, жена Пьера Лакотта, помогала нам, артистам, работать над спектаклем, она

все досконально разбирала. Тесмар ведь была первой исполнительницей главной партии в «Сильфиде», восстановленной Лакоттом. Во время работы над этим балетом во мне открылось что-то новое, совершенно иные грани исполнительского искусства, и поскольку танцевать эту партию невероятно сложно, у меня возникало ощущение, что мне подвластно очень многое в танце.

— Художественный руководитель труппы вашего театра с января этого года — Лоран Илер, экс-этуаль Гранд Опера, знаменитый балетный педагог, звезда мирового балета...

— Лоран Илер, как и все художественные руководители, очень требовательный, он профессионал высокого класса, сейчас он ставит с нашей труппой одноактный балет Сержа Лифаря на музыку Эдуардо Лало — «Сюита в белом». Премьера этого балета

состоялась в 1943 году в Швейцарии, в Цюрихе. В 1946 году с некоторыми изменениями Лифарь поставил этот балет под названием «Черное и белое» в Монако для труппы «Новый балет Монте-Карло».

— Как вы общаетесь с господином Илером Лораном?

— Через переводчика французского языка, который всегда находится рядом с ним, но наш художественный руководитель уже изучает русский язык, так что в будущем будем общаться и на русском...

— Еще в 2010 году труппа Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко первой в России получила право на исполнение балетов Иржи Киллиана, сейчас идет работа над балетом «Маленькая смерть»...

— Этот спектакль уже был в репертуаре театра, сейчас он восстанавливается и в июле состоится премьерный показ трех одноактных балетов: «Сюита в белом» Лифаря, «Вторая деталь» Форсайта и «Маленькая смерть» Киллиана.

— В труппе вашего театра до 2016 года танцевал Сергей Полунин — всемирно известный танцовщик, интересно, что в возрасте 13 лет он, при поддержке фонда Рудольфа Нуриева, переехал в Лондон, чтобы учиться в Школе Королевского балета. По окончании обучения в 17 лет был принят в труппу лондонского Королевского балета и через два года стал самым

молодым премьером в истории этой труппы. Вы очень часто танцевали с Сергеем Полуниным: «Дон-Кихот», «Коппелия», «Лебединое озеро»... Как вам работалось вместе?

— С каждым танцовщиком хорошо работать, если ты с ним заранее все обговоришь и проверишь. Ты спокоен, если знаешь своего партнера. Полунин не любил менять партнерш, и зачастую мы танцевали вместе, замены бывали редко. Помню, как готовили вместе «Дон-Кихота», смотрели на видео старые архивные записи, советовались, как лучше. Иногда приходилось танцевать с одной репетиции, если Сергей куда-то отъезжал на гастроли. А раз ему достаточно было одной репетиции, значит, так и есть, он очень индивидуальный, яркий и очень талантливый артист.

— Сейчас у вас начинаются постановочные работы, будут выпускать

балет «Дон-Кихот» в редакции Рудольфа Нуриева. Нуриев поставил первую полную версию этого балета на Западе, по хореографии Мариуса Петипа, и внес в нее свои коррективы. Как вы считаете, хореография Нуриева очень сложна?

— Новая техника, новая пластика, артистам нужно пробовать себя в разных спектаклях! Невероятно интересно пробовать танцевать в разных редакциях! Китри в постановке Нуриева все равно остается Китри — яркая, озорная, своенравная, влюбленная девушка. С Римской оперой я ездила танцевать в «Дон-Кихоте» в Испанию, он похож на наш спектакль, но мне было интересно танцевать их постановку. Танцевала с Хосе Кореньо, и публика нас принима-

ла очень тепло, это всегда артистам приятно.

— Кто ваши педагоги в театре?

— Татьяна Анатольевна Чернобровкина, замечательный педагог, который показывает все сама, и это для меня очень важно, человек она отзывчивый и добрый. Была примой нашего театра. Прекрасная балерина!

Все педагоги у нас требовательные, и это хорошо, ты себя не видишь на сцене, поэтому к любому замечанию нужно прислушиваться. Это в плюс любому артисту.

Когда Андрей Иванович Уваров, народный артист России, бывший премьер Большого театра, был педагогом, я всегда прислушивалась к нему, он большой профессионал и всегда очень четко и точно все скажет. Благодарна ему за это.

— Что вам хотелось бы еще станцевать?

— Мы мечтаем с Денисом, моим мужем, о балете «Ромео и Джульетта» на музыку Сергея Прокофьева в постановке Кеннета МакМиллана, классика английского драматического балета... Хотя бы адажио, так нравится сцена у балкона...

Хотелось бы станцевать французскую хореографию, с Лакоттом мне хотелось бы еще поработать. Лакотт все так тщательно, до мелочей, с тобой разбирает, движение каждого пальчика руки! Вообще работать с хореографом — создателем балета — это подарок судьбы.

— Какой у вас характер?

— Я умею прощать, никогда не держу ни на кого зла, бывают разные ситуации в жизни, и люди встречаются тоже разные.

Люблю новшества. Новые впечатления. Новые встречи. По натуре я человек эмоциональный и открытый...

— Кто ваши кумиры в профессии?

— Когда готовишь определенную роль, то досконально работаешь над ней и смотришь видеозаписи. Для меня Майя Михайловна Плисецкая — непревзойденная Китри, Галина Сергеевна Уланова — Жизель, Ульяна Лопаткина — Одетта-Одиллия... Есть эталонные балерины, создавшие образы-шедевры. На сцене они были живыми героинями, смотришь записи и думаешь, как все легко, воздушно, драматически очень сильно.

— После спектакля некоторые драматические артисты не спят всю ночь, а вы как?

— Раньше, когда начинала танцевать в театре, помню, как после спектакля долго не могла уснуть, руки, ноги начинают отдыхать, а все тело, если так можно выразиться, ломит, и еще эмоции не дают покоя. Надо успокоиться и пережить. Принимаю ванну с солью и разными пенками, чтобы расслабилось тело после сложного спектакля. Хорошо бы денек отдохнуть, но не получается, каждый день надо быть в форме, и хотя один день в неделю выходной — все равно нельзя ничего не делать.

— Артисты балета, футболисты, хоккеисты, гимнастки, пловцы — многие спортсмены не застрахованы от травм, на организм ложится огромная нагрузка и на тренировках, и во время выступления...

— Когда у меня была травма, я восстанавливалась, и в Москве есть только два специалиста, кто может помочь балетным артистам, знаете, когда-нибудь я хотела бы поучиться на реабилитолога, у спортсменов они есть, а у нас нет. С детства у нас гипервыворотность колен, бедер, если не так в школе упражнения делал, потом будут проблемы. На прыжках свое тело надо правильно распределять, в школе у мальчиков сильные нагрузки на ноги, ребенок еще маленький, а делает большие прыжки, за этим, конечно, следят педагоги.

Я изучаю энциклопедии, строение человека. Это очень познавательно. Люди не знают, как они устроены, какие резервы в их теле скрыты, а если бы изучали, то могли бы себе помочь.

— Что важно для зрителя, пришедшего в театр?

— Я танцевала со многими партнерами, с каждым выходить удобно на сцену, комфортно, но самое главное — чувствовать отдачу от партнера, важен его эмоциональный посыл! С Денисом Дмитриевым я люблю танцевать! Самое главное в нашей профессии, чтобы зрителю понравился спектакль, чтобы он пришел в театр и вдохновился! И приходил к нам снова и снова! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Евгения Гордиенко

Андрей Мягков

**И никакой
иронии...**

Вот уже сорок лет мы не представляем себе без него главного праздника — Нового года. Хотя его самого это, скорее, раздражает — не любят актеры ассоциироваться только лишь с одной ролью, пусть и такой удачной.

Впрочем, нашему герою повезло больше — для зрителя он символизирует собой целую эпоху, стиль одного из самых успешных режиссеров своего времени. Андрей Мягков — новогодний Женя Лукашин и статистический Анатолий Ефремович Новосельцев, печальный Карандышев и молчаливый Хвостов — один из плеяды потрясающих «рязановских» артистов, которые и сегодня, спустя много лет, с той стороны времени, заставляют нас смеяться над «сценой в бане» и плакать над выстрелом в Ларису Огудалову.

Не было никаких предпосылок к тому, что Андрей станет актером. Родился он в Ленинграде 8 июля 1938 года, в интеллигентной семье технически-инженерного склада. Отец — Василий Дмитриевич — был педагогом, работал в техникуме, а затем в Технологическом институте. Мама — Зинаида Александровна — трудилась в полиграфическом техникуме инженером-механиком.

И откуда у ребенка, выросшего в такой семье, было взяться мечтам о сцене? Сам он вспоминал: *«Мое первое знакомство с искусством состоялось в старших классах школы: я с удовольствием посещал драмкружок, играя главные роли в спектаклях»*. И все же после школы Андрей поначалу пошел по родительским стопам, окончив Ленинградский хи-

мико-технологический институт. Ему даже довелось несколько лет поработать в Институте пластических масс. Но актерский талант все равно нашел себе дорогу. Мягков участвовал в любительском спектакле «Лесная песня», где его и заметил один из преподавателей Школы-студии МХАТ. Он был настолько впечатлен игрой непрофессионального артиста Мягкова, что тут же предложил ему попробовать поступить на актерский факультет.

Когда Андрей Васильевич предстал перед приемной комиссией, ему даже не дали до конца дочитать монолог, сказав: «Не продолжайте, молодой человек, вы приняты!»

Учился Мягков на курсе у знаменитого советского актера Василия Маркова. По окончании Школы-

Справа:

*К/ф
«Ирония
судьбы или
С легким
паром»*

*К/ф
«Похождения
зубного врача»*

студии его с радостью приняли в труппу молодого тогда еще «Современника».

И сразу — главная роль! Да не где-нибудь, а в «Дядюшкином сне» по Достоевскому, где он сыграл, собственно, Дядюшку.

Игру молодого актера заметил режиссер Элем Климов, который тут же предложил ему попробовать на роль Сергея Чеснокова в фильме «Похождения зубного врача». Пробы прошли удачно, и Мягков, наряду с театром, дебютировал и в кино, словно наверстывая упущенное, отданное другой профессии, время.

Но театр пока доминировал в его жизни: ролей в кино было немного. В театре же он играл и Барона в пьесе Горького «На дне», и Редедю в «Балалайкине и К^о» по Салтыкову-Щедрину, да и многие другие роли.

Но настоящая слава была еще впереди. В 1968 году Мягков снялся в картине Ивана Пырьева «Братья Карамазовы» в роли Алеши Карамазова. Это был успех, и вскоре его пригласили на пробы в «Большую перемену» — на роль учителя Нестора Петровича. Но сыграть эту роль Андрею Васильевичу так и не случилось. Почему — есть разные версии. По одной из них, актер настаивал, чтобы на роль Светланы Афанасьевны взяли его супругу, Анастасию Вознесенскую, по другой — сам отказался от роли, сочтя другой фильм — «Надежда» — более перспективным, ведь там ему предстояло сыграть В.И. Ленина. Какая из этих версий верная — неизвестно, но, с точки зрения фильмов, история закономерно расставила все по местам: кто помнит теперь «Надежду»? А вот герои «Больш-

шой перемены» полюбили зрители, и многие из актеров, сыгравших их, стали популярны.

Судьбоносная встреча для Мягкова-киноактера произошла в 1974 году, когда режиссер Эльдар Рязанов задумал снять комедию о враче, который случайно прилетает в Ленинград и находит там свое счастье. Пьеса «С легким паром» была написана Рязановым в соавторстве с Эмилем Брагинским еще в 1968 году и с успехом шла во многих театрах. Но к постановке на «Мосфильме» ее не приняли, посчитав «не по-советски простоватой». Что скрывалось за этой фор-

мулировкой, теперь уже не узнать. Зато пьеса понравилась в Гостелерадио.

На роль Лукашина пробовались Олег Даль, Андрей Миронов, Станислав Любшин и Петр Вельяминов. Но Рязанов упорно твердил: «Не то!»

Про Мягкова, которого нашла ассистент по актерам Наталья Коренева, он, правда, сначала сказал то же самое — его смущало драматическое амплуа Андрея Васильевича. Однако, в конце концов, режиссер согласился с тем, что именно он — идеальный кандидат. В чем мы и продолжаем убеждаться последние

*К/ф
«Братья
Карамазовы»*

Справа:

*К/ф
«Жестокий
романс»*

Внизу:

*Андрей Мягков
с женой
Анастасией
Вознесенской*

сорок лет. Сам Рязанов впоследствии обосновывал свой выбор так: «Играть человека в несоображении, оставаясь при этом и натуральным,

и симпатичным, и смешным, — задача архисложная. А Мягков делает это изящно и легко. Раздеться, забраться в чужую кровать и при этом

хамить — нетрудно. А вот быть при этом очаровательным, забавным и вызывать зрительскую любовь, пожалуй, далеко не всякому по плечу».

«Иронию судьбы...» после съемок вообще не хотели выпускать на экраны, так как фильм якобы «пропагандировал пьянство и супружескую измену». К счастью, картину посмотрел Л.И. Брежнев, которому она очень понравилась. Генсек и дал «добро» на выход фильма.

Успех был огромным. Уже через несколько минут после окончания показа на «Останкино» обрушился шквал звонков и телеграмм. Актеры, сыгравшие главных героев, сразу стали всеобщими любимцами. Спустя всего лишь месяц картину, по многочисленным просьбам зрителей, вновь продемонстрировали по Центральному теле-

видению — обычно такой практики не было.

А Мягков стал «рязановским актером». Это не значило, что он не снимался больше ни у кого, но этот творческий тандем был столь удачен, что грех было им не воспользоваться. И они воспользовались: сначала был «Служебный роман», затем «Гараж» и «Жестокий романс». Ходили слухи, что Рязанов мстительно сделал персонаж Мягкова в «Гараже» почти немым за то, что актер имел неосторожность резковато отозваться о стихах режиссера. Как известно, знаменитая песня из «Служебного романа» «У природы нет плохой погоды...» написана на стихи Эльдара Александровича. Но это теперь известно, а в те годы Рязанов «спрятался» за имя английского поэта Уильяма Блейка, чьи (якобы) стихи и не понравились Мягкову.

Не исключено, впрочем, что это очередная байка, ведь даже с «немой» ролью Андрей Васильевич справился блестяще. Сам Рязанов вспоминал об этом фильме так: «Как говорится, «Бог троицу любит». Наша третья встреча с Мягковым произошла в работе над «Гаражом». Здесь мы уже совсем не приукрашивали героя. Во-первых, мы лишили его голоса. Роль, по сути, немая. Лишь в конце мягковский Хвостов просипит несколько фраз. А, лишив артиста голоса, я отнял у Мягкова одно из его самых сильных средств выразительности. Я очень доволен, как Андрей Васильевич сыграл эту,

пожалуй, самую невыгодную в фильме роль. И только благодаря мягковской натуральности, серьезности, обаянию безголосый Хвостов занимает достойное место в рядах борцов за справедливость, возглавляя вместе с героиней Ахеджаковой поход во имя честности и порядочности».

А вот играя говорливого Карандышева в «Жестоком романсе», актер чуть не погиб. В сцене погони лодки за пароходом его стало затягивать под винт буксира, но, к счастью, все обошлось.

К прекрасным ролям, сыгранным «не у Рязанова», стоит отнести роль

Слева:

*К/ф
«Служебный
роман»*

*К/ф
«Павел I»*

Алексея Турбина в картине Владимира Басова «Дни Турбиных» по булгаковской «Белой гвардии».

Это вообще были роли Мягкова — интеллигентные, воспитанные, в чем-то даже мягкие — под стать фамилии — герои, которые вдруг, в один решительный момент становились мужественными, сильными и... настоящими.

Театральная карьера не замерла и после успеха Мягкова в кино. Напротив, после выхода «Иронии судьбы, или С легким паром...» ему предложили перейти в МХАТ (тогда — имени Горького, теперь — МХТ имени Чехова). Он служит там

и по сей день, играя не так много, но по-прежнему метко. Удалось Мягкову реализовать в родном театре и свой талант режиссера. Он поставил на сцене МХТ три пьесы: «Спокойной ночи, мама» М. Норманна, «Осенний чарльстон» А. Манчелла и «Ретро» А. Галина. Последняя идет на подмостках до сих пор.

Сам он говорит, что быть режиссером-диктатором ему не свойственно: *«Мне всегда было интересно работать с режиссером, который не подчиняет, а берет меня в сообщники, дает и мне возможность подчинять режиссера. Таким был Ефремов... Диктат, какой бы он ни был,*

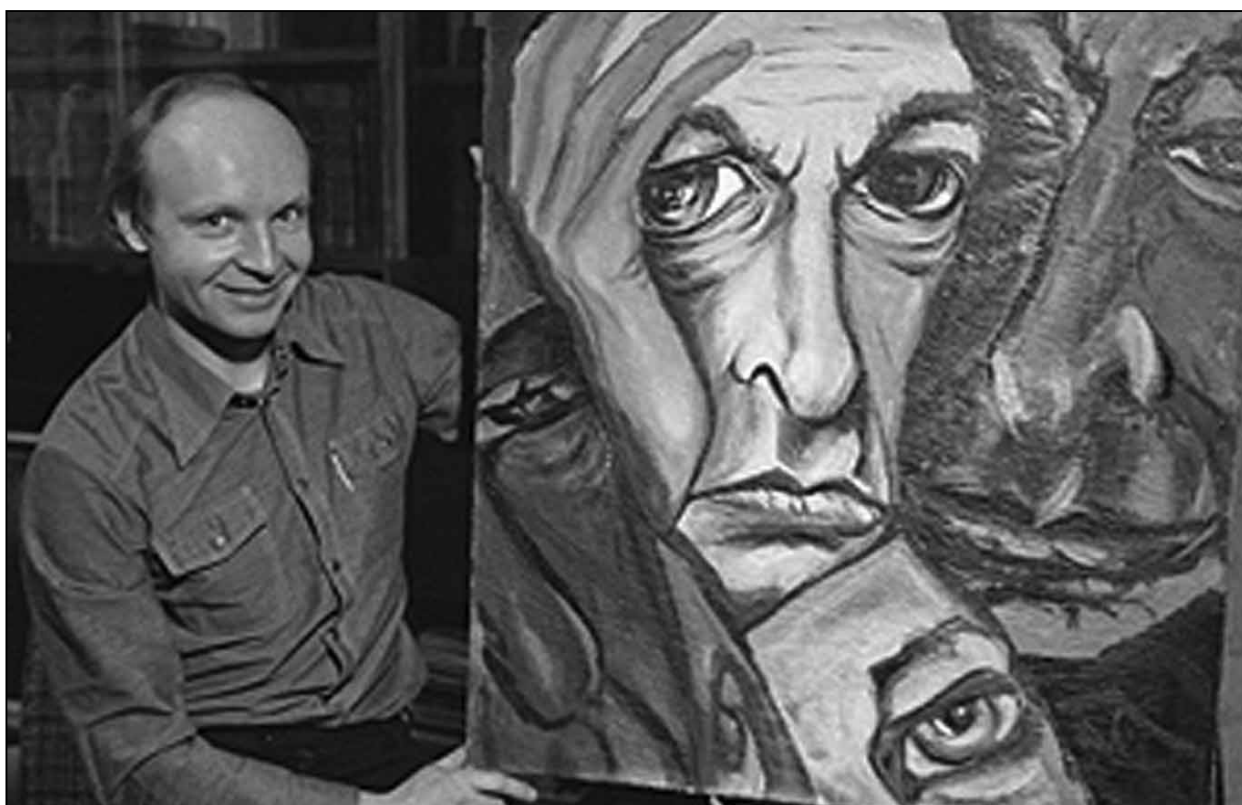
это не сотворчество. И в таких случаях актер режиссеру не нужен, он превращается в мазок, краску, функцию, что мне лично неинтересно. Как режиссер я пытаюсь, чтобы работа сводилась к взаимному поиску характеров, персонажей, образов. Конечно, принципиальное различие между актером и режиссером в том, что актер отвечает только за свою роль, а режиссер — за весь объем того, что происходит на сцене. Например, в своих спектаклях я как артист участвовать бы не смог. А когда это у кого-то происходит, не представляю, как можно отвечать и за себя, и за все вокруг одновременно».

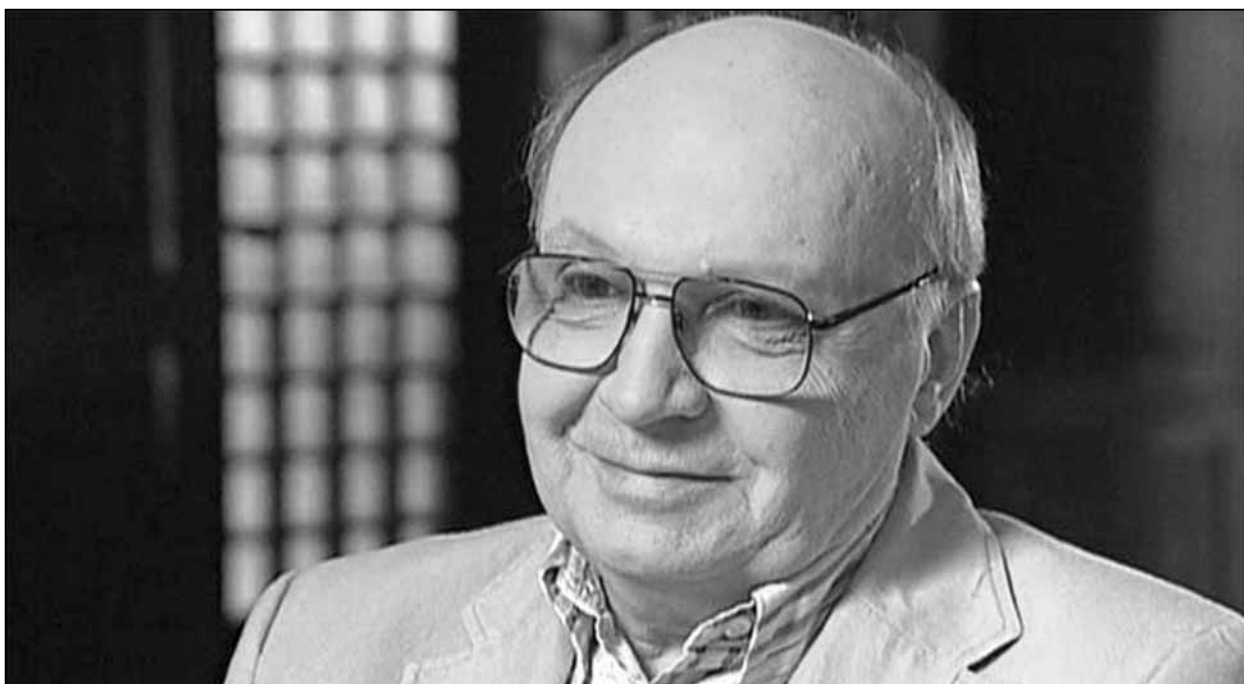
Многогранность таланта Андрея Васильевича проявилась и в живописи (он пишет портреты — в частности, есть портреты Михаила Гор-

бачева и Галины Волчек), и в литературе. Он написал и издал три книги. По его собственным словам, сделал он это для супруги, которой не хватало хорошей литературы.

О браке Андрея Мягкова и Анастасии Вознесенской стоит сказать отдельно. Это редкий в театральнокиношной среде длительный союз по-настоящему любящих друг друга людей. Они поженились, еще будучи студентами Школы-студии МХАТ и несколько лет назад отметили «золотую» свадьбу, 50 лет вместе! У супругов нет детей, поэтому свободное время они посвящают друг другу, а также своим ученикам в Школе-студии, где преподают.

Неоднократно Андрей Васильевич предлагал Рязанову снять продолжение «Иронии судьбы» и даже на-

писал сценарий. Но Эльдар Александрович отказывался, считая, что в одну и ту же реку дважды не войти.

Зато продолжением заинтересовался Константин Эрнст, и на экра-

ны несколько лет назад вышла картина режиссера Тимура Бекмамбетова «Ирония судьбы. Продолжение», в который сыграл и Мягков. Но, по его собственным словам, от его сценария в фильме почти ничего не осталось — многое было переделано в угоду современному вкусу. Сохранилась только изначальная идея о том, что главными героями должны стать дети любимых персонажей.

Обладатель множества премий, Андрей Мягков относится к ним, как и к многолетнему успеху «Иронии судьбы...» абсолютно спокойно, как человек, понимающий, что важно — другое. Важно каждый день работать, развиваться, преподавать, выходить на сцену. И, конечно, невероятно важно, что дома тебя ждет по-настоящему любимый и любящий человек. А все остальное — суета... □

САПОГИ ДЛЯ ОТЦА

Дождь начался под утро. Пару минут темное низкое небо как будто еще раздумывало, стоит ли расставаться с приятной тяжестью облаков, как вдруг падающие частицы влаги легким шорохом возвестили о грядущем ливне — и спустя мгновение голые ветки яблонь в саду уже гнулись под тяжестью холодных потоков воды.

Игнат проснулся с первым стуком тяжелых капель о жестяную крышу.

Раньше, в детстве, он очень любил этот мерный гул, доносившийся из сеней даже сквозь плотно закрытые двери. Так хорошо и покойно было на сердце в моменты затяжного октябрьского дождя, когда уже с утра топилась в избе печь, затевался домашний белый хлеб, размеренно отсчитывал минуты будильник с треснувшим стеклом, а на столе, на старой выцветшей скатерти сушились яблоки, издавая слегка щекотавший ноздри пряный запах... Внизу, у теплой глиняной стены голландки, лениво умывалась кошка, изредка косясь на издающий помехи радиоприемник. Размеренный, полный достоинства мужской голос сквозь штормовые волны эфира неторопливо рассказывал о малопонятных ему, еще совсем маленькому мальчику, вещах — зерновом эмбарго, западном милитаризме, прогрессивно настроенной левой общественности города Лиона...

Скрипела дверь — в избу, точно медведь, вваливался промокший отец, быстро скидывал с себя тяжелый резиновый дождевик, темно-зеленые военные брюки — одежда долго потом сушилась на грубой деревянной скамье — и, переодевшись, уже по-домашнему садился пить чай, вернее отвар на смородиновых листьях...

«Куда делась эта жизнь? — тоскливо думал Игнат, разглядывая беленый потолок спальни. — Утекла сквозь пальцы... Будто и не было ничего!»

Будильник безразлично указывал на то, что время для сна еще, в общем-то, есть, и всего-то еще «четыре пятнадцать», и сорок минут отдыха — это совсем не шутки... И он сам не заметил, как вновь задремал...

И снова это была общая комната в родительском доме, где стояло радио и большой стол близ старого зеркала с мутным зеленым стеклом... Только было в комнате теперь как-то сыро, даже промозгло... Старые, отошедшие на стыках обои будто набухли от какой-то невидимой влаги, рвавшейся наружу, и казалось: лишь ткни в трухлявую стену пальцем, гнилое дерево мягко поддастся, и вся рука по локоть провалится в вязкую холодную сырость, черноту, тлен... Чувствовалось, будто дождь идет не снаружи, а здесь, в доме, прямо с потолка. И ледяные капли воды бьют прямо по лицу, текут по шее, собираясь в ручейки на спине, и все тело начинает трясти подлый трусливый озноб — уже даже не от холода и не от сырости, а от чувства какой-то непоправимой, страшной беды...

За окном, сквозь струи воды, видны клубящиеся облака темного тяжелого неба, будто вплотную нависшего над размытой деревенской дорогой, разбитой колесами кривых телег и покрытой следами-оспинами от коровьих копыт. В комнате почти нет света, и даже покрытый серебром образ в углу темен, застыл в скорбном молчании. И почему-то смотреть на знакомые с детства вещи и предметы в этом полумраке страшно. Все кажется чужим, брошенным, ненужным, как оставшаяся от покойника одежда. И в самом сердце, там, где бьет источник жизни, рождается смертная тоска — точно червь, вгрызающийся в мякоть спелого плода. Начало конца...

Броситься бы наутек, без оглядки, хлопнув в сенях тяжелой, обитой бычьей кожей дверью, и бежать под дождем через ветлы, степь, овраг — туда, к летнему стану, с отарами овец и их пастухами, с механизаторами, возящимися возле теплых, тяжело фыркающих грузовиков, полных зерна, с веселыми доярками в платках и безмолвными, вечно жующими траву коровами... Но убежать нельзя, нужно дожидаться отца... Странное дело, его сегодня долго нет, ведь обычно он так пунктуален... И делается совсем жутко, когда сквозь раскаты грома слышится его слабый кашель из-за картонной загородки, где у печи стоят родительские железные кровати со скрипящими панцирными сетками... Когда же он прошел? И что делать ему в постели в такой час?

— Игнат... Игнат! — тихо зовет отец, невидимый за горбатой, изъеденной жуками перегородкой.

Невесть откуда взявшийся в комнате ветер колыхает тюлевую занавеску, заменяющую в небольшом проеме дверь. Пахнет мокрой землей, ржавым железом, папиросным дымом, но за тонкой стенкой тепло, сухо и покойно.

Узкое пространство спальни озарено желтым колеблющимся светом керосиновой лампы. В углу стоит пустая, аккуратно заправленная кровать. Рядом на стуле, прижавшись плечом к печи, сидит на табурете отец в потертом лейтенантском мундире. Форма его насквозь мокрая, будто он только что искупался в озере. С рукавов течет. Лицо и руки перепачканы землей, ошметками рыжей грязи облеплены босые ноги.

— Здравствуй, Игнат, — кротко говорит отец.

— Здравствуй, папа, — шепчет Игнат, дрожа всем телом.

— Что, сынок, дождь на улице? — спрашивает отец, вздыхая как-то горестно, даже обреченно.

Игнат лишь молча пожимает плечами, косясь на грязные ноги и запачканный глиной и песком пол.

— У меня будет к тебе просьба, сынок, — произносит отец, плотнее прижимаясь к печи.

Игнат вопросительно смотрит на него, ежась от холода ткани промокшей рубахи.

— Возьми с собой сапоги. Здесь очень мокро, — говорит ему отец. — Я промочил ноги.

— Какие сапоги, папа? Кто же дома в обуви ходит? — удивляется Игнат и делает шаг вперед. Но отец быстро вскакивает со стула и начинает пятиться к стене. Глаза его округляются от ужаса при виде протянутых к нему Игнатовых рук.

— Что ты, что ты, сынок, рано... — шепчет он, пряча руки за спину.

— Да ты что? Обезумел, бать? — смеется Игнат. — Дай я с тебя гимнастерку сниму! Мокрая же ведь!

— Не подходи, Игнат! — истошно кричит отец, отступая. — Рано нам с тобой встречаться!.. Ведь я не знал!.. Я просил у них всего лишь сапоги!.. Не нужны мне они, если такой ценой!..

Игнат пытается обхватить отца руками, но тот ловко уворачивается, прыгает на кровать, пачкая грязными ногами простыни и подушку. Игнат в растерянности смеется, глядя, как мечется отец — какой-то вдруг старый, маленький, мокрый...

Шум дождя все усиливается, слышно, как крупные капли, точно истребители с пилотами-камикадзе на борту, таранят старую жестяную крышу, снаружи грохочет и воет чем-то разгневанная небесная сила, и сквозь этот жуткий шум Игнат все же четко слышит слова отца:

— Не ходи к Ясному. Это ловушка...

Игнат в недоумении отступает. Страшный шум сверху заставляет его поднять глаза: от мощных ударов стихии с лязгом и скрипом рушатся деревянные перекрытия под крышей. Обломки бревен, листы железа, пакли, перемешанной с черной вековой пылью, обрушиваются на Игната.

Жалобно крича, он пытается прикрыться тонкими мальчишескими руками, но, получив смертельный удар тяжелой тесаной балкой, падает и тут же исчезает под грудой обломков...

Игнат открыл глаза и почувствовал, что подушка под правой щекой мокрая от теплых слез. Снаружи тихо моросил ослабевший дождь. Слышно было, как в палисаднике тихо шуршат остатками мокрых листьев вишни. Маленький будильник на ночном столике невозмутимо тикал, мигая зелеными цифрами в предрассветном сумраке.

«Пять тридцать. Заспался...» — поморщился он и аккуратно, стараясь не разбудить жену, которой можно было спать еще целых полчаса, плавным рывком сел на кровати. Откинув одеяло, тихо спустил на деревянный пол ноги. Холодные доски помогали быстрее проснуться.

— Ты плакал во сне, — с тревогой сказала жена. Она, видимо, проснулась раньше и застала концовку сна Игната — с этой стороны реальности.

Игнат почувствовал себя неловко, точно нашкодивший школьник, пойманный строгим завучем.

— Отец приснился, — не оборачиваясь, объяснил он. — Сапоги просил зачем-то...

— Отец? — переспросила жена, зевая. — Какой вздор... Зачем ему сапоги? Он же давно умер...

— Давно... — задумчиво согласился Игнат. Почесав большими сильными пальцами шею, добавил, будто только что вспомнив: — В 79-м году...

Он быстро поднялся с кровати, мягко ступая, подошел к стулу, на котором с вечера висели рубашка и теплые брюки. Свернул одежду в охапку и, выходя в сени, тихо бросил:

— Ты отдыхай еще... Я пошел телят поить.

Жена не услышала этих слов. Повернувшись набок, торопливо досыпала оставшиеся минуты.

Игнат вышел на крыльцо налегке, даже не набросив куртку. Это был своеобразный утренний ритуал: быстро обойти хлев, овин и конюшню, посмотреть, все ли в порядке, долить, где нужно, воды. Насыпать овса или фуража — это уж после... После завтрака. Хозяйство его было большим. Ради него, собственно, и строился подальше — на самом краю деревни. Чтобы не жаться, а сделать загоны для скотины попросторней, ухнуть большой светлый дом — с террасой, построить гараж, срубить баню, со временем — птичник... И все в общем-то сложилось, как хотел того Игнат, и даже больше... Знал он, что живет на этом свете не зря и что успел сделать к своим пятидесяти девяти годам поболее многих.

Одно только обстоятельство не давало ему покоя — дети. Дочь и сын его давно уже выросли и уехали в город. Имели свои семьи, работали. Он

помогал им, как мог — продуктами, деньгами... Каждое лето ждал в гости. Но в ответ получал лишь редкие телефонные звонки да фотографии внуков. Отдыхали дети, как правило, за границей.

— Стали мы с тобой, мать, родственниками на расстоянии, — усмехаясь, говорил он жене во время скучных зимних вечеров, когда только и оставалось, как пить чай, да бессмысленно пялиться в экран телевизора. — Одно-го только не пойму, чего они шарахаются от нас, как от прокаженных? Чем мы им не угодили? Пахнем плохо? Воли-то сколько здесь! Сады, поля, речка, степь, лес — все свое, родное! Неужели совсем не тянет домой? Неужели какой-то Египет милее?

— Может, и милее... — отвечала жена. — Мы же с тобой нигде не были. Как мы можем сравнивать?..

Игнату становилось горько от таких ответов. Умом он понимал, что дети — люди совсем другого поколения, живущие совсем другой жизнью, с другими ценностями и, как теперь говорят, нравственными ориентирами. Да что там греха таить: между ним и детьми пролегла целая пропасть непонимания. Но если они спокойно относились к тому, что отец, как они выражались, «давно отстал от жизни в своей деревне», то сам он мучился от этого разлада. И все пытался понять, почему он — человек честный, неглупый и работающий — оказался на обочине этой новой жизни, и за что заслужил холодное безразличие со стороны самых близких людей.

— Нет, мать, ты мне ответь! — заводился Игнат. — Чем мы заслужили такое презрение? Почему стали пустым местом для сына и дочери? Я приезжал тот раз к Пашке гуся отдать... Так они меня даже за стол не посадили! Так... чайку плеснули! Пакетик заварили!.. И внука, говорят, не надо трогать! Щас, говорят, бактерию младенец может прямо с одежды подцепить! Тем более вы, говорят, с улицы!.. А мы его на руки никому не даем! Это они мне. Деду! Да нас в семье семеро детей росло! Дома все родились! Бабка роды принимала! Ничего, выросли! Спали, где придется, ели, что придется, — ничего не подцепили!.. Я в свои годы быка-двухлетку ударом могу уложить...

Жена лишь скорбно поджимала губы. Ей было жалко всех. И Игната, и неразумных детей.

— Посидели полчаса, телевизор посмотрели... Они мне и говорят: ну все, папа, нам нужно в торговый центр собираться! — печально заключил Игнат. — Мы, говорят, вам сообщим, если нужно чего будет... Обрато ехал, подумал: руль, что, ли отпустить?.. До первого столба...

Игнат, придерживая ведро, вошел в темный хлев. Воздух здесь был тяжелый, но приятный, влажный, пропитанный теплым молочным паром. Одна из коров Дочка лениво подбирала языком из кормушки солому и неторопливо ее жевала. Вторая чинно дремала в углу в позе кошки, граци-

озно подобрав под себя копыта. Два теленка, опустив на пол головы, лежали рядом. При появлении Игната они быстро и неуклюже поднялись.

— Ну-у-у... — успокоил их Игнат. — Чего всполошились? Доброго утра вам!

Он быстро вылил воду в поилку, сделанную из большой автомобильной шины. Подкинул в кормушку соломы, бегло осмотрел потрескавшееся пару дней назад вымя у Дочки и снова вышел на скотный двор.

Уже рассвело, однако тучи еще не разошлись — лишь посветлели. Дождь превратился в слабую морось, мельчайшие ее капли попадали на лицо, и Игнат с наслаждением ловил прохладную чистую влагу. Он вдруг почувствовал себя молодым, полным сил и энергии. Вспомнилась первая после армии весна. Цветущие яблони, сочная молодая трава, необъятные черные поля, от которых на ярком солнце шел пар... И Нина, молодая, веснушчатая, красивая до боли в зубах... Дождавшаяся... И как он дрался потом за нее возле клуба, как догонял в темноте какой-то мотоцикл, как на него бросались с вырванными из забора кольями... И как она вела потом его под руки, шатающегося, всего в крови, отмываться, а порванная рубашка лоскутками развева-лась на холодном весеннем ветру... Отец потом долго ругался за испорченную одежду. А когда отошел, с плохо скрываемым удовольствием буркнул:

— Так им и надо, пижонам даниловским! Мы всегда их гоняли...

«Ведь не было у меня, по сути, никого дороже и ближе его, — с удивлением осознал вдруг Игнат, — ни мать, ни братьев не любил я так сильно, как отца... Нет, конечно, дороги они мне по-своему... Но он... Я же на кладбище даже не смог пойти, просто выл несколько дней дома от горя... Из петли вынимали... Может, оттого и не хватило на своих детей любви? Может, за эту любовь свою и расплачиваюсь?..»

От тягостных раздумий заставил оторваться шум, доносившийся из конюшни. Игнат всю жизнь держал лошадей, но сейчас за ненадобностью полностью распродал табун, оставив лишь старую, но довольно бойкую кобылу Селедку и молодого жеребца по прозвищу Ясный, данному ему за отличные качества породы. Он услышал, что лошади были чем-то сильно обеспокоены: кобыла тревожно фыркала, а ее молодой и бесстрашный сын и вовсе с громким ржанием бился о доски деревянной клетки. Беспокойство в конюшне учуяли и собаки. В дальней псарне зашелся лаем Верный — кобель гончий, основной спутник Игната на любой охоте.

— Что за черт... — пробормотал Игнат, распахивая двери.

То, что он увидел в следующую минуту, было настолько неожиданным и нелепым, что он сначала даже не поверил своим глазам. У самого стойла Ясного стоял, вернее даже уже висел, перегнувшись через деревянную перегородку, некий господин в старомодном болоньевом плаще, резиновых сапогах, галстук и шляпе. Одной рукой он протягивал жеребцу

кусочки сахара, второй аккуратно прижимал к груди пухлую папку с тряпочными тесемками. Незвестный был похож на председателя колхоза, какими их обычно изображали артисты в черно-белых советских фильмах. Он и двигался как-то картинно: комично раскачивался на перегородке, жевал губами, изображая, видимо, как вкусен сахар, если положить его в рот, выгибал спину. Ясный в страхе бил передними копытами по земле, налетал крупом на стену.

В замешательстве Игнат даже не понял, что обратился к постороннему человеку, неизвестно как, когда и с какими целями проникшему в его конюшню, на «вы».

— Что вы... здесь делаете?.. — деревянным голосом вымолвил он.

Незвестный обернулся, продолжая держать руку вытянутой, и устремил на Игната внимательный взгляд поверх маленьких очков в изящной старомодной оправе. Как будто в чем-то удостоверившись, ничего до этого не выражающее круглое его лицо расплылось в довольной улыбке.

— Ну, точно, Игнат Иваныч, — сияя от радости, спрыгнул он с загородки, бросив Ясному сахар прямо на деревянный настил. — А я вас жду, жду... Доброе утро!

— Кто вы? — сурово спросил Игнат, мучимый внезапно возникшей тяжестью возле сердца. — Как вас зовут, и что вы здесь делаете?

— Да какая разница, как меня зовут? — засмеялся незнакомец, обнажив белоснежные зубы. — Ну, допустим, зовут меня... ТодНитремс.

— Немец, что ли? — удивляясь своему глупому вопросу, спросил Игнат.

— Да, пожалуй, что и немец, — чуть подумав, ответил странный гость. — Хотя вернее сказать: гражданин мира. Но это, Игнат Иваныч, сейчас совсем неважно. Важно то, что я прибыл сюда... за вами.

— В каком смысле? — холодея, шепотом произнес Игнат.

— В прямом, — просто и коротко проговорил гость, сочувственно склонив набок голову в шляпе. — Ваше время на этой земле вышло, Игнат Иваныч. Пора.

— Куда это «пора»?! Это что, розыгрыш такой? С утра пораньше? — попытался, было, засмеяться Игнат, но, заглянув в бездонные глаза ТодНитремса, осекся. Из прозрачных голубых глаз загадочного посланника на него смотрела неумолимая черная вечность. Он понял, что приговор ему был выписан и обжалованию уже не подлежал.

— А вы что же, сама смерть и есть? — спросил Игнат. Больше для того, чтобы убедиться: жив он еще или нет.

— В обывательском понимании этого слова — да, — охотно ответил собеседник, внимательно следя за малейшими движениями Игната. — То есть, если иметь в виду мой непосредственный функционал. На деле же все несколько глубже...

— Это как?

— Да так... — весело отмахнулся Тод. — Долго рассказывать...

— А почему вы такой?

— Какой — такой?

— Ну... — помедлив, произнес Игнат. — Обычный...

— Пшш... — сразу заскучал собеседник. — Как же вам проще объяснить? Мм... Ну, хорошо... К каждому смерть приходит в разном облике. По совокупности, так сказать, жизненных достижений. Каждому свое, как говорится. Некоторым, знаете, что является? Я сам бы испугался! А хороших людей... Таких, например, как вы, стараются забрать быстренько, не страшно и по возможности не больно. Я сделаю одно признание... — Тут загадочный пришелец почему-то оглянулся на загончик, где уже не бился, но все еще выбивал копытами беспокойную дробь Ясный, и заговорщицки подмигнул Игнату: — Но это строго между нами. Мы вас хотели во сне забрать. Чик! И готово. Но мне захотелось с вами лично познакомиться...

— Почему же? — спросил Игнат, понимая, что удивляться чему-то в этом странном разговоре уже бесполезно.

— Романтичная вы натура, Игнат Иванович! — засмеялся Нитремс, обнажив ровный ряд верхних зубов. Но тут же посерьезнел: — И, к сожалению, уходящая. Скоро таких, как вы, уже совсем не будет. Кончается русская деревня. Впрочем, это уже немного другой разговор... Ну что, будем собираться в путь-дорогу?

Он опять улыбнулся, подмигнул, и вся его фигура выражала такое дружелюбие, что, казалось, перед Игнатом стоит не Ангел Смерти, а старый армейский приятель, нагрывший, черт знает откуда, дабы предаться в компании бывшего сослуживца приятным воспоминаниям об ушедшей молодости.

— Вы ведь смерть! — невольно вырвалось у Игната. — К чему эти кривляния? Пришли, значит, делайте свое дело!

Нитремс умилительно покачал головой:

— Спокойно, спокойно. Я же говорю: тут все намного глубже... Я ж не сама смерть! Я лишь, скажем так, уполномоченное Министерством Смерти лицо. В мои полномочия входит лишь изъятие души и непосредственная доставка ее в... кхе... кхм... скажем так, в загробный мир.

— Министерство Смерти? — переспросил Игнат. — Это как же понимать? Бюрократия и до того света добралась?

— Ох, и не говорите! — всплеснул руками Тод и начал торопливо развязывать на папке тесемки. — Тут ведь такая канитель! Рассказать — никто не поверит! Что бы вы подумали? Каждый шаг по бумажке! Рождение? Смерть? Только после получения соответствующей санкции. Вот, пожалуйста, и на вас бумага... Вчерась выдали... — Он посконявил пальцы и начал перебирать стопку пожелтевших ордеров с лиловыми печатями. Игнат успел разглядеть несколько резолюций: «Утверждено», «Отсрочить»,

«Дать второй шанс»... — Ага! Вот! — Тод извлек из папки маленький мятый листочек и протянул его Игнату.

Тот жадно впился глазами в несколько машинописных строчек. Документ, увенчанный сверху монограммой в виде двух скрещенных костей и черепа и готическим вензелем из трех букв «MOD», гласил:

«Синютин Игнатий Иванович. Дата рождения: 15 августа 1951 года. Дата смерти: 12 октября 2010 года. Причина смерти: острая сердечная недостаточность». Далее лиловый штамп: «Утверждено». Под ним от руки каллиграфическим почерком приписка: «Основание: истечение срока пребывания на земле». А внизу, также от руки, но красными чернилами: «Попытка апелляции: отклонена в силу слабой аргументации».

— Здесь нет никаких подписей, — прочитав короткий текст, протянул Тоду листок Игнат. — Любой приговор должен быть подписан судьей. А эту филькину грамоту я, извините, признать не могу...

— Начинается! — раздраженно закатил глаза Нитремс. — Суд у вас, дорогой товарищ, еще впереди. И приговор будет, не беспокойтесь... Вам же сейчас предъявлен чисто технический документ. Он лежал в Божественной канцелярии с момента вашего рождения. Подошел срок, курьер из Учетного стола душ доставил письмо в наше министерство. Там назначили по вашему поводу совещание... Выбрали Справедливую Комиссию из числа святых и равноапостольных. Оснований для дальнейшего пребывания на земле... мм... — Тут он несколько замялся. — Не нашлось. В итоге ордер был подписан, а я получил санкцию...

— А что за «попытка апелляции»? — прервал его Игнат. — Как это понимать?

— Ах, это? — нервно улыбнулся Тод. Видно было, что он давно уже устал от объяснений перед обреченными. Но, видимо, таков был порядок, и он обязан был сообщать все подробности. — Обычная процедура, честно говоря... Дело в том, что у умерших ранее родственников есть возможность обжаловать приговор Справедливой Комиссии. Каждому из покойных это право дается один раз. Подающий апелляцию выступает перед Тайным совещанием, и если его аргументы имеют необходимый вес, комиссия вправе пересмотреть сроки смерти. Родственнику разрешают посетить сон приговоренного и оставить ему предупреждение. Дать подсказку, которая позволит отсрочить смерть. На нашем бюрократическом языке это называется «второй шанс». Ваш отец решил воспользоваться правом апелляции. Однако приведенные им доводы оказались для членов Комиссии неубедительными... В итоге, повторюсь, я здесь...

— И что же это были за... доводы? — в крайнем напряжении спросил Игнат. Его вновь захлестнуло мальчишеское чувство всепоглощающего стыда.

— Пожалуйста, это не секрет, — улыбнулся Нитремс. — Он сказал Комиссии, что очень любит вас и хочет, чтобы вы пожили подольше.

Игнат почувствовал, как слезы, помимо его воли, потекли по лицу.

— А разве этого мало? — прохрипел он и отвернулся.

— Только без истерик! — предупреждаяще выставил вперед ладонь Тод и вдруг брезгливо сморщился: — Санкция подписана!.. И наш с вами разговор затянулся...

Он достал носовой платок, снял шляпу и промокнул выступившие на гладком лбу капельки пота. Потом сделал, было, шаг в сторону Игната, но тут же остановился. Перед ним стоял громадный, как медведь, деревенский мужик, сжимающий пудовые кулаки и полный решимости биться за свою жизнь.

— Суки вы... — зловеще процедил Игнат, злобным взглядом примеряясь к щуплой фигурке уполномоченного по душам. — Гниды! Он же вас просил, он умолял вас, ничтожеств... Старик, ветеран войны...

Теперь уже Игнат сделал шаг в сторону Нитремса. Тот в восхищении смотрел на огромные кулаки, но не пятился.

— Неужели любовь — недостаточный аргумент для жизни?! — закричал Игнат, замахаясь, и в ту же секунду что есть силы ударил «уполномоченного» прямо по зубам.

Охнувший Нитремс падал мягко, медленно, красиво. Как в голливудском кино. Игнат ощутил приятную боль в костяшках, свернувших носовой хрящ, выбивших передние зубы, расколотивших вдребезги очки в старомодной оправе. Разлетевшиеся по сараю бумаги уполномоченного падали с тихим шелестом на навоз.

— Ну что, Ангел Смерти??! Больно?! — смеялся Игнат над возившимся в поисках папки Тодом, сплевывавшим на грязный пол кровь и осколки зубов. — А я тебе скажу! Предупредил меня батя во сне!.. Так и сказал: не ходи к Ясному, там засада. Не знаю, как он вас там обвел вокруг пальца, но только хрена теперь вам!.. Санкция твоя силы не имеет!

Тяжело дышащий Нитремс собрал, наконец, разлетевшиеся при падении листочки, сложил их в папку, выпрямился и, нацепив на кровоточащий нос разбитые очки без стекол, быстро заговорил, сильно шепелявя:

— Жря вы так, Игнат Иванович, жря... Мы же вжрошлые люди ш вами... В какой-то штепени даже интеллигенты... Я пожволю шебе напомнить вам, што, шогласно Кодекшу о душах, только любимый и любящий щеловек может получить второй шанс или отщрочку... А ваш, пардон, дети ненавидят, штешняются и, в некотором роде, тяготятся вашим общештвом... Вот-ш! Но это, в общем, полдела... Вторая половина заключаетша в вашем батюшке. Шкандал ш ним вышел, это да... Пошле того как ему откажали в аппеляции, он навроде вас, уштроил дебош... С рукоприкладштвом. Его, конешно, под арешт, под надзор. Буйным душам положен отдых в Особом Управлении при Чистилище... Но по дороге туда Иван Саввич бежал. Шмог каким-то образом подкупить Хранителей Сонного царства. Я подождреваю,

што он где-то обналичил райские пенсионные накопления... И проник в ваш сегодняшней сон... Потребовалась срочная Оперативная Ликвидация. Офицеры из Гвардии Морфея, посланные в погоню за Иваном Саввичем, протаранили ваш дом на штурмовике... Вы ведь помните концовку сна?

Последние слова Нитремс, к крайнему удивлению Игната, произнес четко и внятно. Он всмотрелся в лицо уполномоченного и опешил: ни крови, ни ран, зубы целы, и даже очки на месте... Игнат тяжело сглотнул сделавшуюся вдруг горькой слюну.

— Вы помните концовку сна? — громко повторил Нитремс и стал приближаться к Игнату маленькими шажочками, помахивая папкой, словно отбиваясь от мух.

— Помню, — невидящим взором смотрел на него Игнат. — Он хотел сказать мне что-то еще, но рухнула крыша, и меня раздавило обломками...

— Правильно, — замурлыкал, приближаясь, ТодНитремс. — В том-то все и дело. Он не успел сказать самое главное: «Не забудь надеть куртку: в ней нитроглицерин...» — И вдруг закричал торжественно и страшно: — А сердечко ваше больное давно нам известно!..

При этих словах Игнат машинально схватился за сердце, а сам Нитремс, отбросив в сторону папку, распахнул плащ и выдернул из небольших ножен, прикрепленных к внутреннему карману, острый клинок, похожий на кортик. Только лезвие его было не стальным, а стеклянным. «Уполномоченный по душам» сделал последний шаг и коротким, быстрым движением правой руки ткнул кортиком Игнату в грудь. На мгновение оба замерли, обнявшись, словно братья после долгой разлуки.

— Больно? — сочувственно поинтересовался Тод.

— Нет, — с удивлением ответил Игнат, ощутивший под сердцем мятный холодок.

И тут увидел себя со стороны, лежащего, прижавшего руку к левой стороне груди, лицом в куче конского навоза.

— Не беспокойся, не успеют спасти, — заверил Тод, проворно пряча нож под плащ. — Жена придет только через десять минут. Будет уже поздно.

Игнат в растерянности наблюдал, как Нитремс, или как его там, снова поднимает с пола папку. Затем он долго рылся в кармане брюк и, найдя сотовый телефон, набрал бесконечно длинный номер, потом властным голосом приказал:

— Алло, транзитная?! Алло! Уполномоченный Нитремс у аппарата. Пассажира номер четыреста пятнадцать можно забирать. Что? Да, да... Билет в один конец. И давайте быстрее! Где вас черти носят?! Времени в обрез, а мне еще тут прибраться надо... Пойдем, — повернулся ТодНитремс к Игнату и, взяв его за руку, безвольного и легкого, как пушинка, повел к амбаре, где хранились зерно и фураж.

Навесной замок открылся без ключа, лишь от одного прикосновения руки «уполномоченного», а внутри среди многочисленных бочек и мешков уже ждали двое в камуфляже с лицами убийц, но без оружия. Один из них поднял крышку погреба, и Игнат увидел, что вместо полка с банками соленый и сала куда-то глубоко вниз уходит сияющая золотая лестница, ее ступени мигают разноцветными огнями в такт приятной музыке.

— Прощу! — радостно проговорил один из «камуфляжников».

Игнат покорно поднял ногу, но, прежде чем ступить, обернулся к Нитремсу. Тот снова сосредоточенно рылся в своей папке в поисках какой-то бумажки. Почувствовав на себе взгляд Игната, поднял на него глаза и устало спросил:

— Ну, что еще?

— Об одном только прошу: принесите ему сапоги, — виновато улыбаясь, произнес Игнат.

«Уполномоченный по душам» несколько секунд смотрел в глаза Игнату, затем, ничего не сказав, вернулся к своим ордерам и постановлениям. Игната неожиданно резко толкнули в спину, и он кубарем полетел по светящейся лестнице, не чувствуя боли. Вообще ничего не чувствуя...

А ТодНитремс, выйдя из амбара, запер аккуратно дверь и под непрерывающийся лай собак и усилившийся дождь быстрым шагом пересек скотный двор. Бесшумно зайдя в террасу, он сначала осторожно пошарил в куче набросанного на сундук тряпья, затем открыл и сам сундук, где обнаружил лишь пустые бидоны из-под сливок и подсолнечного масла, после чего, наконец, обратил свой взгляд на антресоли, с которых торчали ручки лыжных палок и каблук охотничьих резиновых ботфорт. Зажав голенища под мышкой, Нитремс вышел из дома, громко хлопнув дверью, а затем и калиткой в воротах.

Жена Игната как раз заканчивала чистить зубы, когда ей показалось, что брякнула на воротах щеколда. Встревоженная продолжительным лаем собак и долгим отсутствием мужа, она не без страха выглянула в окно. Сквозь пелену дождя ей почудилась маленькая фигурка незнакомого мужчины в длинном плаще и шляпе, шагающего по размытой дороге, разбитой колесами мужицких телег и продавленной коровьими копытами. Одной рукой незнакомец придерживал пухлую папку, а во второй бережно нес огромные резиновые сапоги. Мужчина шел быстро, не оглядываясь, и, поравнявшись со зданием заброшенной деревянной церкви, резко свернул за угол — на дорогу, ведущую к сельскому кладбищу.

Жена Игната еще несколько минут всматривалась в мутный туман дождя, потом махнула рукой и отправилась звать мужа к завтраку. □

Светлана
Бестужева-Лада

Храм Василия Блаженного

На главной площади Москвы рядом с Кремлем стоит непревзойденный по своей красоте храм Василия Блаженного. Этот памятник российской истории и культуры давно стал неотъемлемой частью столицы России и ее символом.

И судьба у этого храма такая же яркая и причудливая. Официальное его название — собор Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву. Потом, до XVII века собор назывался Троицким, так как первоначально построенный деревянный храм был посвящен Святой Троице.

Так почему же он называется именем Василия Блаженного, который жил в то время, когда никакого собора еще не построили? И откуда он взялся, этот Василий?

В 1469 году (по другим источникам — в 1464-м) в селе Елоховском близ Москвы родился мальчик, названный Василием. Родители его, крестьяне Иаков и Анна, долго не имели детей. Молитвами выпросили они ребенка у Бога и с детства внушали ему любовь к Всевышнему.

Когда сын подрос, отец стал брать его с собой в Москву: возле Китай-города продавал он плоды трудов своих. А потом отдал сына в сапожную мастерскую в ученики. Тихий мальчик прилежно трудился, читая про себя молитвы. В 16 лет Василий покинул мастерскую и ро-

дительский дом, приняв на себя подвиг юродства.

На Руси блаженных и юродивых почитали «божьими людьми». Их называли «печальниками народа». Они опускались на самое дно общества и поднимались в палаты бояр и царей не как просители, а как заступники народные и обличители несправедливости.

Василий Блаженный скитался по Москве, ходил по храмам, для редкого отдыха укрывался в одной из башен Китай-города. Любимое им место народ назвал Васильевским лужком. Конечно, тот лужок теперь

не сохранился, а вот Васильевский спуск существует и поныне. Именно здесь ходил Василий, устремляя глаза в небо, он как бы читал там истины, открывавшиеся ему.

Знаменитый юродивый жил при двух царях: Василии III и Иване Грозном. Смутное время, жестокая борьба за власть, частые войны. Народ страдал не только от внешних врагов, но и от бесчинства бояр. Не раз грозный царь Иван выслушивал уко-

шел на порог Вознесенского монастыря и заплакал, говоря всем о том, что произойдет пожар. Разрушительное пламя разгорелось именно в этом монастыре.

Когда 88-летний Василий заболел, Иван Грозный пришел к нему со всем семейством. Старец, указав на Федора Иоанновича, произнес:

— Наследник будешь им, — и умер с просветленным лицом.

Н а Руси блаженных и юродивых почитали «божьими людьми». Среди них были не только слабоумные от рождения, но и те, кто сознательно пошел на самопожертвование Христа ради. Именно таким и стал Василий — нищий скиталец ради спасения души

ры блаженного Василия, но не решился наказать юродивого.

О самом Василии Блаженном ходило много необычных легенд. Однажды некие лихие люди решили выманить у юродивого шубу, подаренную ему барином. Один из воров притворился мертвым, а другой попросил Василия Блаженного помочь с погребением. Юродивый сразу понял, что его обманывают, но снял шубу и накрыл лежащего притворщика, сказав, что лукавый человек должен быть мертвым. В результате обманщик действительно оказался под шубой мертвым.

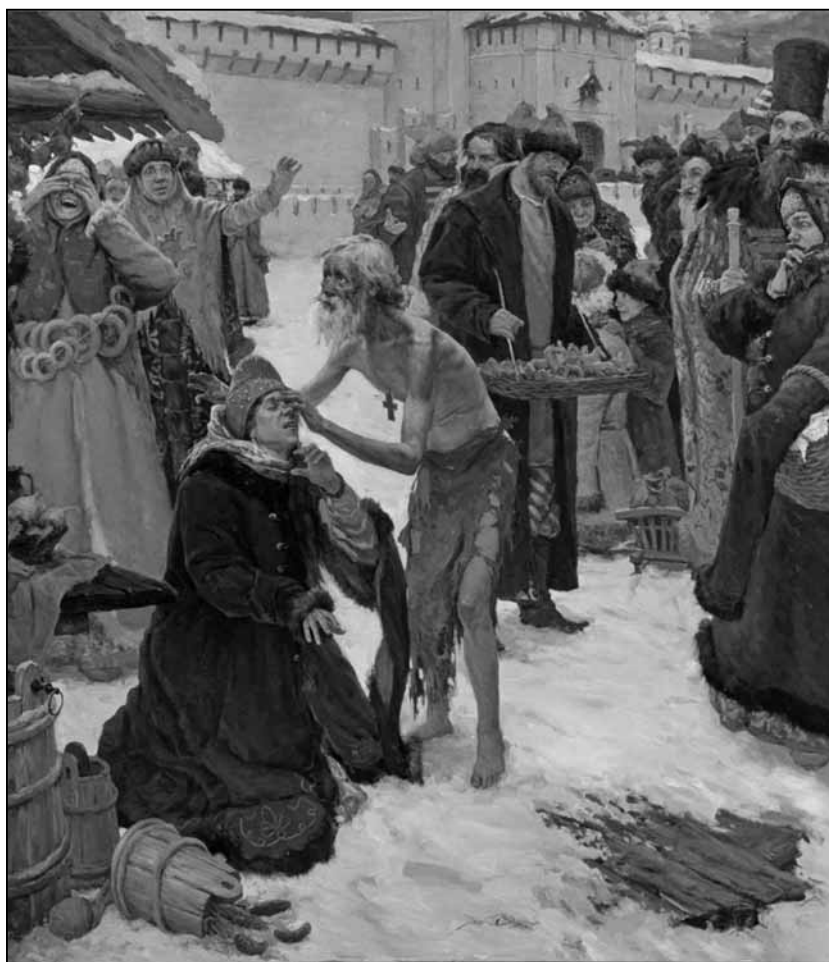
За день до большого московского пожара юродивый Василий при-

похоронили Василия Блаженного недалеко от Кремля. Гроб несли царь и бояре. По велению Ивана Грозного вблизи могилы был построен храм Покрова Пресвятой Богородицы. А у могилы юродивого начали совершаться чудеса. По преданию, нищий Герасим, который не мог ходить и двенадцать лет, просил милостыню у Спасских ворот, во сне увидел Василия, сказавшего:

— Почему не веришь святым? Ступай к гробнице юродивого.

Герасим исполнил сие и излечился.

Предания повествуют, что не только моления у гроба юродивого, но даже земля с его могилы, при-

*Василий
Блаженный*

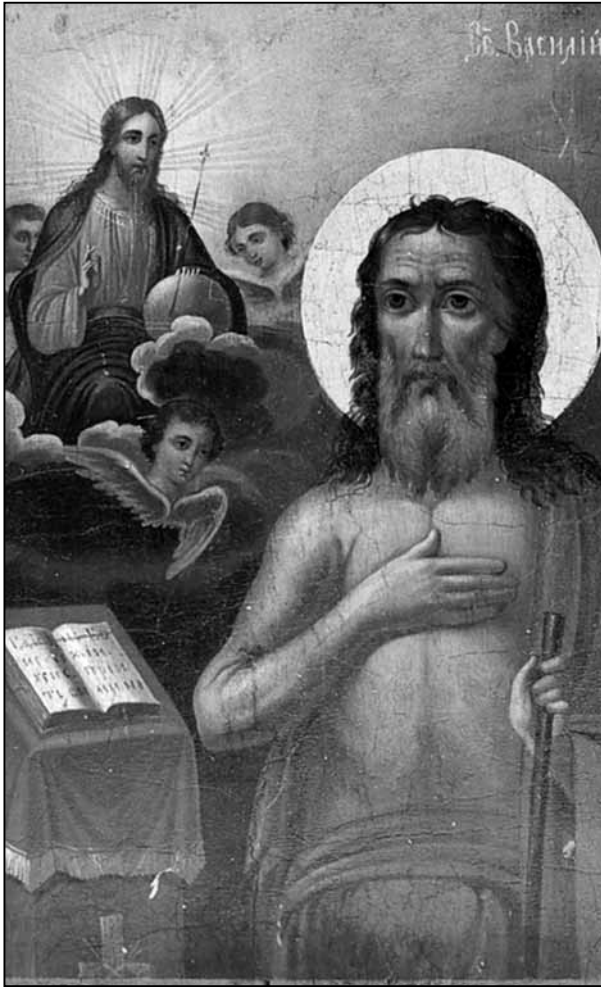
несенная в дом, давала исцеление болящим. Самое большое чудо свершилось спустя 36 лет после его погребения. 2 августа (как раз в день погребения) во время молитвы в храме Покрова исцелились сразу 120 болящих и немощных. Это посчитали знамением, и царь Федор Иоаннович приказал построить при соборе придел в честь Василия Блаженного и велел возвести серебряную гробницу над могилой.

Сюда стекались страждущие со всей Руси, а стольный град Москва стал считать Василия Блаженного своим заступником и молителем.

Чудеса начались после его погребения, как тогда говорили — от

«гроба». Святой почитался как «от бесов уязвленных исцелитель, паче же и самих бесов прогонятель; слепым прозрение, хромым хождение, болящим всем исцеление и здравие, от бед и скорбей избавление, печальным утешение подающий».

На ранних иконах Василия представляли обнаженным, так как он отказался даже от одежды, «наготю телесною Христу работая... мраза и жжения солнечного никогда не уклоняся». Вот почему в народе его называли также Василий Нагой. На более поздних иконах тело святого стали опоясывать полотенцем. Иконы с изображением этого святого есть во многих храмах России.

Название Храм Василия Блаженного закрепилось за ним в конце XVI века, между тем, он освящен Собором Покрова Пресвятой Богородицы, что на Рву, и по-прежнему называется так в официальных источниках.

Собор был возведен по случаю победы в Казанском походе и изначально являлся в большей степени мемориальным: не отапливался, службы зимой не проводились. В 1588 году, после обретения мощей Василия Блаженного, появился придел, названный его именем.

После отказа защитников Казани от мирной сдачи города, русское

войско начало осаду столицы Казанского ханства.

Согласно старинной легенде, во время службы, проводимой в походной церкви, когда священник прочитал строфы из Евангелия, раздался взрыв, благодаря которому удалось сделать проход в стене, окружающей город.

И хотя взрыв был заранее подготовлен русскими дружинниками, прорывшими тоннель под стеной — это совпадение вошло в легенды о походе Ивана Грозного. Русские войска ворвались в город и с тяжелыми боями завоевали победу. Для увековечивания памяти о славном походе царь дал обет возвести в Москве величественный храм.

Прошло два года. Для строительства нового храма пришлось освободить место возле Спасских ворот Кремля, разрушив деревянную церковь Святой Троицы. Поскольку дата взятия Казани совпала с праздником Покрова, новый собор решили назвать Покровским. Есть версия, что Иван IV (Грозный) хотел постройкой этого храма увековечить память своего отца — Василия III, но это предположение пока не доказано.

Чаще всего, при обсуждении истории храма, вспоминают легенду о том, что, по приказу Ивана Грозного, после завершения строительства архитекторов ослепили, чтобы никогда не было построено аналогичного объекта. Существует и миф, что средства на строительство хра-

ма собирал сам Василий Блаженный. Якобы он приносил монеты на Красную площадь, бросал через правое плечо, и никто не трогал их, пока юродивый перед смертью не передал всю сумму Ивану Грозному. Но этот миф не находит отражения ни в одной из редакций жития святого. Более того, святой умер 2 августа 1552 года, за 2 месяца до окончания Казанского похода —

годаря тому, что ансамбль состоит из девяти церквей, возведенных на общем фундаменте, он входит в список самых крупных соборов мира по своему объему. Уникальность храма в том, что у него нет явно выраженного главного входа. Впервые войдя в него, можно запутаться в его планировке. Но, если взглянуть на него с высоты птичьего полета или на его чертеж (вид

В ранних иконах Василия представляли обнаженным, так как он отказался даже от одежды, «наготою телесною Христу работая...» Вот почему в народе его называли также Василий Нагой. На более поздних иконах тело святого стали опоясывать полотенцем. Иконы с изображением Василия Блаженного есть во многих храмах России

события, к которому приурочено строительство храма. А сам собор был заложен лишь спустя три года, в 1555 году.

После пристройки к существующим храмам в 1588 году церкви Василия Блаженного собор обрел свое имя. По замыслу автора, ансамбль храмов являлся символом Небесного Иерусалима. Взамен сгоревших церковных покрытий в конце XVI столетия появились привычные для нашего взгляда фигурные маковки. Высота храма составляет 65 метров. Но, несмотря на эту скромную цифру, красота собора никого не оставляет равнодушным. Бла-

сверху), размещенный на стене одной из церквей, все становится ясным и понятным.

За все годы существования храма предпринималось несколько попыток его уничтожения. Первым, по легенде, собор пытался взорвать Наполеон Бонапарт. Но после молитвы москвичей произошло чудо: пошел дождь и загасил фитили французских пушек. Документальных подтверждений этой истории нет, равно, как и знаменитому инциденту с Кагановичем. Якобы, когда он представлял Сталину проект реконструкции Красной площади и снял с макета фигурку собора,

вождь скомандовал: «Лазарь, поставь на место!»

Нет официальных свидетельств и тому, что архитектор и реставратор Петр Барановский активно выступал за защиту от уничтожения. В 1936 году власти постановили, что храм мешает автомобильному движению, и предложили Барановскому заняться обмерами для сноса. Тогда, со слов его дочери, реставратор отправил в Кремль телеграмму, в которой заявлял, что вместе с собором взорвет себя сам.

Также говорят, что во время ареста архитектора его пытались шантажировать тем, что собор уже взорвали, и, когда он досрочно освобожден, то первым делом поехал на Красную площадь, чтобы лично убедиться в том, что храм Василия Блаженного стоит на месте.

После октябрьских событий собор находился в запустении. В 1919 году был расстрелян «за антисемитскую пропаганду» настоятель собора отец Иоанн Восторгов. В 1922 году из собора были изъяты все ценности, а в 1929 году его передали Историческому музею.

В конце 1929 года с храма сняли колокола и запретили проводить богослужения. На время Великой Отечественной Войны музей был закрыт, но после ее окончания и проведения очередных реставрационных мероприятий музей вновь открыл свои двери для посетителей.

Начало 90-х годов XX века ознаменовалось возобновлением цер-

ковных служений в храме. С этого же времени собором совместно пользуются музей и Российская православная церковь.

После возвращения храма в лоно православной церкви, произошедшего в светлый праздник Покрова, музей начал возобновление коллекции колоколов. Сегодня можно увидеть девятнадцать экспонатов, представляющих шедевры литейного искусства. «Старейший» из них отлит еще за пять лет до взятия Казани, а самому молодому в 2016 году исполнилось двадцать лет. Своими глазами можно увидеть доспехи и оружие, с которыми войска Ивана Грозного шли на приступ Казанского кремля.

В храме можно увидеть предметы церковной утвари и 400 икон, относящиеся к XVI веку, среди них есть и чудотворные иконы.

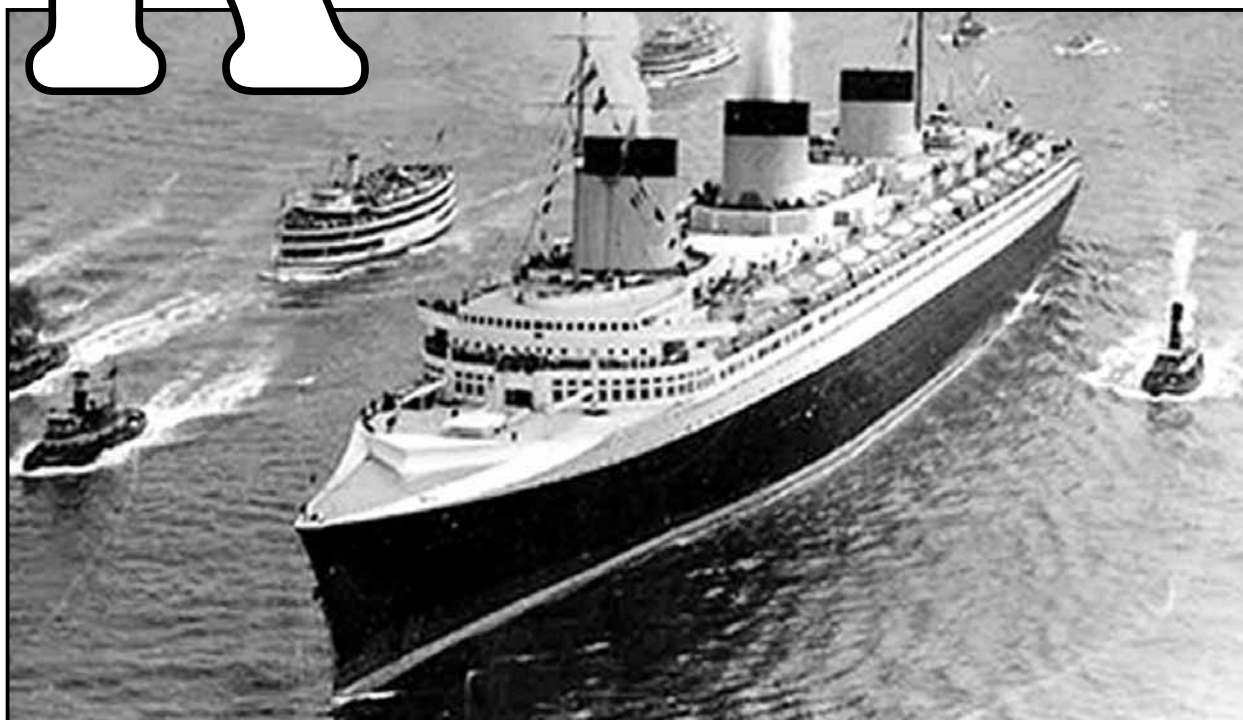
Еще одна тайна связана с Покровским собором. Говорят, что в глубоких подвалах храма спрятана библиотека Ивана Грозного. Поверить в это трудно, поскольку возводился собор на насыпном валу и имеет неглубокий фундамент. Но ведь библиотека Ивана IV до сих пор не найдена.

Так или иначе, но храм Василия Блаженного пережил всех пытавшихся его уничтожить. Один из красивейших московских и вообще российских храмов по-прежнему стоит на Красной площади, и больше ни у кого не возникает идей убрать его отсюда.

Хочется надеяться, что это навсегда. □

КОРАБЕЛЫ

Владимир Братченко

Следует отметить, что в Советском Союзе, да и в новой России, морских пассажирских судов не строили. Более целесообразно было покупать их по импорту. Наша судостроительная промышленность была загружена строительством современных кораблей (слово «корабль» означает «военное судно»), включая крейсера, эсминцы, атомные подводные лодки, авианесущие корабли, торпедные катера, суда на воздушной подушке и на подводных крыльях. В научном и техническом отношении эти суперсложные «изделия» находятся на таком же уровне, как, скажем, космические корабли, аэробусы, баллистические и крылатые ракеты. Когда атомная подводная лодка погружается на глубину около 500 метров, проходит подо льдами Северного Ледовитого океана со скоростью свыше 30 узлов и после нескольких недель подводного плавания выныривает на другом конце света, это не менее

сложная задача, чем полет в космос. Но странное дело — конструкторов самолетов, спутников, даже баллистических ракет и инженеро-автомщиков мы знаем по именам и фамилиям, видим их в документальных фильмах, а о кораблестроителях почти ничего не известно. Исключение составляет, разве что, теоретик корабельных наук и организатор судостроения в России академик Алексей Николаевич Крылов (1863–1945 гг.) О нем написано много публикаций, его хорошо знают у нас в стране и за рубежом. Сам академик написал интересную книгу «Мои воспоминания», о себе и о развитии судостроения в России, отметил в ней многих кораблестроителей царской России, но ни единым словом не упомянул известного во всем мире русского конструктора судов **Владимира Ивановича Юркевича**.

Постараемся восполнить этот пробел.

Владимир Иванович родился 5 июня 1885 года в Москве. Его отец, Иван Викентьевич, был одним из организаторов Географического общества в России, преподавал географию в лучших гимназиях Москвы. Уже с детства Володя мечтал о море и кораблях, в гимназии он проявил серьезную склонность к математике, прекрасно рисовал, увлекался фотографией. Окончив в 1903 году с золотой медалью мужскую гимназию, он, выдержав огромный конкурс, был в числе еще 24 юношей зачислен в Петербургский политехнический институт, где в 1902 году открылось кораблестроительное отделение. Уровень обучения был очень высок, здесь преподавали И.Г. Бубнов, Н.И. Кореев, Г.Н. Пио-Ульский, упомянутый А.Н. Крылов и другие корифеи российского судостроения.

Во время учебы Владимир оставшееся от лекций время проводил в чертежных кабинетах и лабораториях, где с усердием изучал чертежи и проекты судов. Впоследствии он отмечал: «Нас учили хорошо. Корабли и наш институт — это не только тени прошлого, но и достижения настоящего, которые окрыляют надеждами на будущее». Свои курсовые работы талантливый студент посвятил разработке собственной концепции обтекаемости подводной части судна. Кораблестроительное отделение считалось самым трудным. Особое внимание уделялось математике. Жена Юркевича, Ольга Всеволодовна, вспоминала, что, «уже будучи известным, Владимир Иванович высоко оценивал роль математики в своем кораблестроительном деле и все расчеты производил в большей части сам».

В 1909 году Юркевич получил диплом инженера-кораблестроителя с отличием, но продолжил обучение на последнем курсе Кронштадтского морского училища, так как изъявил желание работать в Военно-морском флоте России. Получив через год еще один диплом и звание подпоручика, он был направлен на Балтийский судостроительный завод.

В январе 1911 года Юркевича назначили помощником строителя самого большого и быстроходного в мире линкора «Севастополь». Когда строительство корабля завершилось, на него возложили ответственную задачу — математически рассчитать спуск корабля на воду таким образом, чтобы он не врезался в противоположный берег Невы. Юркевич блестяще справился с этой задачей.

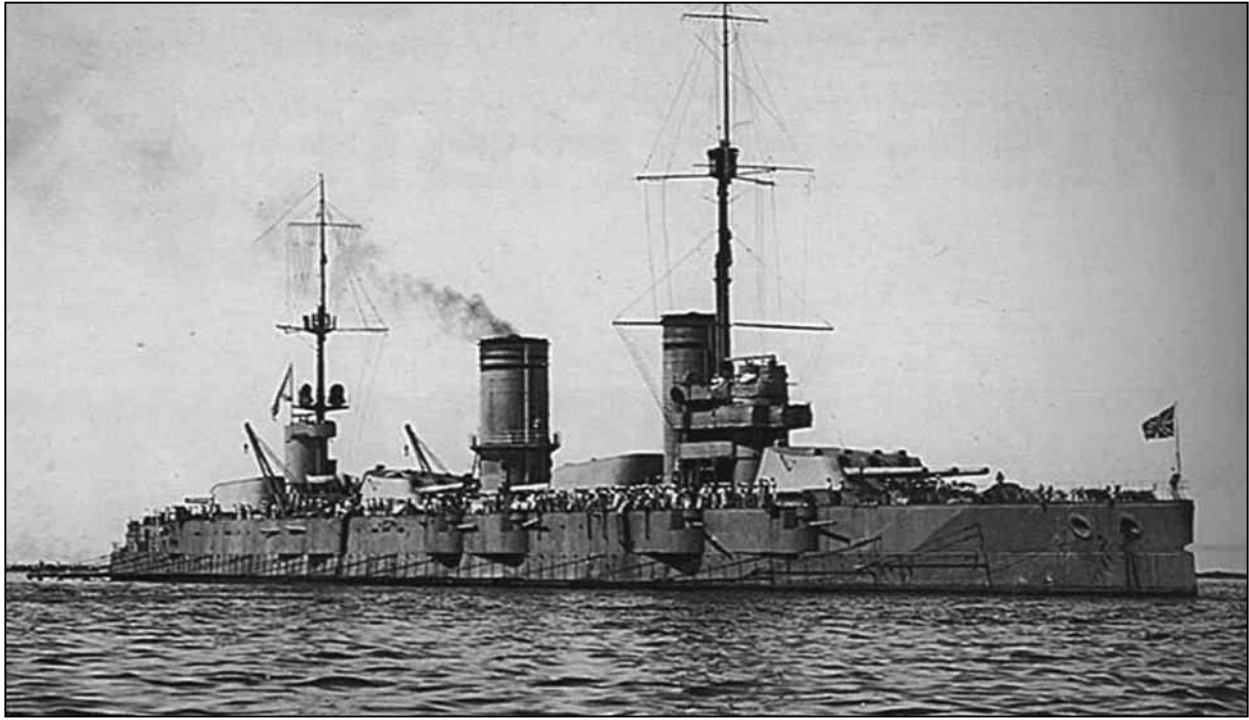
Вот как описывает церемонию спуска «Севастополя» свидетель этого яркого события: «Всюду флаги, гирлянды, праздничная толпа, на Неве военные суда, разукрашенные яхты. Под аккорды молитвы «Спаси, Господи, люди твоя...», гимн, салют, торжествующее «Ура!», в присутствии Николая II, начальствующих и приглашенных лиц, с распушенным штандартом и Андреевскими флагами величественный корабль с головокружительной быстротой влетел в Неву, с ног до головы выкупав тысячную толпу, и остановился как вкопанный».

Для усиления Балтийского флота, Морское министерство разработало программу строительства кораблей на 1911–1915 годы. Был объявлен

*Конструктор судов
Владимир Иванович Юркевич*

конкурс на лучший проект броненосца, в котором приняли участие шесть отечественных и семнадцать зарубежных компаний. Конкурс выиграли Балтийский и Адмиралтейский заводы. Им и было поручено разработать окончательное предложение, соревнуясь между собой. Юркевичу дали задание представить проект корпуса судна, и у него появилась возможность реализовать свои студенческие идеи. В назначенный срок заводы представили свои предложения, а также модели корпусов для их испытания в опытных бассейнах. Лучшие результаты показала модель, сделанная по расчетам и чертежам Юркевича. Подводная часть его корпуса имела

Линкор «Севастополь»

«бульбообразную» форму, что позволяло уменьшить мощность главных двигателей броненосца на 10 000 л.с. не в ущерб остальным характеристикам. Впоследствии эта конструкция корпуса под индексом «F.Y.» (Formes Yourkevich) была официально запатентована во многих странах. Дело дошло до того, что Юркевича пригласил на доклад сам Николай II, при этом Владимир Иванович был удивлен хорошей осведомленностью императора в вопросах судостроения. Он вспоминал: «Такие линейные корабли, как «Севастополь», «Полтава», «Гангут», «Петропавловск», по смелости своих новых конструкций, размерам и скорости составили совершенно новую эру в кораблестроении не только для России, но опережали на голову все иностранные проекты того времени».

В марте 1918 года В.И. Юркевич переехал в город Николаев, в связи с его назначением помощником филиала Балтийского завода. В это время в стране разразилась Гражданская война, и, после настойчивых уговоров жены, в феврале 1920 года они на танкере «Баку» покинули Россию и оказались в Турции.

Здесь Владимиру Ивановичу поначалу пришлось работать грузчиком в порту, а потом, вместе с другими эмигрантами, он организовал авторемонтную мастерскую. Работу по специальности найти так и не удалось, и через два года семья переехала во Францию. Однако здесь дипломы Юркевича не признали, а заслуги и опыт в проектировании кораблей никого не заинтересовали. Нужда вновь заставила его работать сначала токарем, а затем чертежни-

ком на автомобильном заводе «Рено». С женой он расстался, но в 1927 году встретил «друга и любимую женушку», Ольгу Всеволодовну Крестовскую — дочь известного писателя, автора «Петербургских трущоб». В 1932 году у них родился сын Юрий. В конце концов, с работой повезло. Благодаря рекомендации контр-адмирала Сергея Сергеевича Погуляева, влиятельного эмигранта, его приняли в крупную французскую судостроительную компанию «Пиноэтт».

В тридцатые годы прошлого столетия во Франции, Германии и Англии начали строить гигантские морские суда для перевозки пассажиров через Атлантический океан. Между судостроителями этих стран началась острая конкуренция. Руководство «Пиноэтт» приняло решение построить небывалое судно, чтобы оно было «больше, лучше и бы-

строходнее других». Намечалось, что длина судна составит 300 м, тоннаж — 70 000 т., а скорость 28 узлов. Имя предполагаемому гиганту дали «Нормандия».

Юркевич изучил проекты лучших пассажирских судов того времени и убедился, что проектирование судов в мире осталась на прежнем уровне, и что не было достигнуто тех результатов, которые должны были быть, если бы были спроектированы по его методу. Ему удалось заинтересовать руководство компании своими идеями, но на это потребовалось два года непрерывных усилий, чтобы доказать пригодность его метода для такого гиганта, как «Нормандия». Чертежи приходилось переделывать десятки раз и вновь доказывать получаемые выгоды. И никаких тебе КБ или НИИ, все сам, наедине с чертежной доской (кульман), карандашами, логарифмической линейкой

Бульб — выступающая чуть ниже ватерлинии часть носа судна, имеющая выпуклую эллипсоидную форму

и, конечно, лекалами. В конце концов, дирекция «Пиноэтт» согласилась проверить расчеты Юркевича. В течение двух лет фирма проводила испытания 15 различных моделей в опытных бассейнах Франции и Германии, затратив на это более 250 000 франков. Модель Юркевича оказалась самой быстроходной. Заведующий бассейном в Германии доктор Кемпф признал: «Если бы наш «Бремен» имел такую же форму, он дал бы на целый узел больше!»

Результаты испытаний модели Юркевича подтвердили, что «Нормандия» должна развивать невероятную для того времени скорость в 28 узлов, при этом мощность главных двигателей можно было уменьшить на 15 000 л.с. Пришлось решать еще одну техническую проблему. При такой скорости и таких размерах лайнера в гребных винтах могла возникнуть так называемая кавитация, что привело бы к их разрушению. С проблемой успешно справился привлеченный Юркевичем русский инженер А.Н. Харкевич. На лайнере были установлены главные двигатели системы В.П. Аршаулова, а салоны были расписаны А.Е. Яковлевым. Вот таким оказался этот французский корабль.

29 сентября 1932 года на судостроительной верфи Сан-Лазер в присутствии президента Франции А. Лебрена, членов правительства, представителей мировых судостроительных и судоходных компаний, журналистов и кинохроники крупнейший в мире трансатлантический

лайнер «Нормандия» был спущен на воду. При спуске образовавшаяся гигантская волна чуть было не смела на своем пути более 100 рабочих и гостей. Парижские газеты с восторгом писали: «Хлопнула, разбившись о борт, бутылка шампанского. Великан дрогнул, сдвинулся и пошел. Гром «Марсельезы», рев заводских и пароходных гудков, восторженные крики многотысячной толпы: «Вив ла Франс! Вив ла Нормандия!» И какая гармония, какое поразительное сочетание мощности и грандиозности с легкостью и изяществом. Поистине шедевр судостроительной архитектуры!»

Далее предстояли не менее сложные внутрикорпусные работы, которые завершились весной 1935 года. Пресса вновь с восхищением писала, что «Нормандия» не имела себе равных среди когда-либо построенных пассажирских судов. Действительно, это был настоящий плавающий дворец. Богатством и роскошью отделки «Нормандия» превосходила даже знаменитый «Титаник». Здесь были прогулочные палубы, по которым могли бы разъезжать автомобили, несколько ресторанов, казино и ночной клуб, спортивные залы и теннисные корты, бассейны, оранжерея и зимний сад с птицами, торговая зона с огромным универсамом, театр, библиотека. Обеденный салон был покрыт восточным ковром, кабины первого класса отделаны золотом, серебром и мрамором. Находясь посередине Атлантического океана, пассажиры имели возможность свя-

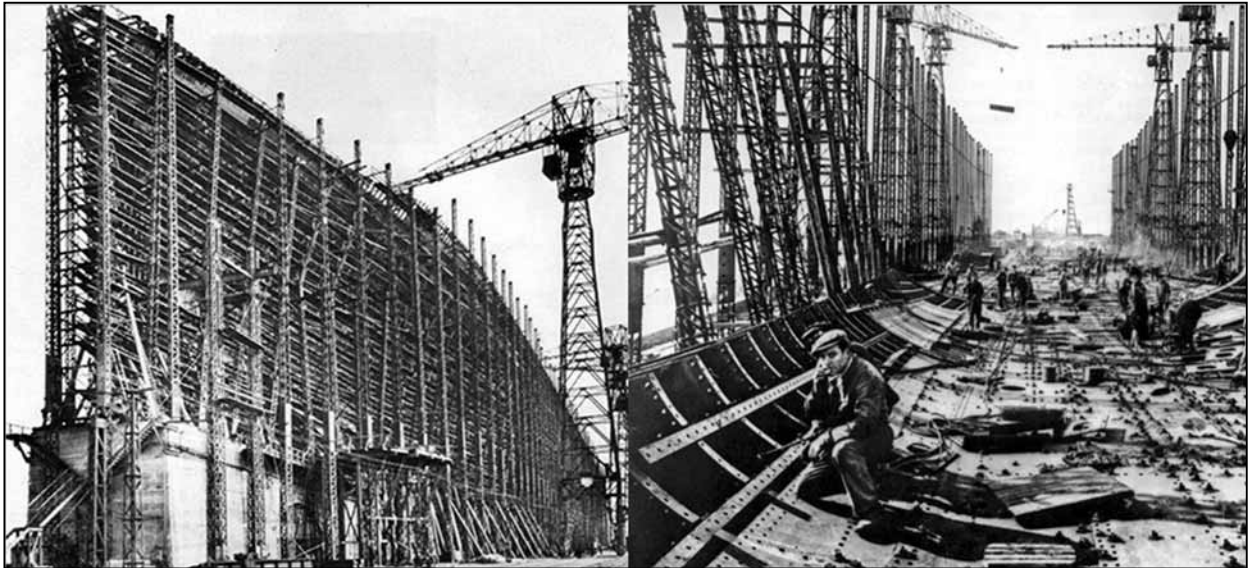
Владимир Юркевич с макетом трансатлантического лайнера «Нормандия»

заться по телефону с Европой и Америкой, что для того времени было огромным достижением.

Ровно через восемь месяцев, 29 мая 1935 года «Нормандия» отправилась в свой первый рейс в Нью-Йорк. Более пятидесяти тысяч зрителей собрались во французском порту Гавр, чтобы быть свидетелями этого исторического события. Собственно говоря, кроме как в Нью-Йорк это гигантское судно и не могло отправиться, так как в мире не существовало другого порта, способного его принять.

Развивая скорость 32 узла (а не 28, как дали расчеты), лайнер пересек Атлантический океан за 4 дня,

3 часа и 5 минут, преодолев расстояние в 3192 морских мили. В порту Нью-Йорка американцы устроили «Нормандии» волнующую встречу. На подходе к порту судно встретила эскадрилья самолетов, с раннего утра его ожидали расцвеченные флагами многочисленные суда и яхты, которые при заходе «Нормандии» в порт приветствовали ее гудками и сиренами. Государственный секретарь США г-н Холл по радио поздравил находившуюся на борту супругу президента Франции с прибытием в Америку. Юркевич с женой также отправились в Нью-Йорк в этом первом рейсе, но за свой счет, получив

от компании «великодушную» скидку в 50% за билеты.

«Нормандия» побила мировой рекорд по скорости и завоевала приз «Голубая лента Атлантики» — самого быстроходного трансатлантического судна в мире. Этот трофей представлял собой статуэтку девушки, у ног которой лежал повязанный по рукам и ногам голубой лентой бог морей Нептун. В течение 25 лет «девушкой» обладала английская «Мавритания», и только в 1934 году она перешла к итальянскому лайнеру «Рекс» и германскому «Бремену». Но — ненадолго. В конечном итоге, победила «Нормандия», конструктором которой был русский инженер-кораблестроитель Владимир Иванович Юркевич. Этому успеха он добился, когда ему было уже 50 лет.

Однако, при всем этом, государственные награды французского правительства получило только руководство компании «Пиноэтт». Местная пресса обошла молчанием успех русского инженера. Лишь од-

на, но весьма популярная и влиятельная парижская газета «Матен», посвятила Юркевичу подробную статью с его портретом под названием «Отец «Нормандии»». Газета отмечала заслуги Юркевича «как исключительного инженера-изобретателя, без попыток затереть его и скрыть его русское происхождение». Вся русская эмиграция также с гордостью отмечала победу российской инженерной мысли. Парижская русскоязычная газета «Россия» писала: «Если французы имеют право гордиться победой «Нормандии», так как «Нормандия» — французский корабль, то мы, русские, можем вдвойне гордиться этой победой, так как французам дал эту победу наш русский инженер, который, прежде всего, должен был победить самих французов, чтобы дать им победу над англичанами».

В Советском Союзе имя «отца «Нормандии» тоже не упоминалось вплоть до 90-х годов. Не решились на это и прославленные советские писатели И. Ильф и Е. Петров, описывая

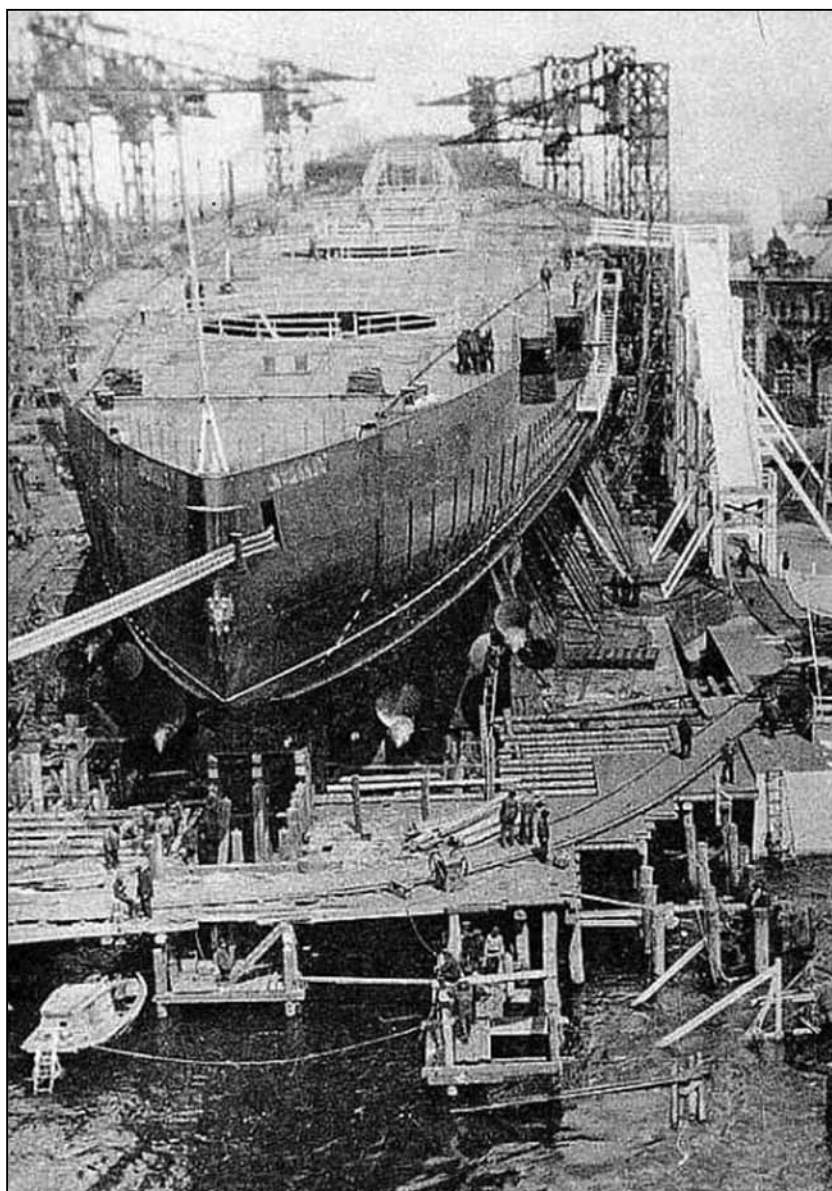
в своей книге «Одноэтажная Америка» путешествие на «Нормандии». В разные годы на борту этого лайнера Атлантику пересекали также Ф.И. Шаляпин, В.П. Чкалов, А.И. Микоян...

Постепенно дела у Юркевича пошли в гору. Вернувшись из Нью-Йорка, он создал во Франции собственное КБ по проектированию судовых корпусов и винтов («БЭКНИ»), которое стало получать многочисленные заказы на новые суда, а так-

же на переделку старых с приданием корпусу «FormesYourkevitch».

В июле 1936 года Владимир Иванович вновь отправился в Америку. Его уже хорошо знали в деловых кругах, тепло приветствовали в Обществе американских судовых инженеров и инженеров военного флота. Американцы быстро оценили выгоды постройки судов по проектам Юркевича, и он получил заказ на проектирование четырех кораблей. Профессор Пио-Ульский, который

Строительство «Нормандии»

был преподавателем у студента Юркевича, замечал: «Америка старается переманить к себе инженера Юркевича, обещая ему более выгодные условия для дальнейшей его работы. Не исключается возможность, что В.И. Юркевич действительно переселится в Америку. Таким образом, Франция потеряет предмет своей гордости, как она потеряла известного инженера Игоря Сикорского». Так оно и случилось. И хотя французские власти забеспокоились и, наконец, в 1937 году предоставили его семье гражданство, но было уже поздно. Владимир Иванович окончательно принял решение переехать в США.

Завершив дела во Франции, в марте 1937 года он вернулся в Штаты и открыл в Нью-Йорке свою фирму «Yourkevitch Ships Designs, Inc». Там его разыскал однокашник по институту А.Н. Власов, один из самых успешных русских бизнесменов-эмигрантов, владелец судоходной компании «Ситмар». Власов оказал Юркевичу финансовую помощь и обратился к соотечественникам с призывом: «Мы, русские американцы гордимся успехами нашего талантливого соотечественника, и мы считаем священной обязанностью поддержать это новое предприятие в Америке. Мы смотрим на дело Владимира Ивановича Юркеви-

*Трансатланти-
ческий лайнер
«Нормандия»*

*Владимир Юркевич,
его жена Ольга
Юркевич*

ча как на Русское Национальное Дело».

Юркевич успешно сотрудничал с Власовым. Под его техническим руководством более 40 судов компании «Ситмар» были реконструированы, что принесло фирме значительные дополнительные прибыли, и Власов смог открыть в Нью-Йорке фирму «Навкот», сделав Юркевича ее председателем.

Одновременно Владимир Иванович читал лекции по проектированию судов в Мичиганском университете и Массачусетском технологическом институте, а в 1940 году был принят на работу в Управление морского флота США в качестве консультанта!

Когда в Европе началась Вторая мировая война, и германские подводные лодки без разбора топили корабли и суда в Атлантике, Юрке-

вич, на французском пароходе «Де Грасс», который следовал в Америку под конвоем эсминцев, вывез свою семью из Франции в США. Однако американское гражданство они получили только в 1944 году.

28 августа 1939 года «Нормандия», успешно совершив 139 рейсов, обслужив в общей сложности 133 170 пассажиров, прибыла в Нью-Йорк. За сутки до начала Второй мировой войны, 31 августа, лайнер должен был отправиться в обратный путь, но, по указанию президента США Рузвельта, судно, из-за опасений попасть в руки фашистской Германии, было задержано в порту. А 12 декабря 1941 года «Нормандия» была конфискована властями США, над ней был поднят американский флаг. Судно получило название

«Лафайет», и его срочно стали переоборудовать для военных целей. Резались переборки, устанавливались пушки, сооружались отсеки для снарядов и провианта, помещения для 10 000 матросов. 15 февраля 1942 года корабль должен был выйти из порта, однако 9 февраля прямо у пирса на нем произошел сильный пожар. С большим трудом его удалось потушить, но пожарные обрушили на судно, и с моря и с суши, такое количество воды, что оно дало сильный крен, завалилось на левый борт и до половины корпуса погрузилось в воду. Трагедия происходила на глазах у Владимира Ивановича. Юркевич обратился к французам, проживающим в Америке, с призывом пожертвовать деньги на восстановление лайнера. «После ремонта, — убеждал он, — великий корабль мог бы оказать огромные услуги, например, как лучший авианосец в новом и гордом флоте Франции». По оценкам экспертов, на ремонт требовалось \$100 0000. Однако деньги собрать не удалось. В 1946 году правительство США продало «Нормандию» частной компании по цене металлолома, и 150 газорезчиков в течение восьми месяцев превратили великое творение русского инженера и французских кораблестроителей в груды железа. Ольга Всеволодовна с горечью вспоминала: «Все, что муж сохранил себе на память — это был кусок бортового железа, который он долго хранил на своем письменном столе как пресс-папье. С «Норманди-

ей» снова погибло, как раньше с спроектированными им российскими дредноутами, все то, что он с такой надеждой и любовью создавал...»

Во время своего второго визита в США Юркевич рассказал американским коллегам о своем новом проекте: «Мы построим в Америке пароход в 100 000 т. Он будет идти из Нью-Йорка четыре дня, и будет брать на борт 5000 пассажиров». Спустя два года он привез в США модель этого лайнера и продемонстрировал ее чиновникам Морской комиссии. «Это судно, — пояснял он, — будет эквивалентно двум «Нормандиям». 2500 кают позволят пассажирам совершить вояж в Европу и обратно всего за \$100, что станет возможным благодаря отказу от роскоши. Если на нынешних лайнерах на каждого пассажира приходится едва ли не один человек из команды, то на будущем судне следует широко применять самообслуживание». Но в Европе уже шла война, и скорое вступление в нее Америки ни для кого не было секретом. Строительство лайнера пришлось отложить на будущее. А пока по чертежам Юркевича стали строить портовые буксиры и паромы, землечерпалки для инженерных войск США, осуществлять технический надзор за постройкой больших мореходных буксиров. Также были заказы правительственной закупочной комиссии СССР.

После войны, в пятидесятых годах, Юркевич, по заданию владель-

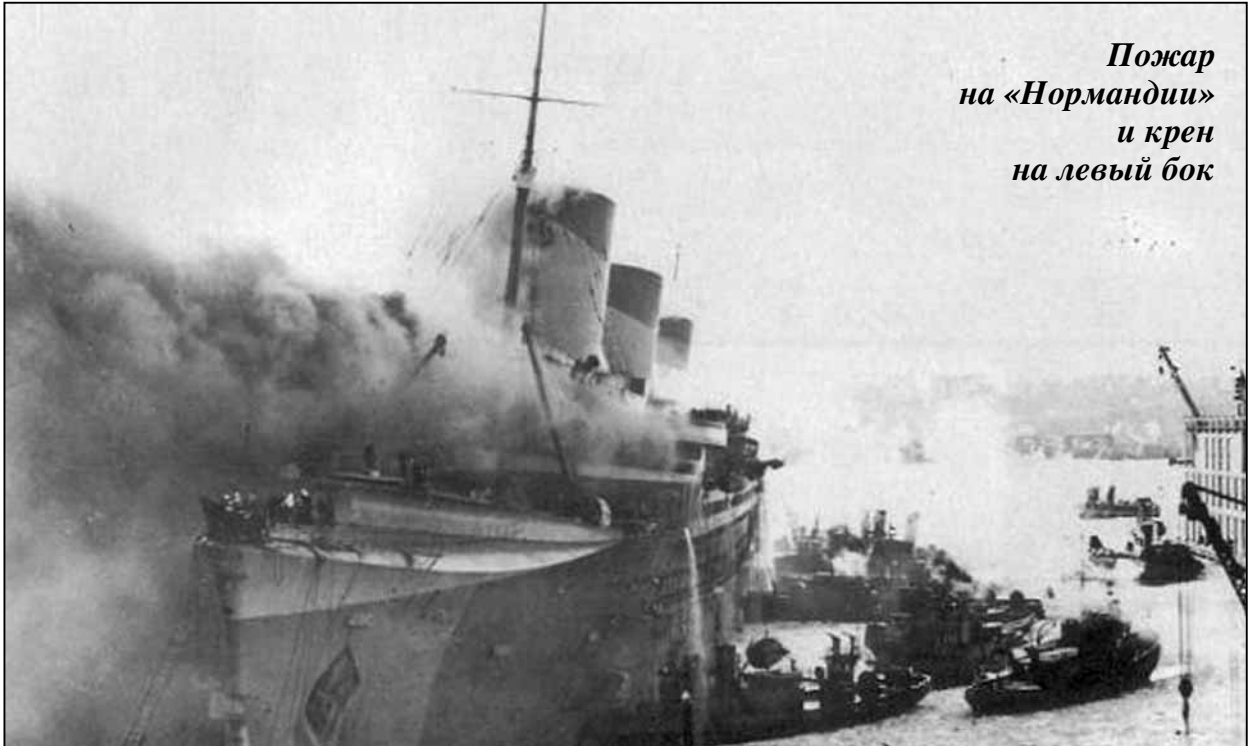
*«Нормандия»
прибывает
в Нью-Йорк*

ца нью-йоркских и бостонских отелей Х. Кантора, разработал проект двух суперлайнеров для массовых перевозок из Америки в Европу и обратно 6000 пассажиров. Расчетная стоимость билета в 2-местных каютах (с питанием за свой счет) составляла \$50 с человека. Партнеры задались целью «дать миллионам лиц, получающих небольшое жалование и живущих по обе стороны океана, возможность использовать двухнедельный отпуск, чтобы увидеть другие страны, других людей».

Чертежи для постройки лайнеров, которым дали названия «Peace» («Мир») и «Goodwill» («Доброжелательство»), были представлены французской судостроительной ком-

пании ChantiersdeZ'ateantique. Однако французские судоверфи оказались не в состоянии выполнить заказ на такие гигантские суда. Вопрос о постройке обсуждался даже в Конгрессе США. В конце концов, заказ был размещен в Западной Германии. В декабре 1959 года «New-York Mirror» дала рекламу: «Путешествие в Европу за 50 долларов!» Несколько лет американская печать шумела о сенсационном проекте, но его так и не удалось осуществить. Возникли непреодолимые финансовые затруднения (Кантор даже пытался реализовать проект в Советском Союзе), а также противодействие со стороны пароходных компаний, конкуренция появившихся к этому време-

*Пожар
на «Нормандии»
и крен
на левый бок*

ни аэробусов. Владимир Иванович разработал еще один проект грандиозного лайнера, который имел взлетно-посадочную полосу, что обеспечивало бы большую мобильность для деловых людей. Однако и этот проект Юркевичу не удалось осуществить — по тем же причинам.

Многие годы Владимир Иванович был председателем Объединения Санкт-Петербургских политехников в США, однако в 1943 покинул эту организацию, объяснив свой поступок следующим образом: «Я, как и очень многие другие русские люди, полагаю, что в настоящее время, когда наша Родина подвергается смертельной опасности, когда она ведет героическую борьбу за свою независимость, за свое существование — долг каждого русского стараться помочь своим братьям, чем

только возможно. Я все ждал, что вопрос об этом поднимется в Обществе, но так и не дождался. Следовательно, мои взгляды не разделяются большинством, и мне остается уйти из общества, что я и сделал». Он с гордостью говорил соотечественникам: «Объединенные в одну семью, десятки тысяч народностей в Советском Союзе в минуту смертельной опасности встали как один на защиту своей Родины от нападения. Благодаря мудрой власти Россия, почти единственная из стран, была подготовлена к отпору врагу, вторгшемуся в ее пределы в упоении легко давшейся победы над другими неподготовленными и почти безоружными нациями».

До конца жизни Владимир Иванович оставался скромным, трудолюбивым человеком. Он был большим знатоком живописи, литературы и музы-

ки и никогда не забывал свою Родину, ее историю, культуру, традиции, интересовался тем, что происходило в Советском Союзе, радовался советским достижениям в космосе, любил, когда его навещали гости из «его России», часто посещал посольство СССР в Америке. Он мечтал вернуться в Россию и наивно полагал, что «будет делать чертежи гигантского ледокола для России...» Но этим мечтам не суждено было сбыться. После тяжелой болезни Владимир Иванович Юркевич скончался 13 декабря 1964 года, не дожив полгода до своего 80-летия. Его похоронили на православном кладбище русского мона-

стыря Ново-Дивеево в штате Нью-Йорк. Газета «Новое русское слово» написала: «Дело Юркевича с ним не умерло: его идеи и формулы крепко вошли в современное кораблестроение, и вряд ли из него выпадут — до появления нового гения. Но гении рождаются не часто!»

После его смерти Колумбийский университет обратился к вдове покойного с просьбой передать ему архив выдающегося кораблестроителя. Но, в соответствии с желанием самого Юркевича, Ольга Всеволодовна передала все документы в Центральный государственный архив народного хозяйства СССР. □

Французские духи

Дверь в палату тихонько отворилась, и вошла она. На цыпочках, крадущейся походкой приблизилась к моей кровати, бесшумно пододвинула стул и присела на краешек, как воробей на ветку. Наклонилась ко мне, вытянув худую шею.

Вот мы и поменялись ролями. До операции я часто забежала проведать ее, просто посидеть рядом. Она была из другого города, и навещали ее редко. Поэтому я приносила с собой завернутые в бумажные салфетки апельсины, яблоки, конфеты — то, что доставляли мне в большом количестве друзья и родственники.

Она лежала неподвижно на спине, уставившись взглядом в потолок или отвернувшись к стене. Ее наголо бритая голова, перевязанная широким бинтом, была такая легкая, что подушка почти не приминалась.

Я ничего не знала о ней, пока наша нянечка, тетя Дуся, поймав меня однажды в коридоре за рукав, не прошептала заговорщицки:

— Ты бы, милая, зашла как-нибудь в соседнюю палату к этой артистке, поговорила бы с ней. Она ведь ни с кем ни слова! А ты в таком же возрасте, грамотная, образованная, — уговаривала она меня. — Ей с тобой интересно будет. Отвлечешь ее маленько. А то ведь жалко девчонку! Молоденькая совсем, а такое пережила! — и она зашептала мне в ухо едва

слышно, да еще, для полной секретности, прикрыла ладонью рот. Потом отстранилась, посмотрела на меня строго и, многозначительно поджав губы, спросила: — Поняла?

После этого разговора при каждой возможности я заходила в палату к молодой актрисе. Усаживалась на белую табуретку возле кровати и рассказывала последние новости: какие больные поступили, кого прооперировали, а кто уже и тумбочку вычищает — к выписке готовится. Или что-нибудь из той, «нормальной» жизни, что протекала без нас вне толстых госпитальных стен.

Поневоле я была в курсе многого, что происходило в отделении. Тех, у кого была травма руки или плеча, называли «ходячими». Нас было немного, и мы принимали на себя обязанности добровольных помощников нянечек и медсестер по уходу за месяцами прикованными к постели пациентами — приносили еду из холодильника, наливали воду в стакан, звали при необходимости медсестру или врача и даже, случалось, подавали и выносили судна.

У нянечки — одной на большое отделение — просто не хватало времени на всех «лежачих», замурованных в тяжелый гипс. Больные были нам очень признательны и называли «счастливыми» тех, к кому в палату попадали «ходячие».

Я рассказывала актрисе о том, что происходило в нашем замкнутом больничном мирке. Она лежала молча, зажав в ладони черную коробочку с духами, и я даже не знала, слушает она меня или нет.

Порой лицо ее вдруг сжималось в маленькую, почти старушечью гримасу, рыдания душили ее, и слезы стекали из уголков глаз на подушку, расплываясь темными мокрыми пятнами.

Тогда я вскакивала и бежала к доктору или медсестре. Поднималась суматоха. Ей делали какие-то уколы, а я уходила к себе в палату, и сердце мое сжималось от жалости.

Спустя какое-то время она начала выходить в коридор и подолгу сидела в кресле напротив моей палаты, но не заходила. Стеснялась, наверное.

И вот мне сделали операцию. Вчера, в день операции, муж пробыл со мной целый день, а сегодня ко мне никто не пришел. Рука болела. Ужасно хотелось пожаловаться кому-нибудь. Я чувствовала себя одинокой. И уже совсем было собралась поплакать над своей несчастной участью, но тут она вошла в палату, и я, проглотив слезы, стала рассматривать мою нежданную посетительницу.

Смоляные волосы ее отросли и неровными прядями свисали на лоб. Марлевую повязку на голове заменила толстая бинтовая нашлепка. Черные глаза, неподвижно уставившиеся на меня, были непроницаемы.

Я заметила, что она по-прежнему держит в руке ту самую коробочку с духами. Она уже изрядно потерлась, углы разлохматились, а позолоченный рисунок облез.

Я подумала о том, что с ней случилось, и решила, что моя собственная беда, по сравнению с ее, выглядит почти пустяком и уж, конечно, не стоит никаких горьких слез.

— А как эти духи называются? — кивнула я на коробочку.

— «Черная ночь», — ответила она.

— А можно посмотреть на флакон?

Она засуетилась, торопливо открыла коробочку и достала изящный флакон с золотой блестящей пробкой. Открыла его и поднесла к моему носу.

Я вдохнула глубоко и внезапно ощутила сильный, пряный аромат летней ночи.

— Какой удивительный, запоминающийся запах!

— Да! Его забыть невозможно! — эхом повторила она.

...Репетиция спектакля закончилась поздно. Город уже спал под непроглядным покровом южной ночи. Неяркий свет уличных фонарей и еще горящие кое-где окна домов казались бледным отражением расшитого серебром небосклона.

— Пойдем напрямик, через железнодорожные пути, — сказал Юра, помогая Маше накинуть на плечи кофточку.

Он взял свободно болтающиеся по бокам длинные рукава и закрутил их вокруг нее. Получился тоненький кокон. Юра привлек кокон к себе и проговорил тихо, почти касаясь губами ее уха:

— Пора спать! Бай-бай! — Синие глаза его смеялись, а дыхание было теплое и легкое.

Он размотал кокон, и они направились к железной дороге по узкой улочке, застроенной небольшими кирпичными особняками. Кудрявые силуэты деревьев вырисовывались на фоне звездного неба. Возле тускло мигающего фонаря Юра вдруг остановился.

— Стой! Ни с места! — приказал он, строго нахмутив брови.

Маша замерла по стойке «смирно», вытянув руки по швам, и звонким мальчишеским голосом спросила:

— В чем дело, товарищ генерал?

— Вопросы задаю я! Ясно?

— Так точно, товарищ генерал!

Юра опустил руку в карман, порывшись в нем для вида какое-то время, достал маленькую коробочку и поднял высоко над головой.

— Что это? — потянула его руку за локоть вниз Маша.

— Это вам моя личная награда, рядовой Егорова!

— Награда? За что?

— За отличное выполнение возложенных на вас неделю назад обязанностей жены!

— Служу Отечеству! — отрапортовала Маша и, вырвав из рук Юры коробочку, стала рассматривать ее при мерцающем свете фонаря.

— Ой, что-то иностранное! — воскликнула она, вертя в руках черную, атласно поблескивающую коробочку, украшенную золотым витиеватым узором.

— Французские духи! — сказал Юра, гордо улыбаясь. — Называются «Черная ночь».

— Ой, спасибо, Юрка! — Маша звонко чмокнула его в щеку. — Где достал?

— Военная тайна! — прошептал Юра, опасливо озираясь по сторонам.

— Спрячь пока эти таинственные духи в карман. Дома распакую.

Маша обняла его за талию, он ее за плечи, и они зашагали вдоль по улице, покачиваясь, как пьяные матросы, и временами останавливаясь, чтобы посмеяться и поцеловать друг друга.

— А ты знаешь, Машка, какую я военную хитрость применил, чтобы поцеловать тебя в первый раз? — спросил Юра, загадочно улыбнувшись.

— Нет! А ну, докладывай!

— Помнишь, это было тоже после репетиции. Мы зашли к тебе в примерную, и я попросил у тебя копию распечатки моей роли. Дескать, свою я куда-то задевал и не могу найти. Так вот, пока ты рылась в бумагах на столе, я подкрался к тебе сзади близко-близко и стоял тихо-тихо, затаив дыхание!

— Я прекрасно помню! Как ты меня тогда напугал!

— Слушай дальше! Когда ты повернулась, я, не давая тебе опомниться, быстренько обнял тебя и поцеловал! Вот и все! Ловко придумано, правда?

— Почему ты так сделал?

— Потому что я больше всего на свете боялся твоих черных глаз! Если бы я их видел, никогда бы не решился подойти к тебе! Ты меня обязательно остановила бы взглядом, или жестом, или, не дай бог, каким-нибудь нехорошим словом!

— Несчастный хитрец! — возмутилась Маша, стуча кулачками в Юрину грудь и безуспешно пытаясь схватить его за ухо. — Я помню, помню, как я трепетала, как птичка в клетке в твоих руках!

— Да, но было уже поздно! Глаз твоих я не видел, руки в растерянности повисли, а рот, как полагается, я закрыл поцелуем!

— Как же, как же! Я даже помню, какие слова ты шептал мне тогда!

— Не может этого быть!

— Очень даже может! «Ты мне так нравишься, Машка! Я голову теряю! С ума по тебе схожу!»

— Разве я такое говорил?

Маша молча кивнула головой.

— О, Боже! И, правда, где моя голова? — Юра стал растерянно ощупывать свои плечи и даже искать под ногами и в близлежащих кустах.

— Ах, так! Нам, казакам, тоже есть что ответить турецкому султану! — проговорила Маша, гордо выпятив грудь.

— Да-а?! Вот это интересно!

— Однажды, наш режиссер, Семен Ипполитович, объявил, что моим партнером по пьесе «Валентин и Валентина» будет актер из другого театра. И что актер этот молодой, очень талантливый и, «кажется, — как он выразился, — чертовски обаятельный». Да еще при этом подмигнул мне. — Маша выразительно продемонстрировала, как подмигивал ей режиссер. — Я, конечно, с нетерпением ждала случая познакомиться с новой восходящей звездой на театральном небосклоне. Но тут произошла осечка. Как говорят опытные люди, первое впечатление — самое важное. Так вот, когда ты первый раз неожиданно появился за кулисами после окончания спектакля, я в это время выходила из гримерной. На лице толстый слой вазелина, волосы затянуты косынкой, немислимый халат. Мы столкнулись с тобой у двери. «О, Боже!» — в отчаянии подумала я, отметив про себя глаза, как море, и волосы цвета жареных каштанов. Ты посмотрел на меня, как на пустое место, небрежно поздоровался и, не задерживаясь, прошел мимо.

Юра слушал, улыбаясь и обеими руками ероша густую шевелюру.

— Ах, так! — продолжала Маша. — Выходит, гадкий утенок никому не нужен! Попробуем побыстрее превратиться в лебедя. Может быть, еще не все потеряно! Итак, на первой же репетиции я была во всеоружии — белое узкое платье — прекрасный контраст со смоляными волосами. Подведенные глаза, ярко-красная губная помада завершали портрет роковой женщины. Результат не заставил себя ждать! «Восходящая звезда» бросил всего лишь один удивленный взгляд и больше уже не сводил с меня горящих глаз. А я скользила глазами по его лицу мимолетно, не задерживаясь, чем еще больше распаляла самоуверенного молодого человека.

— Ах ты, негодная! Ты мне расставляла сети! Признавайся! — Он схватил Машу за плечи и слегка встряхнул ее.

— Виноватая я, виноватая! — взмолилась она плачущим голосом.

— А я-то, балда, думал, что это моя заслуга! Что это я тебя завоевал!

— Пятьдесят на пятьдесят! — крикнула Маша, вырвалась из Юриных рук, побежала по улице и спряталась за толстым стволом раскидистого дерева.

Когда он приблизился, она выскочила из-за дерева, подпрыгнула, обвила руками его шею, обхватила туловище ногами и повисла на нем, прижавшись всем телом.

— Цыганский лягушонок! — нежно проговорил Юра, крепко поцеловал ее в губы и широким шагом устремился к железной дороге.

У самой тропинки, спускавшейся к железнодорожному полотну и едва различимой в темноте, он опустил Машу на землю.

Они сделали всего несколько шагов, как вдруг, неизвестно откуда, налетел сильный, шквалистый ветер. Он завывал и гудел в проводах, пригибал к земле деревья и кусты, хлопал незапертыми калитками, срывал листья со старых дубов, росших вдоль железной дороги.

Резкие порывы ветра все усиливались, не давая передышки ни ветвям, ни цветам, ни траве, словно хотели пробуравить дырку в черном мраке ночи, чтобы скорее наступил рассвет, и солнце осветило спящую землю и разбудило ее от тяжелого сна.

— Какой сильный ветер! — сказал Юра. — Надень кофту в рукава, а то улетит, и не найдем!

Они спускались все ниже и ниже. Тропинка вилась среди бурьяна и колючего репейника. Круглые, прилипчивые соцветия цеплялись к одежде, держали крепко, не отпускали от себя.

Рев ветра временами напоминал унылое завывание одинокого волка и перемежался резкими, высокими звуками. Потом снова дул монотонно и тоскливо.

Наконец они взобрались на железнодорожное полотно. Им нужно было пересечь две колеи. перейдя по шпалам первые пути, Маша остановилась и, крепко прижавшись к мужу, произнесла:

— Мне страшно!

— Не бойся! Это просто ветер!

Внезапно вой ветра смешался с оглушительным грохотом и металлическим скрежетом, нарастающим со всех сторон.

Маша отстранилась от Юры и, взглянув за его спину, ужаснулась. К ним на огромной скорости приближался поезд. Он был уже совсем рядом. В страхе оглянувшись назад, она увидела у себя за спиной стремительно несущийся по путям другой состав. Зловещими тенями мелькали черные вагоны.

И в это время Маша почувствовала, как бешеная сила вырывает ее из рук мужа, и она не в состоянии его удержать.

— Юра! — крикнула она.

Но ее закружило в беспощадном вихре и бросило на землю. Маша ударилась головой, и все исчезло...

— Борис Моисеевич, у нас проблемы с Марией Егоровой, — докладывал заведующему отделением ведущий врач на утренней пятиминутке. — Той, что поступила неделю назад, из города N.

— Да, да, я помню!

— Она не ест и отказывается принимать лекарства. Лежит целыми днями, отвернувшись к стене, ни с кем не разговаривает, на мои вопросы не отвечает. Не выпускает из рук коробочку с духами. Знаете, ведь когда ее муж погиб, единственное, что уцелело — эта коробочка.

— Да, я слышал об этом. А мы получили результаты анализа?

— Только что получили. Результат положительный.

— Хорошо. Я на обходе с ней поговорю. Что у нас дальше?..

Когда заведующий отделением Борис Моисеевич зашел в палату, Маша неподвижно лежала на спине, закрыв глаза. Он пододвинул стул к ее кровати и грузно опустился на него.

— Здравствуй, Маша! Ну, как ты себя чувствуешь? Как жизнь?

Маша приоткрыла веки и посмотрела на Бориса Моисеевича. Его большие, светлые, навывкате глаза ласково светились за стеклами очков. Крупная курчавая голова склонилась близко к ее лицу.

— Я никакой жизни не хочу! Зачем она мне? Юра погиб, а этот пузырек целым остался! — Она сжала черную коробочку так сильно, что пальцы на руке побелели. — Почему?!

— Тебе сколько лет, Машенька? — спросил Борис Моисеевич.

— Двадцать три, — ответила она. — И я хочу, чтобы мне навсегда осталось двадцать три, как Юре!

— У тебя многое еще впереди! Ты еще играть будешь! Станешь современной Ермоловой или Коонен!

— С такой дыркой в голове? Да и играть я не хочу. Жизнь уже сыграла со мной злую шутку, — показала она Борису Моисеевичу коробочку. — С меня хватит!

— Лекарства не принимаешь. Не ешь. Куда это годится!

— А зачем мне есть, если я жить не хочу! — выдавила из себя Маша, и слезы покатались по ее бледным щекам.

— А я тебе сейчас скажу, зачем! Не только коробочка с духами от Юры осталась, а нечто гораздо более важное. У тебя ребеночек будет! Вот так, деточка моя!

И своей огромной ручищей Борис Моисеевич погладил ее по голове. Волосы у Маши только начали отрастать и торчали во все стороны коротким черным ежиком.

Спустя месяц после операции меня выписали. А Машу перевели в другую больницу. Как в дальнейшем сложилась ее судьба, мне неизвестно... □

Александр Давыдов

ФЕВРАЛЬ

Февраль. Безвременье. Окно
вечерних сумерек. Глухое
обветренное полотно
прямоугольного покроя

высвечивает пустоту,
где раньше вместе жили двое,
в одно соединяясь, ту,
что между прошлым и весной

застыла. Пыльный интерьер
теперь для мебели. Двух мнений
не может быть. Из-за портьер
две наклонившиеся тени,

как будто у себя в гостях,
разглядывают свой аналог
из не политых второпях
двух увядающих фиалок

на подоконнике. Стекла
прозрачность след изобличала
последней капли, что стекла
куда-то вниз. Теперь сначала

бежит течение временное.
Так скручивается спираль
часов. Темнеется пустое
окно. Безвременье. Февраль.

ПОД РИМСКИМ СОЛНЦЕМ

Триумф героя, вопль вандала,
закат кумира —
когда-то все уже бывало
в столице мира.

Тряслась арена в жадном гуле,
в зверином реве,
и наземь павшие тонули
в потоках крови.

Другие нежились в купальнях,
ходили в бани
отмыться после эпохальных
завоеваний.

Здесь, по камням истертым этим,
прошли когорты
каких-то два тысячелетия
назад всего-то.

Маршировали строем в латах
легионеры.
Бывало все уже когда-то
до нашей эры...

Теперь турист бросает редко
медяк в фонтанчик,
а ранним утром за монеткой
ползет мальчик.

Студенты и пенсионеры
стоят, глаза.

Слоняются карабинеры
у Колизея.

И гид себя с похмелья мучит
голубоглазый.
Он, сам себе уже наскучив,
построил фразу

о том, что как-то видел Папу.
Ругал погоду.
Он пил вчера, похоже, граппу.
А может, водку.

Налево — это, значит, пьядца,
а справа — виа.
Ему, наверно, ночью снятся
тарань и пиво.

Пленяет ароматом хвоя
тенистых пиний.
И словно разомлев от зноя,
под небом синим

вечнозеленая стихия
благоухает.
Но северная ностальгия
не отпускает...

А солнце жарит шевелюру
и жжет, как розга,
определив температуру
плавления мозга.

Скульптуры древних обнажили
свои фигуры.

В те времена они так жили.

Пример культуры.

Фонтаны бьют, глаза терзая.

Льют, не жалея.

Но влага в глотке исчезает,
и Тибр мелеет.

Рисуются цвета заката
на небосклоне.

Забылась нынешняя дата
на этом фоне.

Для живописца актуален
этуд с натуры.

Над силуэтами развалин
архитектуры

летали ласточки, звучала,
вздыхая, лира...

Когда-то все уже бывало
в столице мира.

Как ей нравится одиночество...

Когда красится, когда хочется.

Когда в зеркале отражение,

Как, наверное, в день рождения.

Наряжается для себя самой.

Погружается в мир совсем иной,

Где потеряны расставания,

Где не мерены расстояния...

Натанцуется до кружения,

Нацелуется с отражением

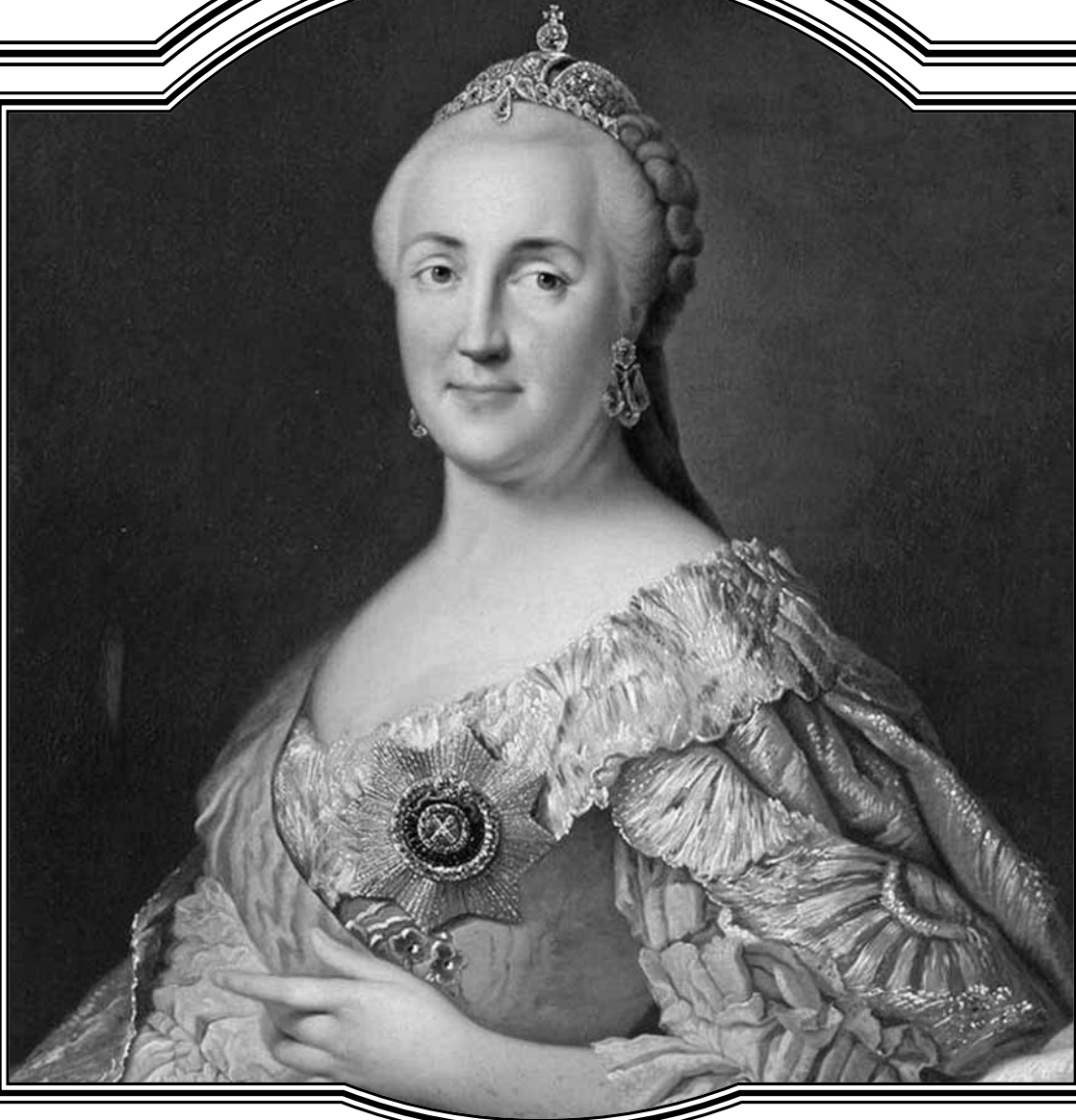
И, закрыв глаза, навзничь бросится.

На щеку слеза робко просится...

Алла Зубкова

**«Вторая весна»
ИМПЕРАТРИЦЫ**

«Сердце мое не хочет быть ни на час без любви». Эти слова Екатерины II можно смело поставить эпиграфом ко всей ее жизни. О любовных приключениях великой императрицы слагали легенды. У нее было немало фаворитов, как до ее правления и у Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Но при императрицах Анне и Елизавете «фаворитизм» был не больше, чем прихоть, а при Екатерине он стал почти государственным институтом. В кандидатах недостатка не было. В гвардии, этой традиционной поставщице временщиков, всегда два-три красавца-офицера упорно смотрели в сторону императорского дворца с более или менее скрытым желанием и надеждой. Время от времени один из них появлялся при дворе, представляемый каким-нибудь крупным сановником, который пытался провести к императрице своего человека и обеспечить ему положение, служившее источником богатства и почестей.

Но, прежде чем перейти к истории, пожалуй, самой романтической любви императрицы, следует хотя бы вкратце напомнить не очень веселую историю ее замужества и некоторые дальнейшие события.

Итак, совсем молоденькой четырнадцатилетней девочкой приехала в Россию немецкая принцесса Софья Фредерика Августа, дабы стать супругой тоже совсем юного (17 лет!) наследника российского престола, будущего Петра III. На редкость привлекательная, живая и жизнера-

достная девушка пришлась по сердцу стареющей императрице Елизавете, но почему-то совсем не понравилась своему суженому. Впрочем, нельзя сказать, что Петр совсем игнорировал свою жену. Ему нравилось, например, обучать ее, правда, не любовной науке, а военной. Петр учил молодую супругу ружейным приемам, ставил «на караул». А если речь и заходила о любви, то это были его рассказы об амурах с ее же фрейлинами. Они прожили вместе девять лет, но детей у них не было.

Обеспокоенная отсутствием наследника императрица Елизавета решила прибегнуть к мерам достаточно обычным в династической истории: супругам, которых не поразила стрела Амура, были выбраны подходящие любовники. К Екатерине приблизили молодого красивого камергера Петра — Сергея Салтыкова. Именно он (как предполагают

императрицы. В общей сложности их было более двадцати. Причем в этот список входят лишь так сказать, «официальные» фавориты, которые пользовались расположением Екатерины в течение года. Дольше всех длился фавор Григория Орлова — около четырнадцати лет. Однако, кроме «официальных», у императрицы было немало и случайных крат-

Истории известна длинная череда фаворитов, пользовавшихся расположением Екатерины. В общей сложности их было более двадцати, причем, это, так сказать, «официальные» фавориты, так как помимо них у нее было и немало случайных кратковременных связей. Дольше всего длился фавор Григория Орлова — около четырнадцати лет

некоторые) и стал отцом сына Екатерины Павла. Затем Салтыкова отослали за границу. Дальше любовников себе выбирала уже сама Екатерина.

«Бог видит, что это не от распутства, к которому никакой склонности не имею, — утверждала Екатерина, — и если бы я в участь получила смолоду мужа, который бы любил меня, я бы вечно к нему не переменялась...»

И все же только Богу ведомо, так ли это. Истории же известна лишь длинная череда фаворитов, которые пользовались расположением

кратковременных связей. Об этом говорит, к примеру, семейное предание о происхождении фамилии Тепловых. Однажды Григорий Николаевич, родоначальник Тепловых, будучи истопником, принес дрова, когда императрица лежала в постели. «Мне зябко», — пожаловалась она истопнику. Тот постарался успокоить ее, сказав, что скоро станет тепло, и затопил печь. Екатерина продолжала жаловаться, что ей зябко. Наконец робкий истопник принялся лично обогревать зябнувшую императрицу. С тех пор он и получил фамилию Теплов.

*Екатерина
в молодости*

Своеобразным водоразделом в отношениях Екатерины с мужчинами стало окончание зимой 1776 года фавора Григория Потемкина, который сыграл особую роль в ее судьбе. Даже перестав быть любовником императрицы, Потемкин имел на нее огромное влияние и остался главным помощником Екатерины в делах управления государством. Оба сохранили друг к другу сентиментальную привязанность, однако, по взаимной договоренности, отныне место Потемкина в опочивальне императрицы должны были занимать молодые, приятной наружности «за-

местители». При этом Потемкину дано было право участвовать в выборе своих приемников.

В семидесятые годы, с «благословения» Потемкина, фавориты императрицы сменяли один другого, но никто из них не смог на длительное время привязать ее к себе, утолить ее романтические чувства и телесную жажду. Ни молодой красавец — поляк Петр Завадовский, ни блистательный гусар Симон Зорич, ни признанный щеголь Иван Римский-Корсаков по-настоящему не затронули сердце стареющей «северной Семирамиды». Екатерина

*Цесаревич Петр Федорович
и великая княгиня Екатерина*

тосковала о романтическом возлюбленном, и на склоне лет мечтам ее суждено было сбыться.

В 1779 году Потемкин представил ей Александра Ланского, двадцатидвухлетнего капитана кавалергардского полка, служившего в личной охране императрицы. Высокий, затаенный в великолепную форму с серебряными позументами офицер произвел на царицу неизгладимое впечатление. Особенно поразил ее воображение необычный контраст между мужественностью фигуры и осанки молодого кавалергарда и его нежными, почти девичьими чертами лица. Мечтательные голубые,

с поволокой, глаза, нежный румянец, маленький коралловый ротик, белокурые волосы и изящной формы черные брови делали его поистине неотразимым.

Мемуаристы сходились в высокой оценке внешности Ланского. К примеру, английский посол, граф Мальсборн, сообщал в Лондон: «Ланской молод, красив и, как говорят, чрезвычайно уживчив ... государыня страстно привязалась к своему новому любимцу».

Что ж, Екатерине было не внове страстно привязываться к своим фаворитам, но современники были единодушны: Екатерина любила Ланского так, как никогда никого не любила ни до, ни после него. По-видимому, этой необыкновенной женщине суждено было исчерпать всю гамму чувств и ощущений в области страсти и любви. Ее чувства к Ланскому не походили ни на ее привязанность к Потемкину, ни на любое другое увлечение, которыми так полна ее богатая переживаниями жизнь.

Александр Ланской происходил из мелкопоместных дворян. Образование он получил такое же, как большинство офицеров, окружавших Екатерину: умел с грехом пополам читать и писать по-русски и мог сказать несколько слов по-французски.

Когда ей вздумалось посоветовать ему вступить в переписку с ее западными друзьями — литераторами, ей пришлось исполнять роль секретаря. Письма фаворита к барону Гримму, относящиеся к этому време-

ни, все от первого до последнего слова написаны рукой императрицы.

Екатерина сама занималась воспитанием Ланского — наставляла его

красивее, умеет вмешиваться в семейные дела государыни, занимается ее мелочами и пользуется ее полным доверием».

Высокий, затянутый в великолепную форму с серебряными позументами, 22-летний капитан кавалергардского полка, служивший в личной охране императрицы, Александр Ланской произвел на нее неизгладимое впечатление.

Особенно поражал воображение контраст между мужественной фигурой и осанкой молодого кавалергарда и его нежными, почти девичьими чертами лица. Голубые, с поволокой, глаза, легкий румянец, белокурые волосы и изящной формы черные брови делали его поистине неотразимым

в поэзии, истории, учила разбираться в искусстве, прививала вкус к хорошей музыке, заставляла много читать. Тот старательно учился и даже делал некоторые успехи.

Восхищаясь прилежанием своего ученика, Екатерина с гордостью сообщала Гримму: *«Он все поглощает с жадностью. Он начал с того, что проглотил всех поэтов с их поэмами в одну зиму, в другую — многих историков. Мы приобретаем знания без числа, и любим возиться лишь с тем, что есть наилучшего и наиболее поучительного».* Правда, сопоставляя способности Ланского и Потемкина, она отдавала предпочтение последнему: *«Он не имеет такого ума, как Потемкин, зато он*

Екатерина была без ума от своего любимца. Впрочем, она вообще имела обыкновение приписывать своим фаворитам отсутствовавшие у них добродетели. В мемуарной литературе того времени можно найти мнения о Ланском, прямо противоположные дифирамбам императрицы: *«Господин Ланской — самый невежественный из придворных Екатерины, и сама императрица краснела, когда он разговаривал с ней»*, — говорил один явный недоброжелатель. Вряд ли это суждение справедливо. Двадцатидвухлетний фаворит был, скорее всего, ни более и не менее невежествен, чем большинство кавалергардов, его товарищей. Но братья Орловы и другие уже

давно отучили Екатерину от чрезмерной требовательности в этом отношении, и ее двор никогда не имел претензии считаться центром образованности.

Уроки французского языка Ланской брал у некоего шевалье де Серра, с которым был знаком еще до своего возвышения. Этот шевалье рассказывал, что до того, как сделаться первым русским вельможей, Ланской имел всего пять рубашек. Однажды ночью, оставшись без пристанища, молодой кавалергард явился к шевалье, просясь переночевать. Де Серр положил его на полу возле своей кровати, в своей скромной комнате еще не успевшего обжиться эмигранта. Несколько недель спустя, уже занимая великолепные апартаменты, предназначенные для избранников императрицы, Ланской пригласил француза к себе, принял его очень любезно, угостил отменным ужином и, выразив желание оставить его ночевать у себя, улегся на постель, приглашая гостя расположиться... на полу.

Не довольствуясь изучением французского языка, фаворит, очевидно, старался заинтересоваться произведениями искусства, которыми Екатерина любила окружать себя. По словам императрицы, он чуть было не упал в обморок, узнав, что Гримм упустил случай приобрести для него коллекцию старинных драгоценных камней.

В целом же, Александр был человек вполне заурядный, но зато прият-

ный в обращении. Беспечный от природы, он даже у Екатерины отбивал охоту к честолюбивым планам, имевшимся у нее на его счет. Лень мешала ему принимать какое-либо участие в государственных делах. В этом смысле он был едва ли не единственным исключением среди любовников Екатерины.

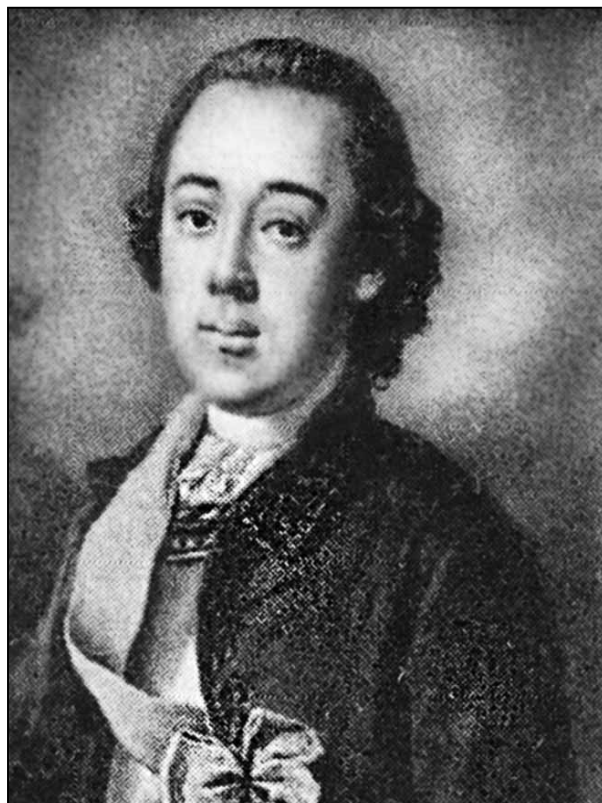
Много позже, будучи уже в преклонном возрасте, Екатерина как-то заявила, что Россия должна быть благодарна ей за фаворитов, которых она считала своими учениками, овладевавшими под ее руководством мудростью управления государством. На самом деле из всего своего мужского «гарема» она подготовила лишь единственного толкового политика — Григория Потемкина, и то лишь потому, что у него мужские достоинства случайно соединились со способностями государственного мужа.

Ланской, несмотря на свою ограниченность, обладал достаточным здравым смыслом, чтобы не пытаться играть роль, для которой не имел никаких данных. Его возлюбленной приходилось довольствоваться для него внешним блеском чисто декоративных должностей. Екатерина осыпала Ланского множеством наград и пожалований. Грудь его украшали многие ордена, отечественные и иностранные: король Речи Посполитой наградил его орденом Белого Орла и Святого Станислава, а Екатерина — Александра Невского. В 1783 году он получил орден

Святой Анны, а также шведский орден Полярной Звезды. Ему было присвоено звание генерал-поручика, флигель-адъютанта, камергера, шефа кирасирского полка, титул графа. Причем все эти пожалования он принимал равнодушно, пожалуй, даже неохотно. От чего он не отказывался, так это от денег и прочих, так сказать, осязаемых ценностей.

Императрица окружила Ланского неслыханной роскошью. Ей ничего не было жаль для Сашеньки, как она его называла. Она дарила ему шпаги, усыпанные бриллиантами, роскошные костюмы, одни пуговицы на которых стоили десятки тысяч рублей, жаловала дворцы и поместья с десятками тысяч крестьян. Подсчитано, что за четыре года фавора Ланской получил в общей сложности 7,5 миллионов рублей. Сумма по тем временам колоссальная. Более крупным, чем у него, состоянием, располагали лишь граф Орлов и князь Потемкин. Но фавор Орлова длился четырнадцать лет, а Потемкин в течение пятнадцати лет был всемогущим министром, правой рукой государыни.

Единственной проблемой для Екатерины представляла семья фаворита. У Ланского были буйные братья, о неподобающем поведении которых она часто упоминала в своих письмах к Гримму. Сам Ланской не обращал на них никакого внимания и не считал нужным финансово помогать им. Это делала за него императрица.

Сергей Салтыков

Пожалуй, единственным недостатком Ланского было его пристрастие к вину. Сохранился рецепт придуманного им пунша, которым он порой злоупотреблял: смесь токайского вина, рома и ананасного сока. Но государыня снисходительно относилась к этой слабости любимого.

Весна расцвела в сердце стареющей царицы. (Не следует забывать, что в момент встречи с молодым кавалергардом Екатерине уже исполнилось пятьдесят, и в ее отношении к нему, безусловно, было что-то материнское.)

«Зоренька моя», — называл он ее, как и все фавориты. Екатерина любила это слово. Оно означало, что для ее избранников заря фортуны занималась только с ее любовью.

Григорий Потемкин

Но Александр действительно относился к императрице с нежностью и пламенным обожанием.

Фавор Ланского продолжался уже четыре года и, вопреки всем предсказаниям, по-видимому, не приближался к концу. Но тут вмешалась злая судьба.

Как-то в июне после обеда в летнем дворце Царского Села он пожаловался на боль в горле и отправился к себе. К шести часам Александр почувствовал себя лучше и смог сопровождать Екатерину на прогулке по парку. Затем, откланявшись, снова ушел к себе, чтобы лечь в постель. Ни Екатерина, ни сам Ланской не придали значения этой болезни, тем не менее, из Петербурга в Цар-

ское Село вызвали гофмедика императрицы Мельхиора Адама Вейкарта. Александр был трудным пациентом. Он подсмеивался над сутулой спиной своего эскулапа, его огромным носом, подшучивал над его лекарствами. Сидя у постели своего возлюбленного, Екатерина поначалу забавлялась его капризами. Однако состояние больного быстро ухудшалось. Вейкарт объявил императрице, что у Ланского злокачественная лихорадка (возможно, так он называл сильную ангину), осложненная симптомами грудной жабы, и без обиняков заявил, что летальный исход практически неизбежен. Императрица отказывалась верить в худшее. «Вы не знаете, какая у него крепкая натура», — возражала она Вейкарту. Но немец только качал головой. Игнорируя предписания Вейкарта, Ланской обратился за помощью к своему собственному врачу Соболевскому, а его вечно пьяный камердинер потихоньку приносил ему вино целыми стаканами. Фавориту становилось все хуже. Осознав серьезность положения, императрица потеряла покой. Вейкарт настаивал на том, чтобы ее удалили из комнаты больного, так как считал болезнь Ланского заразной. Но Екатерина не колебалась ни минуты между этими благоразумными советами и голосом сердца. Вскоре и у нее появились тревожные симптомы — боли в горле, но она не обращала на это никакого внимания и самоотверженно ухаживала за

любимым. У Ланского уже начался бред. Он все еще узнавал императрицу и называл ее по имени, но не понимал, где находится и что с ним. Человек крепкого здоровья, он, тем не менее, не смог преодолеть недуг, ослабивший его сердце, и 25 июня 1784 года скончался.

Горе императрицы невозможно было описать.

Как обычно в таких случаях, история смерти Ланского обросла различными слухами. Утверждали, что его отравили по приказу Потемкина, который якобы ревновал императрицу к молодому офицеру. Это, безусловно, не так. Ланской, с его полным отсутствием политических амбиций, был идеальной фигурой для жаждущего власти Потемкина, и устранять его не было никаких причин.

Говорили также, что Екатерина истощила силы молодого человека своими беспрестанными плотскими посягательствами, и он умер в постели, тщетно пытаясь удовлетворить ее ненасытную страсть. Медики полагают, что Екатерина страдала нимфоманией — нарушением гормонального баланса, выражающегося в превалировании гормонов, усиливающих желание близости с женщиной. Признание этого факта, правда, косвенное, можно найти у придворного врача, уже упоминавшегося Мельхиора Вейкарта, заметившего: «Жениться на ней потребовало бы чрезвычайной смелости». Действительно, даже в свое время Потемкину, человеку, несомненно, неор-

Григорий Орлов

динарному, честолюбивому и наделенному организационными талантами, стало явно не с руки совершать каждодневные «подвиги» на ложе государыни. Однако ему повезло, как никому другому из фаворитов императрицы. Обаяние его личности помогло Григорию Потемкину, перестав быть любовником, остаться ее другом, советчиком, а также главным «поставщиком» новых фаворитов. Ланской же, в силу интеллектуальной ограниченности и присущей ему лени, не мог претендовать на схожую роль, а потому удержать свою «зореньку» мог единственным доступным ему способом, благо для этого он был щедро одарен природой. Но и для него это

*Александр
Ланской*

было нелегким испытанием, не спасала даже молодость. Однако утверждения, что императрица сама заставляла его принимать в огромных количествах средства, увеличивающие потенцию, несправедливы. Судя по всему, она и не подозревала, что ее Сашенька по собственному почину прибегает к подобным средствам.

После его смерти скорбь императрицы была беспредельна. В середине июля французский посланник де Кайяр сообщал в Париж: «Все дела

встали со времени смерти Ланского, в настоящее время все заняты только одной императрицей, здоровье которой вначале внушало большие опасения».

Даже два месяца спустя Екатерина принимала своих министров только изредка, чтобы спросить у них «ласково и грустно», все ли обстоит благополучно. После этого она отпускала их и затворялась у себя в покоях с мадам Кушелевой, сестрой умершего фаворита. Эта жен-

щина считалась особой очень ограниченной и относилась довольно равнодушно к брату, платившему ей тем же, зато умела легко проливать слезы. Лишь только она приближалась к императрице, как сразу же начинала плакать, государыня следовала ее примеру, и так проходили целые дни. Примерно в это же время Екатерина писала Гримму: «Я не в силах ни спать, ни есть, я так слаба и подавлена, что не могу видеть лица человека, чтобы не разрыдаться при первом же слове. Я не знаю, что ста-

покойного, распорядившись передать земли и недвижимость его матери, брату и сестрам. Деньги и драгоценности она также разделила равными долями между ними. Несколько имений, которые покойный фаворит также просил возвратить в казну, Екатерина велела принять, но уплатить за них 400 тысяч рублей, которые разделили между наследниками.

Почти год оплакивала императрица Ланского, не появляясь на людях. Произошло невероятное собы-

В целом Александр был человеком достаточно заурядным. Беспечный от природы, он даже у Екатерины отбивал охоту к честолюбивым планам, имевшимся у нее на его счет. Лень мешала ему принимать какое-либо участие в государственных делах, и этим он сильно отличался от других фаворитов императрицы

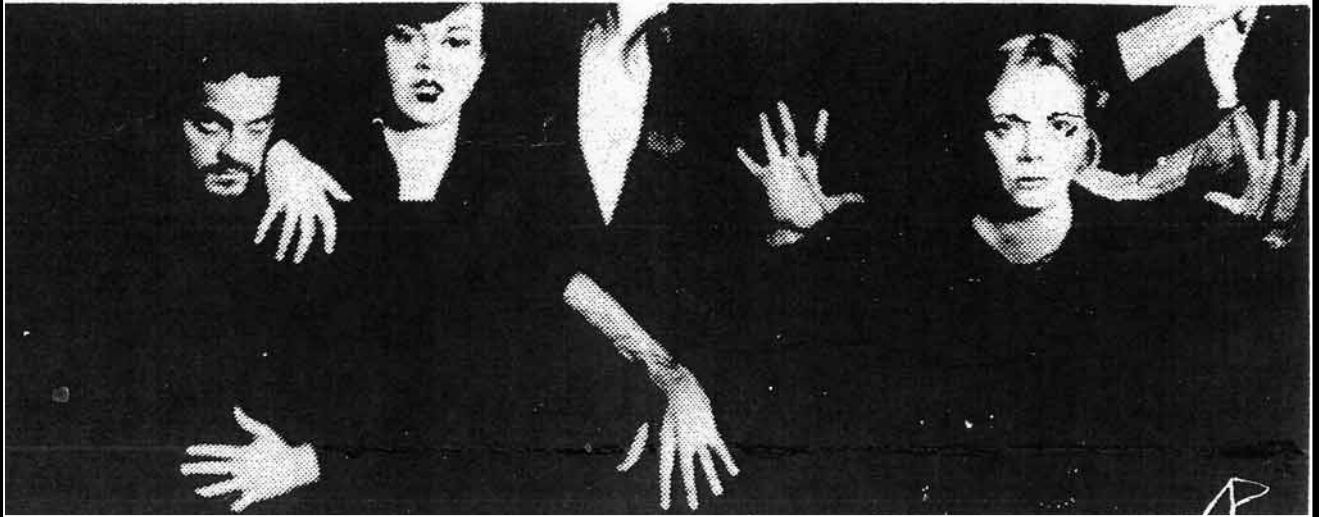
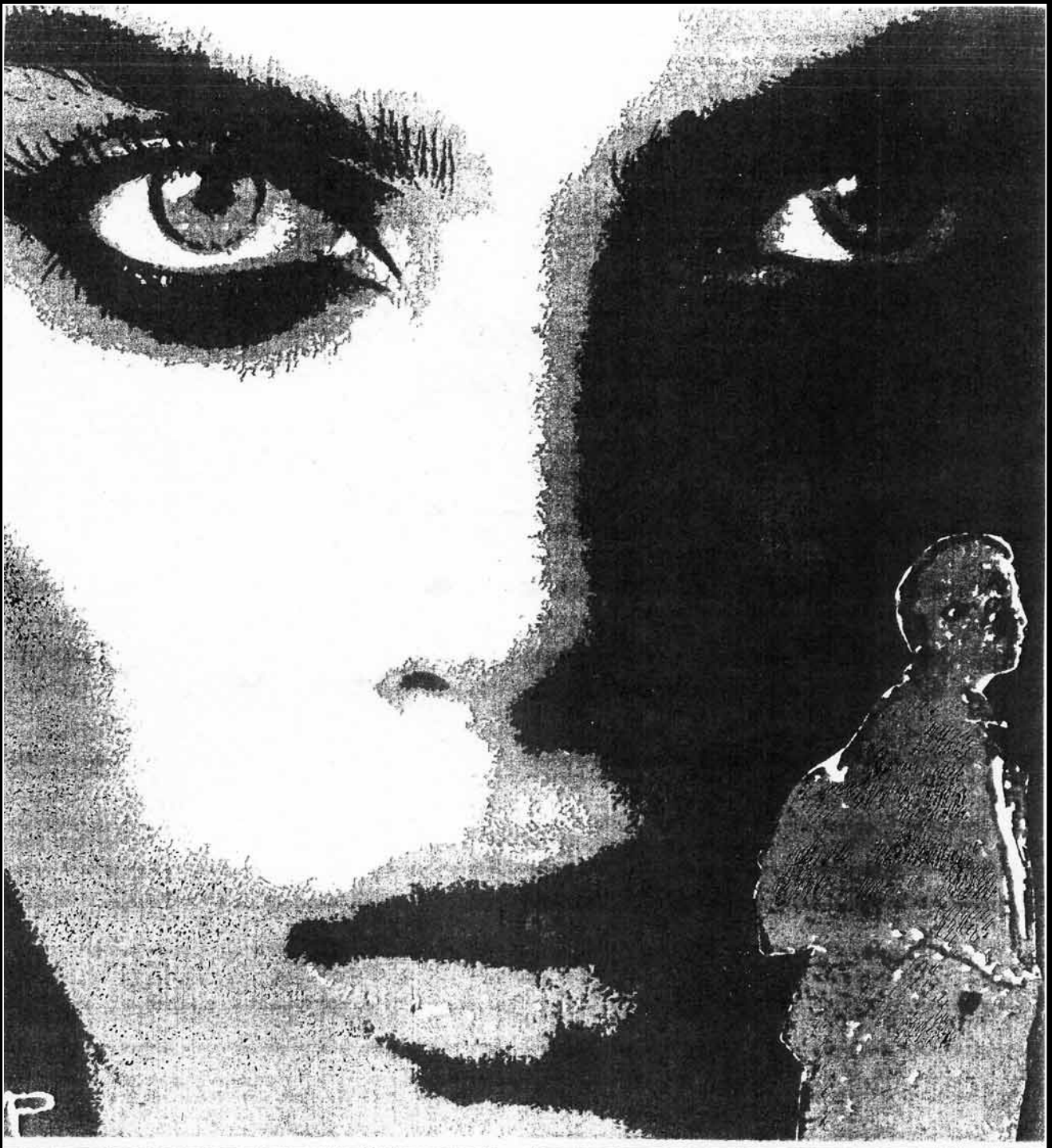

нется со мной. Знаю только одно, что никогда во всю мою жизнь я не была так несчастна, как с тех пор, как мой лучший и любимый друг покинул меня».

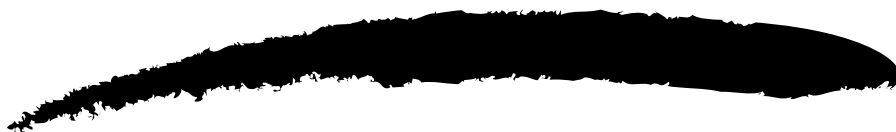
Следует упомянуть предсмертный поступок Ланского, который вполне можно назвать уникальным. Перед кончиной он распорядился часть своего колоссального богатства передать казне. Это касалось нескольких его домов и части вотчин. Императрица, однако, не выполнила воли

в летописях двора. Покои, ответственные фаворитам, пустовали целых десять месяцев!

Однако Екатерина была не из тех натур, которых может сломать горе. Жить в слезах всю жизнь она была не способна. Кроме того, скорбь мешала ей работать. Постепенно к ней возвращались обычная ее жизнерадостность и жажда счастья. А впереди ее ждали новые «весны» — фавор Петра Ермолова, Александра Мамонова, Платона Зубова... □

ЗАРАЗЕТТА

Глава 1

Ах, какая встреча!

В проходную этого известного провинциального театра я вошла, грохоча большим ведром, предназначенным для варки ухи — разумеется, на свежем воздухе. Ведро было выковано специально для моего родственника, живущего на одном из северных островов. Он привез мне его в деревню для демонстрации настоящей ухи, заодно прихватив с собой свежих налимов, щук и еще какую-то прекрасную подводную живность. Угостив меня ухой, ведро он опрометчиво оставил. И вот теперь, узнав, что я поеду в театр, то есть буду в городе, мимо которого он как раз проедет на поезде, и тот остановится здесь аж на двадцать минут, он уговорил меня соединить театр с ведром и вокзалом. Я согласилась. Ввалившись в проходную в волчьей шубе, в которую заставил меня облачиться трескучий мороз, и громыхая ведром, от малейшего колебания издававшим звук церковного колокола, я повергла дежурных в полный восторг. До этого они уныло переговаривались, безнадежно глядя на телефон — видимо, ждали звонка, который так и не прозвенел. Зато я прозвенела, что мне нужна Анна, одна из театральных начальников, что мы договорились о встрече и так далее. Надо сказать, что телефон Анны я благополучно забыла в своей деревне вместе с одним из мобильных, а потому попросила немедленно соединить меня по внутренней связи. Меня соединили.

Анна что-то кому-то кричала, а потом прохрипела прямо мне в ухо, что вот всегда так, когда приезжает нужный ей человек, ее почему-то вызывает бездельник-директор и будет пудрить ей мозги, и что я должна набраться терпения, сидеть и ждать. Вот почему я тихо села рядом со своим ведром — естественно, не ожидая никаких неожиданностей, а тем более встрясок, и совершенно забыв о том, что всю жизнь они сыплются на меня нескончаемым потоком.

Между тем в длинном коридоре, примыкающем к проходной, послышался гул. Женщины-дежурные тут же стали готовить кофе. Коридор заполнился актерами в средневековых костюмах, часть персонажей высыпала прямо к стойке, отделявшей меня от коридора. И тут что-то произошло с пространством, в котором я пребывала. Я оказалась в вакууме. Меня окружала оглушительная тишина. Такая, что даже в ушах зазвенело. И прозвучал — то есть мне показалось, что прозвучал — выстрел! Прямо в меня! Я шевельнулась, задев ведро, и подняла голову. Прямо на меня смотрел старый морщинистый «козел» в бархатной куртке и немыслимых панталонах, и в его безумных глазах плескался... страх! Я оглядела себя — что его могло так напугать? А он продолжал ужасаться и стрелять! Да что же это такое!.. Мне захотелось выругаться вслух, но я сдержалась... Как тогда, много-много лет назад... И я вдруг поняла — он узнал меня раньше, чем я его... Он узнал меня сразу, как только увидел. А я...

Виталий.... В театре почему-то звали его Витолан, с этим именем хорошо рифмовалось слово «талант». Но кроме рифмы талант и Витолана ничего не связывало. Зато он обладал другой чертой характера, свойственной подлым людям, — был заядлым сплетником. Витолан этим жил. Как Дракула. Клевета заменяла кровь. И когда я, молодая несмышленная актриса, появилась в маленьком городском театре, надеясь на встречу с высоким искусством, то вместо этого столкнулась с высоким уровнем сплетен, домыслов, пересудов, косых взглядов и прочего хлама, никак не вписывающегося в мои понятия о классическом русском театре. Мир сплетен жил параллельно с репетициями, выпусками спектаклей. И если вторым процессом командовал главный режиссер — ни рыба ни мясо, то первым, клеветническим миром правил Витолан. Очевидно, до моего приезда у него долгое время не было добычи, ибо он сразу взял меня в оборот. Явившись с бутылкой вина в общежитие, где мне выделили комнатку, он был немедленно отправлен за порог. На следующий день попытка повторилась — с тем же для него успехом. И тогда он закружил надо мной коршуном. Все, что было самым обидным для молодой девушки, прозвучало в мой адрес. Причем с мерзкими «подробностями» — очевидно, опыт Витолана в общении с женщинами был немал.

Меня, наверное, много обижали в жизни — но так, по мелочам, я и значения этому не придавала, и очень правильно делала. А вот по-настоящему обидели два раза — Витолан и, чуть раньше, в маленьком поселке лесорубов, куда меня послали на практику в школе. Там меня обвинили в краже денег у медсестры, с которой мы жили в одном доме. До сих пор ругаю себя за то, что из-за свалившихся тогда на меня личных проблем не разобралась, не указала на истинного воришку. Уехала с кучей честно заработанных денег — вела уроки и в дневной, и в вечерней школе, купила себе шубку, вернулась в поселок на день-два и не заметила, что кто-то решил — покупку-то дорогую сделала на краденые деньги! А сказать, что кроме нас с медсестрой в доме жила еще и завклубом, и к ней частенько наведывался братишка-подросток, которого я однажды застала за просмотром наших чемоданов, не решилась. Беспечно подумала, денег-то я не брала, и это обязательно выяснится. Не выяснилось. Я потом очень жалела, что не обратилась тогда в милицию. Официально. Потому что неофициально вроде и обращалась — милиционер был среди моих учеников в вечерней школе.

И тогда, под натиском Витолана и поверивших ему коллег, я, что говорится, «опустила руки» и уволилась из театра. Я вычеркнула его из своей жизни и никогда больше не вспоминала. Но, очевидно, праведный гнев жил во мне все эти годы, прятался в каком-то потаенном уголке, потому что сейчас я резко встала и попыталась вытащить свой пистолет, чтобы увидеть сморщенную и еще более испуганную физиономию этого «козла»! Пистолет у меня разрешенный, просто, чтобы попугать. Но он ведь этого не знает. У меня ничего не получалось, дрожащие пальцы никак не хотели расстегнуть куртку. Тогда мой кулак, оказавшись на стойке, стал выбивать такую угрожающую дробь, а мои губы выплевывать столь редкостные ругательства, что обе дежурные застыли. И вдруг одна из них резко дернулась, схватила стакан с кофе и протянула его «козлу». В это время из меня летело что-то типа: «Так тебя еще не отравили, как ты травил людей и жил этой самой отравой? Но ничего, теперь я знаю, где твое козлиное логово!» И так далее. Он как-то судорожно глотнул кофе и вдруг, медленно заваливаясь набок, грохнулся об пол. Я заглянула за стойку, надеясь увидеть там черную лужу, какие бывают в сказках, когда погибают злодеи. Но там лежал старик с закрытыми глазами, а дежурные кричали, что Виталеньке надо немедленно вызвать «скорую помощь». Осиновый кол тебе, а не «скорую», злобно подумала я и, подхватив ведро, выбежала на улицу. Ведро заставило меня взглянуть на часы — через сорок минут подъедет поезд с родственником. Я села в троллейбус и отправилась на вокзал. С этого же вокзала минут через тридцать после родственника отправится моя электричка — в деревню. Приеду, позвоню Анне, извинюсь.

Передача ведра состоялась вовремя. Родственник был мне очень признателен, он уже считал свое изобретение потерянным. Однако его смутил мой воинственный вид.

— Чего случилось-то?

— Встретила «козла», который меня оклеветал много лет назад.

— И что? В физиономию ему заехала?

— Да нет. Он упал. Вроде плохо ему.

— Артист!

— Ага.

— Что — ага?

— Он артист. Здесь, в театре.

— А-а-а... А в морду все-таки надо было заехать. Хоть и через много лет.

— Ага. Но уже не успею. Домой сейчас поеду.

Я представила, как даю ему пощечину, как моя рука тонет в его дряблой коже, отчего становится страшно противно... К тому же... Прошло много лет, и этот тип, возможно, давно расплатился за свои злодеяния. Но нет, нечего и обманывать себя. За мою душу нельзя расплатиться. А он ее перевернул, он коснулся ее грязными руками, оторвал от нее большой кусок, а именно в нем хранились моя вера в доброту, справедливость, в умных, сильных людей, готовых прийти на помощь более слабым, в то, что все на этой земле должны любить и понимать друг друга. Иначе на нашей планете воцарятся холод и смерть. Да разве такое возможно? Моя наивность строилась на жизни моих родителей, бабушки, безмерно любивших все вокруг...

Я уже подъезжала к своей деревне, когда в телефоне высветился знакомый номер. Я ответила.

— Ганкин умер! — прокричала мне Анна.

Надо же... А я забыла фамилию. За глаза его, конечно же, называли Поганкиным.

— Да?

— Что — да? Ганкин умер! Инфаркт. И тут говорят, что это ты его убила!

— Ага. А еще пусть скажут, что он выпил отравленный кофе.

— Какой кофе?

— Ну, он глотал какую-то гадость, которую ему дежурная приготовила.

— Постой! Так ты что, его знала?

— Возможно.

— Говорят, ты на него шипела. И называла его ко... ко...

— Не изображай курицу! Я называла его «козлом»! Старым.

— Ну да. И тут сейчас понаехали... Ты понимаешь, что я должна о тебе сказать?

— Да ради бога!

— Так ты его не...

— Я его даже не коснулась! Все же видели. Был полный коридор этих ваших средневековых рыцарей и дам в пропахших нафталином или какой-то другой дрянью платьях. От одного этого запаха можно концы отдать.

— А чего ты такое ему сказала?

— Да ничего кроме «козла» не успела. Он откинулся, как говорят мои дети.

— Слушай, я не понимаю. Это старый больной человек. Ты чего с катушек-то съехала?

— Это ты уже по заданию органов вопрос задаешь? А вот не скажу!

— Ну... почему?

— А потому, что сказать нечего. Взглянула на него, и он мне не понравился! Понимаешь? Вот и прошипела про козла. А уж кто там что вообразил... Но я бы кофе исследовала. Он как его глотнул, так и повалился. Может, эта дежурная ему за что-то мстила. Такие, как этот Поганкин, от моего «козла» в ступор не впадают. Тем более — не умирают.

— Такие, как этот По... Тьфу! Значит, ты его все-таки знала!

— Мой поезд приближается к моей деревне. Я уже вижу трубу бывшего кирпичного завода. И готовлюсь выходить...

— Ладно. Пока помолчу. Но если из меня будут вытряхивать сведения о тебе... Кстати, я могу сказать, что не знаю твоей фамилии... Что какая-то баба вообразила себя драматургом и попросила прочесть ее пьесу...

— Да говори правду, чего уж.

В тот день я была дома одна. Закрылась на все замки, села и стала думать. Вопрос был один — отчего этот гад все-таки помер? От моей волны ненависти? Да этого просто не может быть! У таких очень толстая шкура, а вместо человеческого сердца — комок ни на что не реагирующих мышц, перекачивающих кровь... Хотя в какой-то миг в его глазах промелькнуло нечто жалостливое. Правда, этот миг ни о чем не говорит. А вот кофе... Если он был сердечник, то подсыпать в кофе сильнодействующее средство не составляет труда. Однако кофе наверняка проверят. И еще... Все-таки странный, очень странный запах шел от этих нелепых старых костюмов. Наверняка они вредны для здоровья. Я в своей редакции, например, не могла долго читать старые, пожелтевшие газеты — мне становилось дурно. Я бы проверила, с помощью какой химии эти костюмы сохраняют, и как это может повлиять на человека, надевшего на себя старое тряпье. И в карманах бы каждого костюма порылась. Я ведь вместе со своей подругой, знаменитой Валентиной Орловой, частным детективом, раскрыла

не одно криминальное дело. И все мои романы и повести — это итог моего участия в расследованиях. Теперь мы это делаем с Зоей Алексеевной, уже в пенсионном возрасте ставшей частным детективом, ибо Валя на время отошла от дел, родив сына и занимаясь исключительно собственной семьей. Но только Зоя Алексеевна живет далеко от моей деревни. Знаю, знаю — стоит мне позвонить, и она сядет в первый же поезд, идущий в моем направлении. Но пока я все-таки подожду. Хотя бы первых результатов работы следователей и патологоанатома.

Я вспомнила, как уезжала из негодного театра, как никто мне на прощание не подал руки. Правда, одна актриса, Людмила, хотела меня проводить, но я ей этого не позволила, чтобы костлявая длань Витолана не коснулась и ее. Актриса была замужем, но я рассудила, что это может его не остановить. Витолан оказался главнее главного режиссера. И скалу эту мне было не покорить. Господи, да какую скалу? В это гнилое болото мне было не влезть. Даже для того, чтобы спасти саму себя. Я уезжала оклеветанная, оплеванная, с клеймом на всех местах, которые украшают женщину... Так я спасла себя. И тогда плевать мне было на свою репутацию! Когда в тебя готовятся вонзить холодный стальной клинок, и ты бежишь без оглядки — это ведь спасение, правда? Но что-то, видимо, не совсем тогда сработало в моем спасительном и решительном действии. Горечи-то вон сколько осталось! И ненависти.

И еще мне был чрезвычайно интересен один момент. Витолан не был дураком. Тем более — наивным человеком. Он прекрасно понимал, что в отношении меня совершил зло. И обратиться я тогда в милицию, это зло было бы квалифицировано как преступление. И вот вопрос — зачем же он меня узнал? То есть — зачем он явно дал мне понять, что узнал меня? Два ответа высвечивались, словно на киноэкране. Первый — раскаяние. Я вовсе не исключаю, что такие люди время от времени стремятся покаяться. Особенно когда на них наезжает старость, одолевают болезни. Однако второй ответ казался мне более правдоподобным — Ганкин стал немощным, сил на привычные «подвиги» уже не хватало, из его жизни давно исчезли корчащиеся от боли и несправедливости жертвы, а последовавшая за этим пустота не давала нужной энергии. Вот он, увидев меня, и намеревался хоть на несколько минут возродить свое прошлое, злую силу, без которой уже не мог существовать. Он не хотел промедления, стремился, чтобы я его быстрее узнала!

Однако на все это накладывался еще один небольшой вопрос — а как он меня сразу узнал? Ведь столько лет прошло... У меня и лицо-то стало другим, не говоря уж о комплекции. Даже глаза изменились. А он узнал. Он об меня словно обжегся. Я вспомнила, как живущая тогда в соседней комнате Людмила вдруг предположила, что он в меня влюбился. Я тогда

расхохоталась. А она заметила, что в истории было немало случаев, когда садист влюблялся в свою жертву.

Но самое первое, что я прочла тогда в его глазах — это испуг. И почему же он меня испугался? Одновременно — и узнал, и испугался... Бояться-то меня ему чего?

Нет ответов на эти вопросы. Пока нет.

Глава 2

Вперед, в неизвестность!

Я знала — Анне очень хотелось приехать ко мне в деревню, чтобы выведать факты, связывающие меня с умершим (либо убитым) артистом. Но главные события разворачивались там, в театре, и она не могла их упустить. Прежде всего, выяснилось, что Ганкин жил не один. То есть, когда он скончался, то был уже одинок, ибо его жена за месяц или более до этого внезапно исчезла. А, может, и еще раньше — точно никто не помнил. Этот Витолан был очень скрытен. Кстати, здесь его так не звали. А просто — Виталик, Виталенька. Жалели. Ибо однажды женщины заметили, что всегда аккуратно одетый и наглаженный Ганкин стал приходить в театр помятым, в несвежих рубашках. Поинтересовались, почему. Вот тогда он и объявил, что исчезла жена. Добавил, что, вероятно, сбежала, потому как моложе него почти вдвое, и чего, мол, ей жить со стариком. Кто-то спросил, заявил ли он об исчезновении женщины в полицию. Он не ответил, а лишь расплакался. Жалеть стали еще больше.

Кофе исследовали, ничего ядовитого и просто постороннего в нем не обнаружили.

Для всех осталось загадкой — почему именно в театральном предбаннике у него случился инфаркт. Вообще-то глупо задавать такие вопросы, тем более, если дело касается пожилого человека. Но почему-то задавали. Главным образом из-за моего необъяснимого поведения. Анна выкручивалась, как могла, — дескать, посетительницу, пришедшую к ней с пьесой, то есть меня, буквально выбил из колеи запах старых костюмов, у нее, мол, от этого случилась аллергия, и она вынуждена была убежать, так и не отдав свое творение, то есть пьесу. Потому и фамилии моей Анна не знает — откуда? Телефон? Да как-то не сохранился. К тому же она звонила по рабочему телефону, договариваясь о встрече. Кстати, дежурные подтвердили, что у меня якобы не было мобильного, и я попросила соединить меня с Анной по внутренней связи. Так что тучи надо мной пока еще не сгустились.

Я же, много лет занимающаяся разгадыванием человеческих тайн, из всех вопросов выделила один, который показался мне главным — почему он меня испугался? Узнавание и испуг произошли у него как бы в один миг. Вина за прошлые гадости не очень вписывалась в настоящее. Ведь не раскаяние было в его глазах, а именно испуг. Мне даже стало казаться, что сначала был испуг, а уж потом — узнавание. Может быть, нас связывает что-то такое, чего я не знаю?

Мой ноутбук услужливо предоставил все сведения об этом актере — где работал, какие роли сыграл. Все обычно, нудно, буднично. В перечисленных городах я никогда не была — естественно, за исключением того, где работала в молодости. И в этом театре он, оказывается, не так давно. Интересно, жену свою он привез сюда или нашел ее уже здесь? И кто она по профессии? И где он жил? И на что? Актерская зарплата — это слезы. И чья была квартира — жены, или он получил ее сам, от театра?

Я поняла, что начала собственное расследование, однако провести его одной мне не под силу. Надо вызывать Зою Алексеевну, эту милую, тихую женщину, никак не похожую на частного детектива. Внешность классической домохозяйки, доброй, улыбчивой, которая должна прекрасно вязать, вышивать и печь пироги. Никто и заподозрить не может, сколько на ее счету раскрытых преступлений. Когда-то моя Валентина пригласила ее работать в свое агентство, и Зоя Алексеевна согласилась. А позже, по прошествии времени, создала свое дело. И вот сейчас я готовлюсь оторвать ее, возможно, от очень важной работы. Но я все-таки ей позвоню, и...

В мобильнике высветился незнакомый номер. Решила не отвечать, отправила «эсэмэску» — мол, кто вы. Когда-то опрометчиво заговорила с незнакомцем и лишилась пятисот рублей, которые накануне кинула на телефон. Тут же пришел ответ — Зоя Алексеевна! Вот и думай, случайность это или незримая связь, существующая во Вселенной.

— Наташенька, я завтра буду недалеко от вас, и мы сможем увидеться. Тут вот какое дело... В театре погиб один артист. От инфаркта. Виталий Ганкин.

— И что? — похолодев, чуть ли не шепотом произнесла я.

— Возможно, этот инфаркт был спровоцирован.

— И что? — тупо повторила я.

— Но... я вас не понимаю. Ведь это артист, родственная вам душа! Я надеялась, что вы подъедете в театр, и мы вместе...

— Нет!

— Наташенька, что случилось?

— Случилось.

— Господи!

— Не по телефону. Как только узнаете про своего артиста, приезжайте ко мне. Электрички ходят каждый час. Кстати, а почему вы занялись этим делом?

— Я вас не понимаю, Наташенька. Повторяю — погиб Виталий Ганкин. Ган-кин!

— Ну и что? Ганкин, Вагранкин, Дранкин — какая разница?

В трубке воцарилось молчание. А потом послышался ее обиженный голос:

— Я думала, вы более внимательны, хотя бы в отношении меня. Да, Валентина была права...

— Почему вы сейчас говорите о Валентине?

— Да потому, что она не раз говорила о вашей невнимательности. Поверьте, я несколько не обижена. Но...

— Не обижены? А на что вы могли обидеться, Зоя Алексеевна? Чем я вам не угодила?

— А вот и не скажу! В наказание. В назидание. Не скажу, и все! Зато брошу несколько ключевых фраз, а вы подумайте. И когда мы встретимся, а это произойдет очень скоро, чтобы ответ у вас был готов! Понятно?

— Понятно. Бросайте свою ключевую фразу, чего уж...

— Ловите! Это стих:

Ах, замуж выходя, мы много оставляем

В той жизни девичьей, что снится нам порой.

Мы счастливы. И всем того желаем.

Потери есть. Но рядом — наш герой.

— Хм... Дело в потерях?

— Возможно. Думайте.

— А если я не...

— Что ж... Обратитесь к Валентине, она сразу поймет, в чем дело.

Мне не очень понравился ее тон, и я прервала разговор, еще раз заявив, что буду ее ждать, а потом сразу позвонила Валентине. Она попросила меня пересказать весь разговор и несколько раз перечитать этот дурацкий, примитивный стих.

— Значит, абракадабра появилась после того, как ты спросила Зою, почему она занялась этим делом?

— Ну да.

— А почему ты ее об этом спросила?

— Мне показалось странным, что она поедет за сотни километров расследовать смерть старого артиста.

— Вероятно, тебе пришло в голову, что их может связывать прошлое?

— Ой, Валя, не знаю. Я спросила, а она обиделась на мой вопрос. Почему?

— Видимо, ты должна была это знать сама, а не спрашивать.

— Она еще подчеркнула как-то зло — погиб, мол, Виталий Ганкин. Врассяжку так, по слогам произнесла — Ган-кин!

— О, господи! Так бы сразу и сказала. Все ясно.

— Да что ясно-то?

— Она — Ганкина! Зоя-то наша Алексеевна. Ее девичья фамилия — Ганкина.

Обухом по голове! Конечно же, когда-то я об этом знала, да вот не удержалось в памяти.

— Странно, Валя. Если она сестра, то как объяснить, что в такой трагический день она мне то мораль читает, то стихами балуется. Когда у человека горе, ему не до этого.

— Да, что-то тут не так. Может, не брат? Другие родственные связи? К тому же не все родственники нас радуют, так ведь?

— Так. Скоро она ко мне придет, вот все и узнаю.

— Ох, как мне хочется к вам вырваться! У моего Платона наметились отгулы, и он вполне может остаться с Макариком, который стал уже довольно самостоятельным мальчиком.

— Так приезжай!

— Завтра утром.

— Зоя Алексеевна придет почти одновременно с тобой. Я буду вас ждать возле такси, напротив вокзала.

— Одно плохо — в моем распоряжении будет всего день. В лучшем случае — два.

— Да ты просто подышишь у меня деревенским воздухом, погуляешь по лесу. Уверена, никакого расследования там не требуется, артист был старый человек и умер от инфаркта. А Зоя стала какая-то обидчивая. Не понимаю...

— Возраст. К тому же с последним замужеством у нее не получилось. А надежды были.

— Ладно. Буду готовиться к встрече. С чем печь пирог?

— Пирог. С семгой, палтусом. И с капустой.

— У меня только леци. До магазина уже не добраться. Поздно.

— Пирогов с лецами я еще не пробовала...

Да, дела... Завтра эти две дамы мигом меня раскусят. Надо постараться, чтобы это произошло не сразу. Я отправила в шкаф папку с пьесой, на всякий случай, убрала ее и из компьютера, перекинув на флэшку, чтобы мой труд не пропал даром, затем поставила тесто и задумалась над тем, что произошло в театре. Нет, не в кофе тут дело. И не в старых костюмах, политых химией. Вот почему я чувствую себя виноватой? Когда-то он меня

унизил, оскорбил, а через много лет я вновь переживаю из-за этого человека... Переживаю и боюсь. Давно я не была в таком состоянии — полного сумбура и страха. Откуда все это? И я тут же ответила себе — дело во мне самой. И чего это я сижу и жду, как покорная овечка, разрешения трагической ситуации? Руки, видите ли, опустила. Почувствовала полную безысходность. Но выход есть всегда. Надо его найти. Так чего же я сижу этакой аморфной куклой? Надо немедленно бросать все мои домашние дела, незаконченный роман и мчаться... Куда? Ну конечно, в тот проклятуший город, который я старалась никогда не вспоминать. Разумеется, меня там никто не ждет, никто мне не обрадуется. Разве что Людмила, которая единственная рвалась тогда проводить меня на вокзал.

Я уже не сидела и не ходила, а, затолкав тесто в морозилку, бегала по комнатам и собирала свои вещи. Ночью уходит поезд на Москву, оттуда — еще несколько часов, и я ступлю на землю, которая была ко мне так неприветлива. Дорожная сумка у меня, лягушки-путешественницы, всегда была наготове. Я позвонила мужу и сообщила о своем решении. Он был очень удивлен, но я не стала посвящать его в подробности, а сказала, что еду на место действия своего будущего романа. Трудный разговор с подругами я оставила напоследок, уже перед выходом из дома.

— Зоя Алексеевна...

— Не подлизывайтесь, Наташенька.

— Вы оставили свою девичью фамилию...

— Молодец!

— Это Валентина молодец. Но я хочу сказать, что завтра вам не придется ко мне ехать...

— Вероятно, потому, что вы сами примчитесь ко мне, — не дала мне договорить Зоя Алексеевна. — Прямо в театр.

— И не подумаю! Я еду... в дальние края. На место действия моей будущей повести. Так сложились обстоятельства. Меня там ждут.

— Но это неправильно! Это несправедливо! Пусть тот, кто вас ждет, немного потерпит.

— Это невозможно. Если я задержусь, то меня там уже некому будет ждать, человек уедет.

— И все-таки я не понимаю! В такой момент, когда вы очень нужны именно здесь, куда-то вдруг умчаться. И если за этим что-то кроется, Наташенька...

— Тогда что? Уж не угрозу ли я слышу? Кстати, кем вам приходится артист, умерший от инфаркта?

— Виталий Ганкин, пока неизвестно от чего нас так спешно покинувший, — я это подчеркиваю — мой брат. Двоюродный. Наши отцы —

родные братья. Были. Я плохо знала Виталю, честно скажу. Мы редко общались, а когда встречались, между нами не наблюдалось особых родственных чувств. И территориально мы были далеки друг от друга, и духовно. Но он знал, чем я занимаюсь, и не так давно мне позвонил. Про жену рассказал. Про то, что она ушла от него. Он не понимал, в чем дело. И когда с ним сегодня это произошло... Я, конечно, не утверждаю, что тут есть какая-то связь, но меня все это очень взволновало. И я рассчитывала на вашу помощь.

— Возможно, я еще успею вам помочь. Думаю, что вернусь быстро.

— Это хорошо.

Чтобы утешить Зою Алексеевну, я рассказала ей о своем разговоре с Валентиной. И тут же позвонила своей замечательной подруге.

— Валя, даю отбой. Сейчас уезжаю на московском поезде.

— А чего это ты так заспешила? От чего бежим? Или от кого?

— Нет — к чему и к кому. Все хорошо. А ты свяжись с Зоей, она ждет. Думаю, что я к вам позже присоединюсь и сумею принести пользу. Пока! Мне еще надо успеть позвонить хорошему человеку, чтобы меня встретил. Встретила.

— Ничего непонятно, но — удачи! А с Зоей сейчас свяжусь. Так соскучилась по своему делу, просто нет сил! Видела бы ты меня сейчас. Глаза горят.

— Душа пылает. И сердце рвется в бой!

— Ну, примерно так.

— Удачи!

Все. А теперь на несколько минут надо уйти в прошлое. Настроиться на тот самый город. Театр. На Людмилу, жившую тогда чуть ли не под сценой, в полуподвальном помещении, и угощавшую меня оладьями на каком-то непонятном жире. Вот сколько лет живу, а таких замечательных оладий мне не удалось испечь ни разу.

Интернет выдал мне телефоны театра. Решила позвонить на проходную, в дирекции, верно, уже никого нет — поздно. Ответила девушка. Я стала уговаривать ее дать мне Людмилину телефон, объявив себя ее давней подругой и так далее, но она тут же меня прервала и сказала, что как раз кончилась репетиция, и Людмила находится рядом. Вот это удача!

— Людмилочка... Милочка... Моя дорогая щемилочка... — Именно так я называла ее тогда. — Завтра я буду в вашем городе.

— Хорошо. Будь, — коротко ответила она.

Вот и все. Ни вопросов — зачем да почему, ни приглашения. Но я решила не отступить.

— И мне бы очень хотелось с тобой... с вами увидеться.

— С вами — это ты имеешь в виду меня и мужа моего? Но я его недавно похоронила. Совсем недавно.

— Людочка, я все поняла. Может быть, ты меня встретишь? И сейчас дашь мне номер своего мобильного телефона?

— Конечно, встречу. У нас два поезда из Москвы, днем и ближе к вечеру. Ты на каком приедешь?

— Не знаю, билет еще не брала. Только вот из дома выхожу, в своей деревне.

— Ты что, живешь в деревне? А как же сцена?

— А со сценой я распрощалась еще тогда.

— Понятно. Звони. — И она продиктовала мне свой номер.

Такси медленно катилось по деревенской улице, выехало на шоссе и помчало меня на вокзал, а оттуда — в полную неизвестность. Все правильно — именно там скрываются самые загадочные события и хранятся неизвестные тайны...

Глава 3

Еще одна загадка!

Город встретил меня теплом, не то, что в моих северных краях, и совершенно неузнаваемой Людмилой. Господи, что же такое она пережила?! Конечно, смерть мужа, но... Тогда они, честно говоря, жили не очень дружно.

— Не смотри на меня так. У меня все рухнуло. Я осталась без опоры. Не знаю, как и хожу по земле. Каждый миг думаю — вот сейчас пошатнусь, упаду, и — конец.

— Но почему?

— Степочка мой ушел... Степochку я потеряла. На моих руках умер. Я все в него жизнь вдохнуть пыталась. Молила Бога — у меня забрать хоть сколько лет, мне не жалко, и ему отдать.

— Прости, я запамятовала. Забыла, что твоего мужа звали Степаном.

— Ой, Наташ, да ведь ты не про того думаешь. Тот-то, первый, который еще при тебе был, ушел к костюмерше — помнишь, толстенькая такая у нас была, колобушечка. Они отсюда вместе и уехали-то. А я и не печалилась, я тогда Степochку встретила. В ДК железнодорожников, где мы спектакли играли, пока в театре ремонт шел. Помнишь? Он мне букет принес за кулисы. Все вроде банально. И спектакль был неважный. А как глаза его увидела... Я ведь из театра ушла, несколько лет у них на заводе работала, вела драмкружок. Так директор наш уговорил в театр вернуться. Да и муж его поддержал. Стой, а мы куда идем? В гостинице, что ли,

хочешь поселиться? Ты это брось, Наталья! Я ведь одна в пустой квартире, так что давай ко мне.

Конечно же, я согласилась и тут же направилась в сторону театра.

— Нет, нет! Мне давно дали маленькую квартирку. И у мужа была. Так что мы две поменяли на такие апартаменты! Сейчас увидишь.

Квартира действительно была хорошей и просторной. А мебель меня просто потрясла, такой я не видела ни в одном магазине.

— Это все Степочка. У нас ведь во дворе — мастерская, рядом с гаражом. Подойди к окну, тут видно.

Я подошла и увидела аккуратный домик, прилепившийся к цепочке гаражей. Он был основательный, кирпичный. А за ним возвышалось такое знакомое мне здание театра. Я мысленно представила, как подхожу к нему, поднимаюсь по лестнице, открываю огромную дубовую дверь, и... И как будто оказываюсь на том месте, где меня когда-то, предположим, укусила собака. Скверно. Непредсказуемый поворот. И непереносимый звон в ушах. О, да это звенят бокалы!

— Посмотри, какая красота. Степочка купил. Сейчас мы его и помянем. А ты что дрожишь?

— Да театр увидела.

— И что?

— Ганкина вспомнила.

— И что?

— Умер. Я, собственно, из-за этого и приехала.

— А-а-а... Логика не вижу.

— Люд, ты хоть книжки мои читаешь?

— А ты что, их пишешь?

— Здрасьте вам! Да я уж штук тридцать издала. Детективы, авантурные повести и романы. Я с собой кое-что привезла, считаешь на досуге.

Наш дальнейший диалог передать невозможно — рассказ Люды о муже смешивался с моим «захлебом» о приключениях в рамках криминальных расследований, сценические творения в местном театре подвергались хозяйкой дома резкой критике, я добавляла к ней свою — уже по поводу столичных премьер. Наконец из этого поминально-сценического действия вдруг выплыл вопрос:

— А Ганкин-то здесь при чем? Он ведь давно у нас не работает.

— Ага. Ты еще скажи, что все здесь и думать о нем забыли! — сыронизировала я.

— А некому помнить. Одна я из той труппы осталась. Все новые.

— Так в других местах помнят. Куда уехали, там и помнят.

— Ну да, конечно. Только я убедилась — не надо помнить плохое. Выкинуть из головы, и все!

— Я давно и выкинула. Но вдруг вчера, нежданно-негаданно, увидела его на репетиции. — И я рассказала Людмиле обо всем, что произошло в театре. Все выложила, до мелочей. — Теперь назревает версия, что это я его убила. А я даже и не подходила к нему, понимаешь? И вообще загадка — он узнал меня раньше, чем я его. И еще, он сильно испугался. Увидел меня и испугался. Вероятно, потому и инфаркт. Сейчас там раскручивают это дело, у него сестра — частный детектив, след может быстро привести ко мне...

— А что, может и не привести?

— Может. Я пришла в театр с пьесой, хотела отдать. И не назвалась. И пьесу не оставила. А поскольку я сама не раз раскручивала такие дела, то и не стала сидеть на берегу как безмолвная Аленушка, а отправилась к тебе. Пока ехала, сто раз убедилась — он умер от испуга. То есть, сердце остановилось от испуга. От ужаса даже. Но чего ему меня бояться? И вообще, у меня сложилось впечатление, что он все эти годы ждал моего появления, словно кары небесной. Но почему? Я ведь уехала молча, без всяких проклятий и обещаний отомстить.

— Да. Как ни странно, я все это помню. Он ведь после тебя сильно переменялся. И, быть может, мы узнаем, почему. Если она еще жива... Мария. Ходили слухи, что она очень больна...

— Какая Мария? Ты о чем?

— Экстрасенс. Провидица наша местная. Он ведь... Витолан... Помнишь, я говорила, что влюбился он в тебя, а ты не верила. Но, похоже, я тогда права была. Потому что, когда ты уехала, его будто подменили. В церковь ходить начал. Даже на сцене стал какой-то странный. Играл без запала.

— Так ведь Дракула! Лишился жертвы.

— Ну да, похоже. Но он мог новую жертву найти. А не стал. Уволился он от нас тогда быстро. После тебя всего несколько месяцев продержался. И уехал. Куда, зачем — ни с кем не поделился...

— Ты начала что-то про Марию...

— А чего про нее говорить-то? Если ты не устала, собирайся, да и пойдем к ней. Дело, конечно, давнее, но она, говорят, все помнит. И его должна помнить. Он к ней ходил. Никто в театре не знал, кроме меня. Образок он у меня брал. Заветный, что я из монастыря тогда привезла. Помнишь, ездила молиться, чтобы ребеночка родить... Вот этот образок ему и дала. Подумала — мне не помог, так пусть другим поможет. С образком он к Марии и отправился...

— Ну, и...

— И не знаю ничего. Сейчас вот у Марии постараемся узнать.

Мария жила на последнем этаже — пятом. Лифта в доме не было. Поднимаясь вверх, встретили женщину, из пакета которой выглядывали прозрачные упаковки с изюмом и курагой. Она прошла мимо нас, явно чем-то расстроенная.

— Наташ, похоже, нет ее. Видишь, обратно сухофрукты несут.

— При чем здесь это?

— Так ведь она, если берется человеку помочь, просит принести изюм и курагу. И еще расческу. Это все в церкви освящает, а потом обратно отдает — чтобы ели и этой расческой причесывались. Тогда ее сила проявится.

— Может, эта женщина и несла все уже освященное?

— Нет. Видела же, она чуть не плакала. Ну, вот и пришли.

Мы постучали, без всякой надежды на ответ. Но дверь неожиданно открылась, и на пороге показался мальчик лет десяти.

— Если вы к маме, то она болеет и никого не принимает.

— Но мы, Ваня, не лечиться пришли. Нам просто поговорить с ней надо, спросить кое о чем.

— О чем именно? Говорите, я маме передам. А вы здесь пока подождите.

— О Виталии Ганкине, артисте из театра. Он у нее был много лет назад.

— Понятно. Ждите.

Ваня ушел в комнату и вскоре вернулся, приглашая нас войти. Мария, худенькая, маленькая женщина, внешне не выглядела больной. Лишь глаза говорили об этом — огромные, печальные, таящие какую-то безысходность.

— Давайте сразу к делу, — заговорила она. — Я помню этого Ганкина. Мне было с ним очень трудно. Слишком много на его счету оказалось мерзких дел, и вел он себя, мягко говоря, нехорошо. Я долго просила высшие силы смягчить его участь, но мне не разрешили оставить его чистым, без наказания. Я так ему и сказала.

— А что именно вы ему сказали? — спросила я.

— Я тогда мало с ним говорила, в основном — он, и все про вас, значит, Наталья. И все-таки полного раскаяния я не уловила. А ведь через меня информация-то идет. И мне было сказано, что жив и относительно здоров он будет до той поры, пока не встретится со своей последней жертвой лицом к лицу. То есть, с вами. Думаю, все эти годы он жил в страхе. Скорее всего, узнавал про вас — где живете, чем занимаетесь, чтобы случайно не встретиться.

— Надо же... Вон ведь как все повернулось... Но театр, где он работал, совсем недалеко от моей деревни. Я живу теперь в деревне. Пишу там книги.

— Знаю. Я уже все о вас прочла. В роду у вас все долгожители, так что на здоровье долго еще жаловаться не будете. А вот семейное дело, о котором вы часто думаете, очень грязное. Я имею в виду то, что связано с наследством. Наследники недостойные.

— И... что?

— Не могу сказать. Крыс там много бегают. А крыса — животное удивительное. Она может на себя принять сигналы, мне предназначенные. А вы пока продолжайте заниматься своим делом. Пишите. Я вижу вашу новую книгу. Возможно, она будет называться «Бумеранг» или как-то по-другому, но напишете вы ее тогда, когда найдете жену Ганкина.

— Так она жива?

— Да. Потеря памяти. Она где-то... то ли в Ивановской, то ли в Костромской области. Вижу деревню. Речку. На берегу — то ли санаторий, то ли больница. Сосны высоченные. Мост через реку. Дорога через этот мост, шоссе. Путь к золоту... Путь к золоту...

— А что это такое?

— Не знаю. Шоссе — путь к золоту. Может, прииск какой-нибудь неподалеку. Но ведь это центральный регион, здесь золото не добывают. Тут что-то другое. Надо думать.

— А с чего мне начать поиск этой жены? Я даже не знаю, как ее зовут. И искать ее совсем не планировала.

— Но... у вас с ней есть какая-то связь. Я больна, и возможностей у меня мало. Не смогу этого узнать. А с чего начать... Но ведь вам виднее, вы много разных криминальных дел расследовали. И тут все получится. Подключите своих подруг. Нет, нет, не удивляйтесь, о подругах я просто прочла в ваших книгах. Тут нет никаких «сверхзнаний». А сейчас, простите, я очень устала. — Мария неожиданно повернулась к Людмиле, до этой минуты не проронившей ни слова: — А вы готовьтесь к новой жизни. Вам сколько лет?

— Сорок два уже.

— Скоро у вас появится сын. Готовьтесь.

— Да что вы, ведь я мужа только что похоронила...

— Мне повторить?

— Мария... да я... я на колени перед вами встану... Ножки вам мыть буду... Но Степочка был очень болен. Сынок-то болеть так не будет?

— Не могу сказать. По той же причине, по какой не могу определить, где сейчас жена Ганкина.

Вдруг она изменилась в лице, застонала и закричала:

— Нет, нет, не может быть! Я не ошиблась, она жива! Не может быть!

В комнату вбежал Ваня, стал успокаивать мать. Мы все-таки осторожно поинтересовались, в чем дело.

— Я увидела ее в морге. Четко и ясно. Но она жива. Тут у меня не может быть ошибки. Жива. Ищите. И ты ищи, Людмила. Это тебе пользу принесет. Укрепит твоего мальчика. А то ты сидишь да горюешь, а ему эта горечь передается. Хорошо на мир смотри. По-доброму. С улыбкой. Тогда и ему хорошо будет.

— Может, нам с моргов поиски-то и начать? — рискнула я спросить напоследок.

— Быть может... Но... Вам надо учесть, что я работаю сейчас вполсилы. И этот морг... Возможно, он был в судьбе женщины вовсе не сегодня, а несколько недель, а то и месяцев назад. Это важная поправка. Живую ищите. А теперь оставьте меня!

Людмилу буквально оглушила новость о ребенке, и она плохо воспринимала мои предложения тотчас же поехать и присоединиться к Зое Алексеевне и Валентине. Мне тоже казалось, что это ей не особенно и нужно. Но раз Мария сказала, что это укрепит ее мальчика...

— Укрепит. Конечно. Давай-ка зайдем в театр. Я заявление оставлю. Об уходе.

— Может, отпуск оформишь?

— А не хочу! Надоело все это лицедейство! Ума на сцене не стало, понимаешь? И находки этих новых режиссеров, которые почему-то обычные мысли и чувства воспринимают в извращенном виде. Противно! Пойдешь со мной? Душа-то не дрогнет?

— Пойду.

Театр грациозно возвышался над площадью, опираясь на нее изящными белыми колоннами. Та же дубовая дверь, тот же кабинет директора. Я решила подождать в зрительном зале, пока Людмила утрясет свои дела. На это у нее ушло много времени — директор, оказывается, просил подождать хотя бы месяц, чтобы подготовить замену, так как Людмила была занята в трех спектаклях.

В результате она все-таки была отпущена на свободу. С трудовой книжкой, выловленной в глубине директорского сейфа. Мы вышли из театра и встали под колоннами. Нам явно хотелось чего-то красивого и праздничного, чтобы отпраздновать свои неслабые повороты в судьбе, и мы решили отправиться в ресторан. Он назывался «Ласточка-касаточка» и был украшен весьма оригинально — на «проводах» из тонких веревок сидели искусно сделанные ласточки, которые время от времени передвигались и взмахивали крыльями. На стене было огромное панно с изображением знаменитого крымского Ласточкиного гнезда. Но сесть за столик мы не успели, потому что я вдруг остановилась и застыла как вкопанная, онемела, не веря собственным глазам! Но они меня не обманывали. Именно там, где мы

остановились, разглядывая зал, висело несколько портретов. И на одном из них... Господи, вот я сейчас пишу об этом, и меня душит волнение — на одном из них, оказавшимся прямо передо мной, была изображена... я!

— Что за бред?! — нарушила эту немую сцену Людмила.

— Ничего не понимаю...

— Наташ, а ты точно никогда здесь не была?

— Точно. Смотри, даже родинка моя.

— Сережки другие. У тебя без камешков.

— Да. Другие. Давай найдем администратора или кого-то еще, спросим, что, почему и откуда?

Но администратор подошел к нам сам, удивленный, видимо, тем, что мы не проходим в зал.

— Пожалуйста, дамы, проходите. Вы к нам, вижу, впервые. И не ошиблись в выборе — у нас прекрасная кухня и...

— Нас заинтересовали портреты, — взволнованно заговорила я. — Вот этот, в частности. Кто на нем изображен?

Он переводил пораженный взгляд с портрета на меня и обратно. Потом осторожно заметил, что серьги другие. И лицо на портрете несколько... моложе.

— Но кто это? И почему портрет висит именно в вашем ресторане?

— Ну а почему ему тут и не висеть? Красивое лицо... Радует. Поднимает настроение. Возможно, это кто-то из наших постоянных посетителей. А, может, из тех, что здесь работали. Я здесь недавно работаю, старых сотрудников не знаю.

— Портреты без подписей. Без названий. Даже странно, — заметила Людмила.

— Да. Странно. Но мы тут все новые, кроме уборщицы. Сейчас я ее сюда приведу.

Уборщица оказалась миловидной и красиво одетой женщиной, все свои рабочие причиндалы она оставила, так сказать, за кулисами. Администратор подвел ее сразу к моему портрету:

— Вот, дамы интересуются, кто это.

Женщина посмотрела прямо на меня и вдруг спросила:

— Что, опять сбежала? Но я тебя уже пустить не могу. У меня сын женился, дите родили. Мне тебя и положить-то негде будет.

Я сумела быстро убедить ее, что на портрете — другой человек, и мы не знаем, кто именно.

— Ну, раз это не вы, значит, Ирка. Е-мое, похожи-то как!словно близнецы-братья, то есть, сестры. Работала она тут. А у нас художник был, зал этот оформлял, он все эти портреты и развесил.

— Что, все они тут работали?

— Нет. Она одна. Остальных не знаю, где он взял. Говорил — есть стена плача, а у нас будет стена красоты.

— А как ее фамилия?

— Шилова. У меня жила. То приезжала, то уезжала. Откуда — не знаю. Приедет — здесь работает. Потом вдруг снова уезжает. Так несколько раз. Я ее к себе на квартиру пускала. Это она все от мужа бегала...

— А тут-то она что делала?

— Официанткой была.

— Не говорила, почему именно в этот город приезжала?

— Нет. Но странная она была. Я как-то увидела ее на улице. Идет, сама с собой разговаривает, руки вверх протягивает. Все на нее оборачивались, а ей хоть бы что.

— А не оставляла у вас Ирина каких-то своих вещей?

— Да нет. Книжку только одну. Но я не смогу ее показать, кто-то взял и не вернул.

— Не помните, о чем там написано? Сами-то читали?

— Некогда мне читать. А называлась она «История театра».

Ну, надо же! «Мой» портрет возымел дополнение. Мы поблагодарили женщину и прошли-таки в зал. Кухня в ресторане действительно была превосходной. Но лично я вышла оттуда под тяжестью неведомой ноши — на мне повисла еще одна загадка... Вообще-то свет в конце этого тоннеля был, и не такой уж слабенький...

Глава 4

Бегство в неизвестность

Очень, очень холодно. Спину словно пронзают острые льдинки. Да что же это, почему? Она хотела пошевелить рукой, но пальцы не слушались и продолжали пребывать в каком-то окостеневшем состоянии. Другая рука была хоть немного управляема, она ее приподняла вместе с белой простыней, которой было накрыто все ее тело. И вовсе не на кровати, либо диване, либо на чем-то другом, пригодном для отдыха человека, а на высоком металлическом столе. Интересно, как она здесь оказалась? И что это вообще за помещение? Правая рука тоже стала поддаваться ее воле и зашевелилась. Но тут она ощутила боль. А еще на пальцах оказалось что-то очень липкое и густое. С характерным запахом. Он был ей знаком, но она не могла вспомнить, с чем именно связано это воспоминание. Она постаралась

приподняться, однако боль в груди не дала этого сделать. Она что, заболела? Ее, видимо, привезли в больницу... Но это помещение не было похоже на больничную палату... А боль, между тем, все усиливалась. Грудь обжигало, словно пламенем...

Она уцепилась за края стола, прижала локти к его металлической поверхности и, напрягшись, попыталась подняться. Попытка оказалась неудачной. Чуть приподнялась голова и тут же вновь упала на стол. И вторая, и третья попытки тоже были тщетны. Но в какой-то момент у нее получилось задержаться на локтях, и она, с трудом спустив со стола ноги, упала на колени. Пол оказался таким же холодным, как и стол. Она стала подниматься, пристально вглядываясь в темноту, затем, выдвинув вперед руки, дошла до стены и, шаря по ней, наткнулась на железную палку, похожую на вешалку, на которой висела какая-то ткань, похоже, больничный халат. Она надела его на свое обнаженное тело и, не успев подумать, что хорошо бы еще наткнуться на тапочки, как тут же наступила на них. Правда, они оказались резиновыми, но какая разница! Вслед за тапочками наступала и дверь. И — какое счастье! — в замочной скважине торчал ключ! Протянув руку, она повернула его, и дверь тут же открылась. За ней оказался бетонный спуск, а слева и справа — ступеньки. Она осторожно спустилась и пошла по дорожке, посыпанной гравием. Мелкие камешки за скакивали в тапочки, кололи ноги, было больно, грудь тоже разболелась еще больше, но она упорно шла, не зная куда. Зачем — понимала. К людям. За помощью. Пройдя мимо темного здания без единого огонька, вышла на широкую асфальтированную дорогу. Она была неплохо освещена. Куда дальше? Впереди невдалеке поблескивало какое-то металлическое сооружение, вероятно, там была автобусная остановка. Так и оказалось. Она присела на лавочку, не зная, что делать дальше, но тут прямо перед ней остановился маленький автобус, дверь открылась, и из нее вышел какой-то мужчина. Она осторожно, чтобы избежать сильной боли, поднялась в салон, села на заднее сиденье и, неожиданно для себя, задремала... Сквозь дремоту слышала, как вернулся мужчина — это оказался водитель, — и автобус, заурчав, тронулся с места. Она открыла глаза и невольно застонала. Автобус резко остановился, и удивленный водитель повернулся в ее сторону:

— Эй, ты кто?

— Не знаю...

— То есть, как не знаешь? Да ты... сбегала откуда-то, что ли?

— Не знаю...

— И чего мне с тобой делать прикажешь... Э, да ты вся в крови!..

— Мне бы в больницу...

— Так ведь я из-за тебя влипну в неприятности. Ты вот что. Сейчас поселок будет, там есть телефон, и я вызову тебе «скорую». А сам, извини уж, дальше поеду.

Минут через пятнадцать она уже сидела на большом валуне возле телефона-автомата. Водитель не обманул — вызвал «скорую». Ее положили на носилки и понесли в машину. Она слышала обрывки разговора — очевидно, по рации:

— Ножевое ранение... Документов нет... Никакой информации. Приготовьте место...

А потом опять наступила темнота, и она словно куда-то провалилась...

Очнулась от возмущенного мужского голоса:

— Позвоните! Это ваша обязанность! Надо узнать, все ли беженцы на месте. Может, она одна из них.

— Беженцы к нам едут с документами, — вещал женский голос. — И давайте не будем фантазировать.

— Да люди из-под пуль убежали в чем были... Может, ей удалось как-то, минуя все посты...

— Может. Вот придет в себя, и узнаем. А пока, слава богу, у нас полный шкаф одежды для бомжей. С питанием тоже нет проблем. Полиции доложили. Приедут. Интересно, кто ее так?

Она лежала, слушала и сама попыталась ответить на этот вопрос — действительно, кто? Но... Не память, а сплошной туман. Она помнит все лишь с того момента, как очнулась в темной комнате на металлическом столе. Такие столы обычно бывают в моргах. Может, она и находилась именно там? Надо прийти в себя, надо хотя бы понять, кто она такая...

— Кажется, она приходит в себя, — сказал мужчина.

— Прекрасно! Не уходите. Давайте вместе попытаемся с ней поговорить. Состояние больной вполне позволяет это сделать. Женщина, мы видим, вы очнулись. Теперь вам не о чем тревожиться, вы — в хорошей клинике. Но нам бы хотелось узнать, кого мы прооперировали. Как вас зовут?

— Не знаю... Не помню...

— Нам очень жаль, что вы без документов. Поймите, мы тогда не сможем провести длительное лечение. А вы в нем явно нуждаетесь. Людей с потерей памяти отправляют в специализированные интернаты. Так что вы уж постарайтесь...

— Помню, очнулась в какой-то темной комнате, где лежала на столе... раздетая. Как и почему там оказалась, не знаю. Еле выбралась. Халат нашла и тапочки. В автобус какой-то залезла. Уснула там.

— Уснули. А сны вам снятся?

— Да. Вот сейчас видела...

Тут вмешалась женщина:

— И чего же вы видели во сне? Или — кого?

— Себя...

— О, это интересно! А что с вами там происходило?

— Не знаю. Я только слышала крик и какой-то взрыв...

Тут в палату вошел мужчина и заявил докторам, что не стоит тратить время зря, что разбираться с этой больной — дело полиции, которая вскоре здесь появится. Судя по его командному тону, это, видимо, был главврач. Ее оставили в покое, и она тут же снова уснула...

Глава 5

Проделки старой дамы

Анфиса Михайловна Кривец была упрямой и вредной старой дамой вовсе не от своего устойчивого, хронического одиночества. Нет, этому положению она даже радовалась, часто обсуждая со знакомыми, какие нынче ужасные дети и внуки, как не уважают они старших и стараются по мере своих возможностей и уровня нравственности поскорее от них избавиться. А поскольку примеров, когда родные дети сдают родителей в дома для престарелых, а то и определяют в психушки, было немало, то Анфиса Михайловна чувствовала себя королевой разумных решений и правильных жизненных ориентиров. И надо сказать, что жизнь этой дамы не была тусклой. Она быстро уяснила себе фигурально — каждый день из простого алмаза можно получить бриллиант и наслаждаться им долго-долго, как и настоящим драгоценным камнем. И делать это можно очень просто за чужой счет. Она никогда не откладывала на завтра то, что можно было сделать сегодня. И вот уже с помощью знакомых по их многоэтажному дому, да и по соседним домам тоже, расползлись слухи, что она ищет верных людей, уважающих старость, некорыстных, способных делать добро, чтобы заключить с ними договор ренты и таким образом передать в их владение свою двухкомнатную квартиру. А квартира, надо сказать, у нее была чудо как хороша. В свое время, намучившись в старой развалюхе, предназначенной под снос, она получила однокомнатную квартиру. Однако верные люди ей передали, что дом этот сносить не будут, и она провернула, как считала, главное дельце своей жизни — старое жилье, которое тогда все еще числилось за ней, и новое, на которое уже успела получить ордер, успешно поменяла на «двушку».

Первую волну желающих ухаживать за ней и как можно быстрее заключить договор ренты она выдержала успешно. Люди приходили с подарками,

приносили много продуктов, медикаментов. Старались ей понравиться, войти в доверие. Холодильник ломился от разных яств. Анфиса Михайловна не успевала все это съесть, приглашала подруг, соседей. Все вместе подшучивали над доверчивыми молодыми людьми, которые приходили к Кривец с надеждой на собственную крышу. Но Анфиса Михайловна тянула время, и поток дарителей стал ослабевать, а потом и вовсе иссяк.

Новую волну неугомонная Анфиса Михайловна вызвала тем, что «по секрету» сообщила, кому надо, — мол, ждала родственников, хоть и дальних, а они не откликнулись, и вот теперь уж она обязательно выберет хорошего кандидата и вручит ему свою квартиру на «блюдечке». Надо сказать, что вторая волна была слабее первой, однако и там оказались достойные люди. Особенно ей понравились двое. Одиноким молодой человек с угрюмой внешностью, Денис, просто преобразался, когда оказывался на ее кухне и творил там чудеса из своих же продуктов. Он был немногословен, и когда кормил Анфису Михайловну, то смотрел на нее с нежностью, как на ребенка. И еще — девушка, Ольга, медсестра. Она даже капельницу принесла и сказала — пусть, мол, стоит, может, пригодится, чтобы в больницушний раз не ехать. Однажды они у нее встретились, вместе приготовили ужин, и Анфиса Михайловна впервые ощутила себя в родной семье. И ей впервые захотелось удержать этих людей возле себя. Обоих. И она придумала, как это сделать.

К нотариусу Анфиса Михайловна отправилась с Денисом. А когда договор был подписан и получен обеими сторонами, попросила новоиспеченного владельца никому об этом не говорить, мотивируя свою просьбу тем, что среди претендентов были очень плохие люди, которые могут отомстить Денису. Надо сказать, что медсестра нравилась ей больше, но чувствовалось, что на ее средства особо не пошикуешь. Однако терять ее совсем не хотелось, и в один прекрасный день Анфиса Михайловна попросила Олю съездить с ней в небольшой городок — якобы своего детства. Оля поехала. В этом городке, разыграв нахлынувшие вдруг на нее чувства, Анфиса Михайловна заявила, что хочет немедленно составить завещание, по которому ее квартира перейдет к девушке в положенный срок. Ольга была растрогана до слез. Нотариусу был представлен договор мены двух однокомнатных квартир на двухкомнатную и документ о ее приватизации. А вот самый главный документ, подтверждающий владение квартирой, оказался копией. Но это почему-то не смутило нотариуса. Тысячу рублей за составление завещания хотела оплатить сама Оля, но у нее не оказалось нужной суммы, и сделку оплатили пополам. Благодарная девушка расцеловала Анфису Михайловну и заверила, что та всегда может на нее положиться.

Действительно, Оля добросовестно выполняла, как считала, свой долг. Ту же повинность нес и Денис. Анфиса Михайловна понимала, что когда-нибудь они могут узнать об ее афере — в случайном разговоре, например. Но держать оборону она всегда умела — скажет, что совершенно не понимает, что же здесь плохого, если молодые люди поделят ее квартиру. Ей вроде бы невдомек, что по договору аренды ее квартира уже принадлежит Денису. Кстати, она составила график их посещений и старалась, чтобы он четко выполнялся.

Все эти проделки позволяли Анфисе Михайловне жить на пике экстрима, она всегда была в тонусе, глаза горели, хотелось творить, путешествовать, придумывать новые трюки. И хотелось поддерживать этот тонус, чтобы жизнь не казалась пресной. Однажды ее соседка объявила, что составила дарственную на свой гараж. Анфиса Михайловна вскинулась — дарственная! Вот чего ей не хватало! Собрав заранее те же самые документы, что и для завещания, она стала искать жертву. Искала не в своем доме и не в близлежащих домах, где привыкли видеть спешащих к ней Дениса и Ольгу. Искала, как говорится, на дальних рубежах. И нашла молодого компьютерщика Олега, имеющего комнату в каком-то общежитии. Узнав, что одинокая старушка ищет, кому бы подарить свою квартиру, а также хочет овладеть компьютером, чтобы ей не было одиноко, он тут же пошел на риск и купил ей ноутбук, а затем оформил подключение его к Интернету. Ученицей бабушка оказалась хорошей. Олег открыл ей страницу на сайте Одноклассники, и Анфиса Михайловна стала преображаться на глазах. Но его интерес к ней следовало подогревать, и как-то Анфиса Михайловна попросила Олега сопроводить ее в один из маленьких городков области — ей якобы захотелось посетить там музей, в котором должны быть материалы о ее родственнике, погибшем еще в Первую мировую войну. Олег с ней поехал, и там в отлично сыгранном порыве благодарности Анфиса Михайловна озвучила свое решение — подарить ему квартиру. Тут же была найдена нотариальная контора, где и оформили дарственную. Счастливый Олег был готов носить Анфису Михайловну на руках. А она... Ах, как она жалела о том, что не увидит грандиозной баталии между Денисом, Ольгой и Олегом, ибо произойти она может лишь после ее смерти. Зато наслаждалась тем, что представляла себе, как все будет. Угрюмый Денис, скорее всего, отступит. Ольгу, серую мышку, съест Олег. Не так он прост и спокоен. Анфиса Михайловна порой чувствовала его агрессию. Можно подлить масла в огонь и отказаться от договора аренды. Расторгнуть его. Тогда Денис страшно разозлится — он ведь выполняет этот договор, придраться не к чему. Можно изменить завещание, либо вообще его ликвидировать. Тогда исчезнет Ольга, с ее лекарствами, массажами

и капельницей. Но кому от этого будет хуже? Ей же самой. Лучше оставить всех троих и тасовать их, словно карты.

Первым некую напряженность обстановки почувствовал Денис и решил поговорить с Анфисой Михайловной откровенно.

— Вы как-то изменились. Вас что-то гнетет, я чувствую. Может, нужна моя помощь? Я ведь врач, работаю в вашей больнице.

Анфиса Михайловна отнекивалась, уверяя, что ему показалось.

— Но я хочу открыть вам свое сердце, — продолжал Денис. — Анфиса Михайловна, я помогаю вам вовсе не из-за квартиры. У меня достаточно денег, чтобы купить себе жилье. Просто однажды я, как бы это помягче сказать, принес одному человеку горе своим необдуманном поступком. И вот, идя к вам, каждый раз прошу у Бога прощения. Вы мне нужны больше, чем я вам.

Ничего внятного она ему тогда не ответила. Но призадумалась. Уж не преступник ли он какой? Но рассудила просто — раз на свободе, значит, не преступник.

Однажды Денис пришел тогда, когда у нее задержалась Ольга — старушке действительно требовалась капельница. Они вышли от нее вместе, и Анфиса Михайловна слышала, как Ольга спрашивала у Дениса, кем он приходится ее подопечной, и его ответ — помогаю, мол, старой даме от чистого сердца. Не забывал ее и Олег, приходил, когда ему вздумается, поскольку жил далеко, а ноутбук требовал избавления от вирусов и прочих полезных действий.

Такая беспокойная жизнь очень даже устраивала Анфису Михайловну. К тому же она начала настоящую войну с Зарой, их дворником. Нет, Анфиса Михайловна понимала, что Зара убирается очень даже хорошо, после запойного мужика, которому долго не могли найти замену, она преобразила весь двор, добилась постройки специального отсека для мусора, и теперь на асфальте и на газонах простая конфетная бумажка — нонсенс. И все аккуратно завязывают мешки с мусором, прежде чем отправить их в мусоропровод или вынести на улицу. Но почему, почему эта Зара начинает мести улицу так рано, в пять-шесть часов утра? Кто ей давал на это право? Она, Анфиса Михайловна, в это время еще спит. Да и не только она. Зара оправдывалась — в доме почти все жильцы работают, в семь часов многие уже мчатся из дома, и чистота под ногами — это хорошее настроение на весь день.

Так получилось, что именно Зара поведала Анфисе Михайловне о прошлом Ольги — жила, дескать, в далеком маленьком городке на Волге, куда съезжаются летом толпы туристов, и стала там жертвой страшной трагедии. Дело в том, что молодой человек, которого она очень любила,

в один прекрасный день сообщил, что их семье — а жил он с матерью и сестрой — выделили квартиру, и он решил ее посмотреть. Ольга была чем-то занята и отказалась с ним идти. Он отправился один в пустую квартиру. Однако она оказалась вовсе не пустой — там расположилась его сестра со своими друзьями. Все они были уже пьяны. Молодой человек не удивился — сестра давно связалась с дурной компанией, и они с матерью ничего не могли поделать. Он уже собрался уходить, как вдруг увидел, что вся эта пьяная мразь мужского пола полезла к его сестре. Поняв, что будет дальше, он кинулся к ним. Все произошло молниеносно — нож вонзился ему в самое сердце...

— Уж как Ольга-то корила себя, что с ним не пошла! — восклицала Зара.

Анфиса Михайловна поинтересовалась, откуда дворничиха про это знает. Оказывается, она как раз в то время отдыхала в санатории, где работала Ольга. Несколько дней весь город говорил об этой трагедии.

— Видно, она потом не смогла там жить. Тяжко ей было. Вот и уехала.

— Зара, а Ольга тебя узнала?

— Вряд ли. Я у нее была-то всего на двух-трех процедурах.

— Интересно, что потом с этой семьей стало, а? Наверное, та девица, сестра-то убиенного, протрезвела на всю жизнь.

— Девица... Она намного старше своего брата. А вы, Анфиса Михайловна, сами можете у Ольги все спросить. Глядишь, она вам и расскажет. Теперь уж наверняка улеглось все, времени-то немало прошло.

Так Зара открыла еще один поворот в напряженном, но уже устоявшемся бытии Анфисы Михайловны. И старая дама не замедлила им воспользоваться. Как только Ольга пришла к ней в очередной раз, она усадила девушку за стол, чтобы вместе попить чаю, и начала неспешный разговор. Издалека.

— Олечка, вот ты за мной так ухаживаешь, столько для меня делаешь! Времени своего не жалеешь. Доброе у тебя сердечко, значит. Хорошая ты. Не озлобилась.

— А... почему я должна озлобиться? И на кого?

— Ну, не каждому же в жизни выпадают такие потери, как тебе...

— Да о чем вы, Анфиса Михайловна? Я не понимаю.

— А ты не скрывай, милая. Ты лучше отведи душу, все легче будет. А то небось плачешь по ночам-то, вспоминаешь своего любимого... Убиенного...

— Да никого я не вспоминаю. Вы меня с кем-то спутали.

— Да нет, милая, не спутала. — И Анфиса Михайловна произнесла название городка, в котором произошла трагедия.

Однако девушка никак не отреагировала на эту уловку и продолжала спокойно пить чай, нахваливая печенье, купленное, кстати, Денисом.

— Бывала в городе-то том, а? Ольга, чего молчишь? Работала там?

— Не бывала и, следовательно, не работала. Анфиса Михайловна, вы меня извините, но сегодня мне некогда у вас рассиживаться. Я вижу, помощь моя вам сейчас не требуется, так что пойду, пожалуй.

— А чего это ты заспешила? Чего неправду говоришь? Ведь работала ты там. В санатории. И парня твоего в том городе убили. Зарезали.

Анфиса Михайловна внимательно смотрела на Ольгу. Лицо у девушки было словно каменное, ни один мускул не дрогнул. Это показалось ей очень странным, но пока она решала, что же делать дальше и как вывести собеседницу на чистую воду, Ольга быстренько распрощалась и ушла, пообещав прийти в следующий раз, как и положено. И хорошо, что быстро ушла. С ней стало как-то страшновато. О, господи, и что же делать дальше? Ждать, когда Ольга появится вновь? А что, если у нее созреет мысль пристукнуть старую даму? Старую дуру, заметила про себя Анфиса Михайловна. Кто ее тянул за язык? И кто тянул за язык эту Зару? Вот живи теперь и опасайся. А главное — неоткуда ждать помощи.

И тут Анфису Михайловну озарила счастливая мысль. Зоя Алексеевна! Детективщица! Однажды, незадолго до пенсии, Анфису Михайловну командировали в Москву, она поселилась в самой дешевой гостинице на ВДНХ, в двухместном номере, и соседкой ее была именно Зоя Алексеевна! Женщины не раз откровенничали друг с другом, и Зоя рассказала ей о некоторых интересных своих расследованиях. Из гостиницы они уезжали в один и тот же день и обменялись телефонами.

Анфиса Михайловна открыла сервант, выдвинула ящик с документами и нашла свою телефонную книгу, которую держала в идеальном порядке. Вот она, Зоя! Правда, Анфиса Михайловна не сразу набрала ее номер — как-никак, прошли годы, и вспомнит ли ее эта женщина, неизвестно. И все-таки она решилась, чувствуя, что именно с Зоей в ее жизни наступит новый и очень даже интересный период. Честно говоря, ее не очень волновала трагедия Ольги — мало ли несчастий на свете! Но ужасно хотелось разгадать загадку — почему девушка не сказала ей правду. Все это она и изложила откликнувшейся чуть ли не на десятый гудок Зое. И сразу почувствовала, что та чем-то угнетена, озабочена, что ей не до посторонних проблем. Настойчивость Анфисы Михайловны ни к чему не привела. И только когда она назвала Зое город, где все произошло, та очень удивилась и откликнулась с явным интересом.

— А фамилию паренька убитого знаете?

— Ох, Зоя, ведь не спросила!

— Ну, хоть известно, что дальше-то было? Судили убийцу и его дружков? И что стало с этой шалавой, из-за которой весь сыр-бор?

— Так ведь... Шалава-то вроде сразу оттуда уехала, замуж вышла. Но я уточню у нашей дворничихи, может, она знает. Ну, так чего, Зоя, делать-то будем, а?

— Видите ли, Анфиса Михайловна, у меня только что умер брат. Возможно, ему в этом помогли, и пока я не узнаю, как все случилось, не успокоюсь. Но вы меня заинтересовали, позже мы с вами обязательно встретимся.

— А, может, вам сейчас моя помощь требуется? Я — человек свободный, на подъем легкая. Сумку под мышку, ноги в руки, и...

— Хорошо. Буду иметь в виду. А фамилии и пострадавших, и тех сволочей вы мне сообщите. Буду ждать.

В тот же день Анфиса Михайловна озадачила Зару своими вопросами. Но та призналась, что дело давнее, и она прямо сейчас ни одной фамилии назвать не может, надо вспоминать. Если вспомнит — скажет.

Спустя несколько дней она действительно назвала старой даме одну фамилию. Шиловы. Брат и сестра. Он убит, а сестра вышла замуж. Стало быть, она уже и не Шилова. Анфиса Михайловна тут же сообщила новые сведения Зое.

— Шилова... О, господи, не может быть!

— Чего, Зоя, не может быть?

— Таких вот совпадений. Мы с вами должны обязательно встретиться! И с вашей Зарой. Вы не против, если я к вам приеду?

— Конечно! Жду, Зоя! Когда?

— Я постараюсь быть у вас уже завтра...

Анфиса Михайловна стала готовиться к встрече. Она была довольна — новый сюжетный поворот в ее жизни обещал заманчивые приключения и интересные открытия.

Глава 6

Семейные тайны

Чтобы осмыслить все происшедшее, мне надо было залечь на дно и лежать там как можно дольше, ни во что не ввязываясь. Самым замечательным было то, что именно в это время мой муж вернулся с гастролей и тотчас призвал меня в столицу — хватит, мол, киснуть в деревне, надо развеяться, походить по московским друзьям, по концертным залам, книжным магазинам. Увидеться, наконец, с детьми, которые давно выросли и уже не нуждались в нашей каждодневной опеке. А еще мне надлежало встретить в Москве Людмилу, решившую начать новую жизнь — я обещала помочь ей подобрать хорошую квартиру, работу, познакомить с нужными людьми.

Я понимала, что ей будет трудно покинуть город, где она была счастлива со своим мужем, квартиру, из окон которой видна построенная его руками мастерская, где он творил чудеса. Но так получилось, что оставаться там — это жить в одиночестве, все их друзья разъехались по разным городам и весям, исчезла опора, жизненный фундамент. А у меня в нескольких театрах были хорошие знакомые, которые могли похлопотать за Людмилу. Да и на «Мосфильме» ей не грех показаться, оставить свои данные в картотеке, с фотографиями и видеороликом.

Конечно, мне было интересно, что отыскиали Зоя Алексеевна и Валентина в театре, где умер Ганкин. Но это любопытство я решила держать при себе. Однако некоторая информация сама стала плыть мне в руки. Позвонила Валентина, назвала несколько театров и спросила, нет ли у меня там старых знакомых. Я ответила, что, скорее всего, нет, но я все же постараюсь порыться в своей памяти.

— Да уж, поройся, а то прямо тупик какой-то.

— Ты о чем? И зачем тебе эти театры?

— Понимаешь, там работал этот артист. Ну, который помер прямо в театре. Ганкин.

— А, брат Зои Алексеевны?

— Да. И вот ведь какая странность. Никто ничего не знает про его жену. В театре ее никогда не видели. Похоже, что она туда и не приходила вообще. И в квартире Ганкина почему-то не была прописана. И где работала, неизвестно. В общем, человек-невидимка.

— Да, дела... Но имя, отчество и фамилия у нее имеются?

— Имеются. В базе я посмотрела. Она — уроженка маленького городка на Волге. Очень даже интересный городок. Там и прописана. То есть, там значится, а на самом деле жила с Ганкиным. Соседи говорят — странная была семья. Она без конца приезжала-уезжала.

— Ссорились, что ли?

— Похоже. Он несколько раз брал отпуск за свой счет. Небольшой, по несколько дней. Директору объяснял это необходимостью улаживать свои семейные дела.

— Значит, за ней ездил в тот городок.

— А ты там бывала?

— Где?

— В том городе.

— Не знаю. Ты ведь его не назвала.

Валентина извинилась. Но не исправилась. И вообще наш разговор как-то нехорошо затянулся, а у меня, между прочим, была масса дел. И вдруг она прямо ошарашила меня вопросом:

— А ты пьесы пишешь?

— Пробовала. Но это показалось мне не очень интересным, — спокойно ответила я. — Хотя люблю диалоги — ты же видишь, в моих повестях их не меньше половины. А почему ты вдруг этим заинтересовалась?

— А потому, дорогая Наташенька, хитрющая Наташка, что ты принесла в театр свою долбаную пьесу. Да еще ведром каким-то громыхала.

— Не обижайся, Валя, но с рождением твоего дорогого сынули ты стала мыслить... методом «тыка», я бы сказала.

— Да по описанию — точно ты! Глаза-то были на месте и у дежурных, и у артистов. Там почти вся труппа собралась. Когда он...

— Грохнулся оземь!

— А откуда ты знаешь, что именно грохнулся?

— Так ведь Зоя Алексеевна проинформировала — умер от инфаркта. А эта штука всегда берет за сердце неожиданно. Не предупреждая.

— А, может, человек сидел на диване, в окружении коллег, и тихонько «откинулся»...

— Ах, как ты нехорошо выражаешься.

— Да нет, я в том смысле, что откинулся на спинку дивана... Или кресла...

— Валя, вот зачем ты мне сейчас звонишь? У меня куча дел. Каждый день умирают люди, которых я не знаю. И что?

— Да я чувствую, я просто уверена — что-то вас связывает. Это висит в воздухе... А где ты сейчас была, а? Ну, откуда приехала? Ты же не стала ждать нас с Зоей, а куда-то неожиданно рванула...

— Прекрати свой допрос! Я была в Москве.

— А вот теперь я прекращаю ломать комедию и признаюсь, что твоя доченька четко и ясно назвала мне город, куда ты ринулась сломя голову... И это при том, что умерший актер работал там несколько лет подряд. А еще я пошла в библиотеку, в читальный зал, взяла там журналы «Театр» за те годы и обнаружила под каким-то старым снимком — сценой из спектакля — подпись с твоей девичьей фамилией... И рядом была фамилия Ганкина.

Я молчала. Я была сражена. Она положила меня на обе лопатки.

— Нокаут, дорогая! Но ты не падай духом. Мы с Зоей уже едем к тебе. Вместе. На такси. Так что — отпирай ворота! Предполагаю, что и пьесу, и ведро ты спрятала заранее. Но это уже ничего не изменит. О, вот и твой дом! Поздравляю, ты вставила пластиковые окна. И тебе явно нужны новые наличники. Ну, чего не бежишь?

Я выглянула в окно — возле моего дома действительно уже стояло такси...

— Признайся, мы быстро напали на след!

Это были первые слова, сказанные Валентиной, вошедшей в мой уютный деревенский дом.

— Какая вы скрытная, Наташенька! — продолжила уже Зоя Алексеевна, подходя к окнам, выходящим во двор, и осматривая местность. — О, баньку построили! Молодцы! А можно ее истопить?

— Можно. Но делать это необходимо с хорошим настроением, в добром расположении духа. А поскольку вы меня подозреваете чуть ли не в убийстве...

— Что вы! Что вы! Мы только хотим прояснить кое-какие обстоятельства, — заметила Зоя Алексеевна.

— Наташ, скажи прямо — почему ты на него накинулась? Говорят, если бы не люди, ты бы просто в него вцепилась. Чего тебя так разозлило-то, а?

Мне очень хотелось ответить Валентине искренне, ничего не утаивая. Но как быть с Зоей? Мой правдивый ответ явно огорчит и даже оскорбит ее. Брат ведь все-таки. Поэтому я уклончиво произнесла:

— Знаете, дорогие мои единомышленницы, этот человек когда-то меня обидел... Ни за что... Ну, вот я и...

— Нет, Наташенька. Говорите все как есть. То есть — как было, — перебила меня Зоя Алексеевна. — Тем более, что не исключено — за этим тянется какое-то преступление. И это связано с его женой.

Я, не спеша, заварила прекрасный чай, привезенный из «чайного дома» — в простом магазине нормального чая сейчас не найти, украсила стол своими деревенскими вареньями, выложенными в розетки, колобками, испеченными еще до моей поездки, и начала свой рассказ. Меня слушали, не перебивая. А под конец я заверила подруг, что все мои слова может подтвердить актриса Людмила, которая не сегодня-завтра ко мне приедет, чтобы с нашей общей помощью начать новую жизнь.

Первой заговорила Зоя Алексеевна:

— Я ничему не удивляюсь. У него и мать такая же была. Пилила дядю, мужа своего, с утра до вечера. Он юморист был, это его и спасало, помогало гасить это свойство характера жены. А у Виталия гасить было некому...

Валентина молча слушала ее, а потом вдруг неожиданно выпалила:

— Девочки, ключевым моментом тут не может быть — узнал, не узнал, сразу узнал или не сразу. Ведь столько лет прошло! Наташ, не могу сказать, что он и думать о тебе забыл, но что-то в этом роде... Другие города, театры, роли... Другая жизнь. Давайте забудем о прошлом. Постараемся. Прошлое — прошло. Умер он — в настоящем, причем испугался перед своей кончиной. Испугался тебя, Наталья. Вернее, не тебя, бывшую актрису и жертву, а кого-то другого, на тебя похожего. То есть, похожую. У каждого человека, говорят, есть двойник...

Меня озарило. Рассказывая о своей последней поездке, я совсем упустила из вида ресторан, куда мы с Людмилой зашли пообедать, и где висел «мой» портрет.

— Так-так... Ирина Шилова, говоришь? А ларчик просто открывался. Именно так зовут жену моего брата, — с горечью проговорила Зоя Алексеевна.

— Слишком просто, — покачала головой Валентина.

Мы пошли логическим путем — допустим, в проходной театра появилась жена Ганкина. Ну, и чего бы ему пугаться? Она, не исключено, тоже пишет пьесы, но об этом нечего и говорить — он не успел узнать, зачем женщина пришла. Она — то есть на самом деле я — стояла тихо-мирно, и тут появились артисты, в том числе и Ганкин. И он очень, очень испугался.

— Так испугался, словно увидел человека, восставшего из небытия, — добавила я.

— Вот! Вот! Это уже ближе к делу. И к телу тоже. И тут ты начала на него шипеть. Возможно, теми же словами, которыми его жена всегда бросалась у них дома. И он...

— И он шизеет... И — удар! — подытожила я.

Слово взяла Зоя Алексеевна. Она заметила, что нас с Валентиной захлестывают эмоции, и мы далеки от объективной оценки обстановки. А все просто. Человек увидел собственную жену. Ну, это они меня уже так перекрутили из-за схожести наших лиц. Увидел, испугался, ужаснулся. Следовательно, он никак не должен был ее увидеть. Точнее — она не должна была прийти. Еще точнее — она не могла прийти в театр. Ни в театр, ни в какое-либо другое место.

— Она вообще не появлялась в театре, как выяснилось, — напомнила я.

— Не появлялась, да вдруг появилась — ну разве это могло его смертельно испугать?

— Согласна. Ужас у него был неопиcуемый. Я-то думала — вспомнил про свои «подвиги». А ведь я сомневалась в том, что он меня узнал. И сильно сомневалась.

— Казалось, что она возникла из эфира. Из тьмы. Из тех глубин, как из небытия, — произнесла Валентина наскоро сочиненные стихи, что было ей совсем несвойственно.

— Поэзия. Делаешь успехи. В лирику ударяешься, — заметила я. — Это правильно. Тебе этого всегда не хватало. Подальше от своих расследований — улик, погонь, пальчиков...

— Так он что, убил свою жену? — растерянно проговорила Зоя Алексеевна. — А потом принял тебя, Наташ, за нее и подумал, что она восстала из мертвых? И — упал? И — умер? О, господи!

— Не скрою, такая мысль и мне пришла в голову, — сказала Валентина.

Я призналась, что тогда поведение Ганкина выглядело бы логичным. И подумала — узнаем ли мы когда-нибудь, как и где произошла эта трагедия. И почему она произошла. Зачем расставаться с женщиной таким способом? Разве нельзя просто разойтись? Разъехаться? Мы решили, что тут может быть простая месть. Хотя месть никогда не бывает простой, это зло нанизывает на себя все обиды, оскорбления, несправедливости, чтобы обрушить их на голову автора.

— Бог мой, я совсем забыла о звонке!.. — вдруг воскликнула Зоя Алексеевна.

Мы подумали, что она хочет поведать нам какую-то мистическую историю, связанную с воображаемым звонком, который волшебным образом предупреждает ее об опасности. Но оказалось, что речь идет об обычном телефоне.

— Какое странное совпадение... Мне позвонила одна старая дама, Анфиса Михайловна, и рассказала о странном поведении девушки, которая за ней ухаживает. Ее Ольгой зовут. Анфиса узнала, что у этой Оли убили жениха. И трагедия произошла именно в том самом городке, откуда родом жена Ганкина. Но девушка Оля упорно отрицает, что жила там и работала. Нет, и все! Ничего не знаю!

— Да, дела...

И тут, наконец, прозвучало название этого таинственного города. Моим подругам, думаю, оно совсем ни о чем не говорило. Но — не мне. Это была родина моего отца, на которой я побывала всего один раз — в детстве. Я вспомнила деревянные двухэтажные дома над рекой, лодки, стоящие на приколе, плоты, с которых женщины полоскали белье. Мы играли с отцом на берегу, строили крепости из песка, гоняли мяч. Однажды он подарил мне заводной белый пароход, и я целыми днями вместе с другими девчонками запускала его на реке, а потом ловила, чтобы не уплыл далеко. Счастливое это было время! Как бы мне хотелось съездить туда теперь, найти тот дом, постоять на том берегу. Вернуться в детство.

— Жаль, мне надо возвращаться домой, Платону завтра на работу, — вздохнула Валентина. — А вы... Думаю, это кое-что прояснит. Только не знаю, с чего начать — с города, либо с твоей старушки и этой Ольги.

— С города, Валя. Мы сначала должны точно узнать, что же там случилось, чтобы эта Оля у нас не выкручивалась, а говорила правду.

На том и остановились А я стояла подальше от своих подруг, у газовой плиты, и возилась с чайником, чтобы они не услышали, как бешено колотится мое сердце. Потому что фамилия Шилова, привязанная к этому городу, уже не была мне чужой. Она о многом говорила, почти кричала,

просто бросилась на меня и схватила за горло. Но я была подготовлена к неожиданному повороту событий еще там, в ресторане, возле «своего» портрета, а теперь не показывала виду, что очень взволнована. Все-таки у людей должны быть семейные тайны...

Глава 7

Бежать!

Она уже могла самостоятельно вставать с кровати и ходить по палате. А один раз даже попыталась выйти в коридор. Однако постовая медсестра не дала ей разгуляться, а отправила обратно в постель. К ней приходило несколько незнакомых людей, все они пытались выяснить, кто она и откуда, но тщетно. Она сама целыми днями об этом думала. И каждый раз, когда доходила до критической точки, то есть когда ей казалось, что вот-вот в сознании появятся какие-то знакомые картины, образы, на нее словно напал туман. Он становился все гуще и гуще, и ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание. Так было каждый день по несколько раз. И все же она чувствовала, что выздоравливает, что к ней возвращаются силы. Сегодня ее прогнали из коридора. Ну, что ж... Ведь из палаты можно выходить и ночью, когда сестрички спят. Зачем выходить? Она еще не знавала, что именно ее ждет, но чувствовала — ничего хорошего... Следовательно, надо искать какой-то выход. А для этого — хотя бы ходить, общаться с людьми, слава богу, слова человеческие она не забыла.

Ночью она тихонько вышла из палаты в коридор и направилась к туалетам. Оба — мужской и женский — находились за одной дверью. А перед ней был маленький закуток, где стояли диван, стулья и журнальный столик. Над всем этим возвышался аквариум с рыбками. Рядом с ним стоял внушительный ящик с прорезью и призывом жертвовать деньги на кормление рыбок. Мягкая ковровая дорожка привела ее прямо к дивану. Закуток этот очень плохо освещался, поэтому она не сразу разглядела свернувшегося калачиком в углу дивана спящего мужчину в больничной пижаме. Она села на другой конец дивана и стала ждать. Чего? Каких-то перемен, общения... Мужчина вдруг судорожно глотнул воздух, открыл глаза и, внимательно посмотрев на нее, загадочно прошептал:

- А я тебя знаю...
- А кто я? — тихо спросила она.
- Ты чего, больная? Ах, да, больная же. Ты — это ты.
- Но вы сказали, что знаете меня.

— Ну да. Ты из второй палаты. Без памяти.

— А-а-а... А я думала...

— Да нечего тут думать! Тебе деру отсюда надо давать. Отправят ведь хрен знает куда. Ты же без документов, так?

— Так. Не знаю...

— Больные о тебе говорят. Жалуют. И я тоже.

— Спасибо. А мне бежать-то некуда.

— Слушай, меня скоро выписывают. Вот сейчас что у нас? Четверг? Завтра, может, и выпишут. Чего им до понедельника-то меня тут держать! Завтра у меня последняя капельница.

— А зачем вы мне все это говорите?

— Так я один живу! Давай ко мне. Только у меня сложа руки сидеть нельзя. Хозяйство. Живности, правда, не имеется, куры одни. Но зато — сад, огород, банька. Все в порядке содержать надо. Особенно теплицы. У меня их две. В одной — помидоры, в другой — перцы. Большие.

— Перцы?

— Теплицы. Каждая — три на двенадцать метров. Рук требуют ежечасно. Ежеминутно.

Теплицы... Теплицы... Что-то здесь родное, знакомое. Что-то явно из прошлого...

— Радует такая перспектива, а?

— Не знаю. И в качестве кого я у вас там буду жить? Без денег, без документов? Кругом ведь люди, как им все это объяснить?

— Да я каждый год кого-нибудь нанимаю, у меня ведь еще поле картофельное огромное, по пятьдесят мешков картошки собираю. И рожь растет. Десять соток. Соседи привыкли. Урожай продаю. Этим и живу. Работы-то там никакой уже нет.

— А там — это где?

— Тридцать километров отсюда. Деревня Кукушкино. Только ты никому здесь этого не говори, а то тебя сразу найдут.

— Догадаются. Адрес-то у вас в полисе записан. И в истории болезни, наверное.

— Да адрес-то у меня там городской! А живу в деревне. Нигде она не записана. Ты давай думай, а я спать пойду. У меня на свежем воздухе быстрее оклемаешься, и на мозги никто капать не будет. А насчет документов... Посмотрим, что можно будет сделать.

Мужчина ушел. Она забыла спросить его имя. Съежилась на этом жалком диване, одна, никому не нужная, с печальным, а, может, и трагическим будущим. И вдруг вспомнилось слово «теплица»... От него повеяло каким-то теплом и тихой радостью. Оно явно из прошлого. Что, у нее когда-то

была теплица?.. И это предложение выздоравливающего мужчины... Оно очень, очень даже кстати. Надо же, ведь не спросила даже, в какой он палате.

Очевидно, мужчина тоже об этом подумал, потому что быстро вернулся и сообщил, что он — Виктор Догадкин из четвертой палаты.

— А у меня ведь и одежды никакой нет, не в чем с вами бежать.

— Не проблема! Мужика у нас выписывали, он шорты свои оставил. Вам как раз будут. А уж футболку у кого-нибудь позаимствуем. Меня-то прямо с поля «скорая» привезла, раздетый был, удар хватил. Документы медики сами в столе нашли, а одежду взять не догадались.

Она хотела заметить, что ей необходимо кое-что и под футболку, но Виктор уже ушел. Она тоже поднялась с диванчика и медленно пошла по коридору к своей палате. В голове все крутилось слово «теплица». Чем же оно ее задело, зацепило? С чем еще можно его связать? Теплится огонек в печи... Жизнь еле-еле теплится... Холодно, никаких эмоций. Ах, как все сложно! А она устала, устала, устала, и эта больничная кровать так хорошо ее качает и заставляет уснуть...

...Она проснулась от чьего-то пристального взгляда. Было уже светло. Рядом с ней сидел дежурный врач — ночью во время обхода она его не видела. Он взял ее за руку и тихо сказал:

— Я желаю вам добра... Мне очень хочется, чтобы вы вспомнили... себя. Тогда ваша жизнь вернется, надеюсь, в нормальное русло. Я наблюдаю за вами уже более часа. Меня позвали ваши соседки. Вы говорили вслух...

— И... что?

— Вы несколько раз произнесли одно и то же: теплица, теплица, какой восторг, как тут красиво, а воздух, а горы! Правда, горы тут не очень вписываются. Впрочем, речь ваша была не совсем связной, может, не горы, а город, например. Я подумал, что вы жили где-то в городе, и у вас на участке была теплица. С красивыми цветами. А, может, вы там выращивали перцы или помидоры. Или огурцы.

— Не знаю...

— Жаль, что вы не помогаете нам. Иногда мне кажется, вы можете это сделать, но что-то вам мешает...

— Нет, нет! Я стараюсь. Вот сейчас, когда вы говорили, я представила себе теплицу. Но — ничего. Пусто. Никаких воспоминаний. Хотя от этого слова мне почему-то хочется улыбаться.

— Это, конечно, хорошо, но память свою надо тревожить, что ли. Стучаться к ней. Умолять впустить. Вы с ней разговаривайте, проситесь в гости,

подружитесь, в конце концов! И не считайте это мое предположение безумием. Об этом говорили еще древние.

— Философы?

— И философы. И медики. И просто мыслящие люди. Все живо в нашем жизненном пространстве. Все дышит, мыслит, все взаимосвязано в этом мире. Вот и память ваша... Она как улитка спряталась в свой домик. Как черепаха в панцирь. А вы стучитесь, просите, чтобы вам дверь открыли. Попробуйте!

— А.. когда меня выпишут? И куда?

— Ну, на первый вопрос пока нет точного ответа. Вам еще надо окрепнуть. А на второй... Тут не мы решаем, к сожалению.

— А если бы вы?

— Я бы, например, предложил вам остаться у нас санитаркой. Тут и жили бы, при больнице. Санитарок у нас не хватает. И питались бы тут. А мы бы старались вместе с вами воздействовать на вашу память...

— А вам могут разрешить взять меня в санитарки?

— Нет. Для таких, как вы, существуют специальные правила...

— В интернатах для беспамятных наверняка долго не живут... — криво улыбнулась она.

— Ну, зачем вы так? Надо верить в лучшее...

Доктор ушел. А она теперь знала точно — Виктор ей просто необходим. Он — ее единственный выход. И сегодня она не будет дожидаться, когда ей принесут обед в палату, а пойдет в столовую, чтобы узнать, когда его выпишывают, дать понять, что она согласна бежать, и удостовериться, не передумал ли он.

Но неожиданно в дверь постучали, и в палату вкатился сам Виктор, какой-то пухленький и маленький. Ночью он ей таким не показался.

— Выписали меня уже, блин, и документы все вручили. Как будто на мое место очередь стоит. Я и не ожидал. Думал, завтра. — Он многозначительно посмотрел на нее и вдруг воскликнул: — Ой, блин, ногу чего-то прихватило!..

Ногу «прихватило» аккуратно возле ее кровати. Уцепившись за нее, Виктор незаметно положил что-то под подушку. Она поняла — там наверняка записка. И улыбнулась ему, готовому стать ее спасителем.

Когда женщины отправились на обед, и палата опустела, она сунула руку под подушку и действительно обнаружила там записку: «Иди ровно через час в последнюю кабинку вашего туалета. Я отпер там окно. Открой без труда. Из окна не прыгай, дождись, когда я подойду, передам тебе одежду и помогу выбраться. Не бойся — рядом только кабинет УЗИ, а у них

аппарат сломался, никто даже мимо не пройдет. Потом подождешь в кустах, когда я подъеду на такси».

На такси... Но ведь таксист ее обязательно запомнит! И Виктору этому достанется. Но пусть все идет как идет. Хуже не будет. Некуда хуже.

Она вышла в коридор, чтобы посмотреть на часы, и тут заметила Виктора, выходящего из столовой. Она кивнула ему и, увидев, что в коридоре больше никого нет, рискнула подойти, чтобы сказать про таксиста.

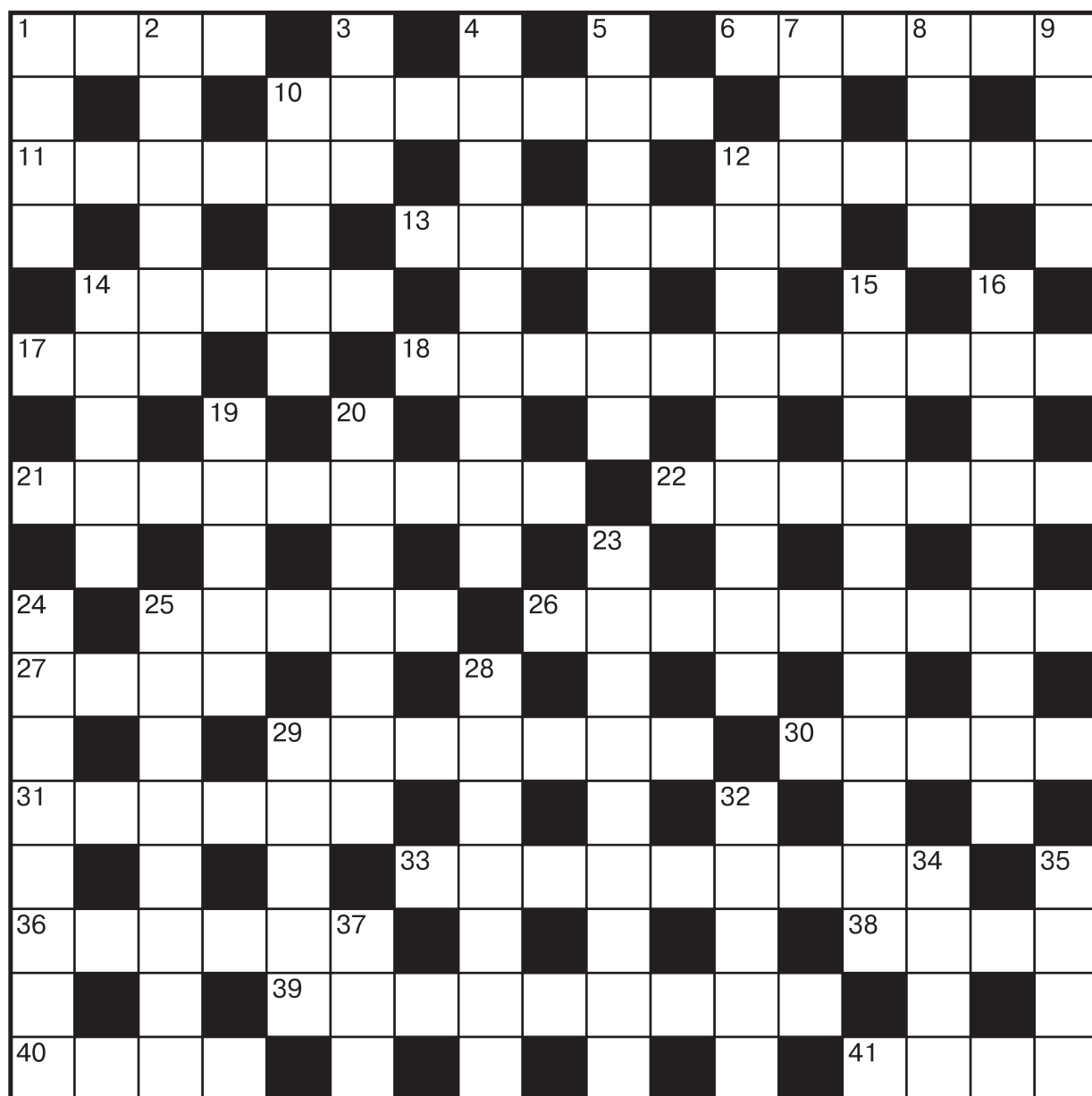
— Нашла о чем беспокоиться! Да мы машину сто раз сменим, пока до моей деревни доберемся! И в голову не бери! Вон тот шкаф видишь? Самый высокий? Старый? Поройся там незаметно, если удастся. Там одежда, которую больные оставляли. Для бомжей складывают. Может, чего путное себе подберешь.

Она вернулась в палату. Дельное предложение. Сейчас начнется «тихий час». Врачи и медсестра уже пообедали и тоже уйдут отдыхать. И тогда она обязательно залезет в этот шкаф — по пути к свободе...

И вдруг она ощутила такую слабость, что просто рухнула на кровать, думая о том, что нет, никогда у нее не будет все хорошо, ей не дотянуться до спокойной жизни, удачи, до счастья, наконец. Видно, что-то она сделала в жизни плохое, преступное, кого-то сильно обидела. Обидела? А, может, убила?.. Она даже вздрогнула от такого предположения. Но память и в этот раз ничего ей не подсказала... Голова кружилась, потолок ходил ходуном, и она, вцепившись в одеяло, незаметно для себя уснула... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Остров с Пафосом. **6.** Худшая разновидность палача, служащего деньгам, а не справедливости. **10.** Какой русский землепроходец подарил свою фамилию краевому центру? **11.** Знаменитый художник Энди ... **12.** Беспроводная связь между устройствами. **13.** «Каждый ... в театре воспринимает представление через собственную аку-

стику». **14.** Какая игра появилась из-за нарушения правил в футболе? **17.** Паркетное дерево. **18.** Кто слишком увлекся учебой на одних и тех же ошибках? **21.** Какой шотландский поэт устроил литературную мистификацию с «поэмами Оссиана»? **22.** Из какого текстильного города родом наш модельер Слава Зайцев? **25.** Чемпионат мира по этой настоль-

ной игре назвали «Бермудский кубок». **26.** Супруга императора Клавдия, решившаяся однажды в его отсутствие выйти замуж за молодого сенатора. **27.** Какой краской осень рисуют? **29.** Кто от фирмы «Nike» получил больше денег, чем все рабочие этой компании в Малайзии вместе взятые? **30.** Японский веер. **31.** В каком тропическом фрукте больше всего йода? **33.** Человек, который пьет горькую четыре раза в год, и каждый раз по три месяца. **36.** «Предбанник» в вагоне. **38.** «Пятна на картах» у шулеров. **39.** Европейская страна, где русский император Петр Великий осваивал корабельное дело. **40.** «Время первых петухов». **41.** Что опустошает склад готовой продукции?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Полярный. **2.** «Космический километр». **3.** Праздник в кадетском училище из драмы «Сибирский цирюльник». **4.** Кого из русских полководцев дважды похоронили на Бородинском поле? **5.** Какому чувству не очень-то доверял Сергей Довлатов, считая, что

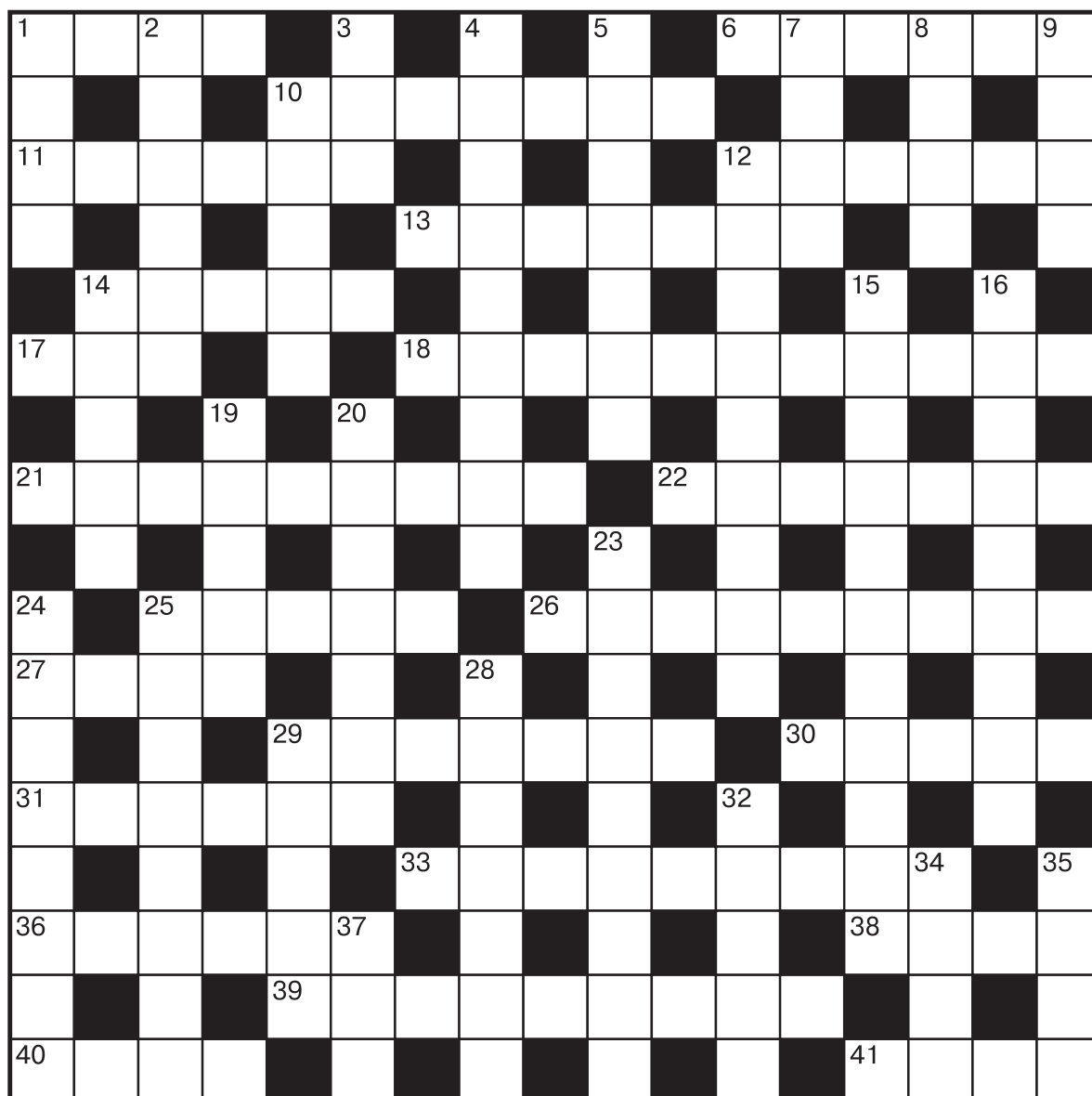
оно торжествует «за счет любви к другим»? **7.** На какой месяц пришли шаги американца Нила Армстронга по Луне? **8.** Какая пора в августе с осенью целуется? **9.** Цветок, чьи лепестки входят в настой для избавления от стоматита. **10.** Занятие, чтобы приятно убивать время. **12.** «Пасхальный звон колоколов». **14.** Без какой детали одежды запонки теряют всякий смысл? **15.** «Враг советской власти» из крестьян. **16.** «Я не верю в несостоявшихся гениев. Если ты талантлив, то обязательно добьешься успеха» (звезда нашего кино). **19.** Мяч в геометрии. **20.** Задача торгового работника. **23.** Какую госпожу озвучила Ольга Аросева в мультиках про Фунтика? **24.** Желе из варенья. **25.** Эстрадная дива, «муза Эндрю Ллойда Уэббера». **28.** Чудаковатый близнец из фэнтези «Алиса в Стране чудес». **29.** Отдыхающее время. **32.** Страх, преследующий человека по пятам. **34.** Кто из морских жителей, лишившись клешни, способен отрастить новую? **35.** «Жизненный ... помогает делать старые ошибки, как новые». **37.** Пчелиное войско.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Банан. **9.** Помидор. **10.** Жажда. **11.** Скотч. **12.** Адвокат. **13.** Лазер. **14.** Грильяж. **16.** Бильярд. **19.** Имам. **21.** Духота. **23.** Ампир. **24.** Ателье. **25.** Сказка. **26.** Аллен. **27.** Смерч. **29.** Штык. **31.** Осколок. **33.** Таймер. **34.** Сабля. **35.** Бинош. **37.** Сетбол. **39.** Пьянка. **40.** Реактив. **41.** Вера. **42.** Дракон.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Дождь. **2.** Синоним. **3.** Кобальт. **5.** Аккорд. **6.** Аттила. **7.** Гараж. **8.** Адрес. **13.** Лягушка. **14.** Грампластинка. **15.** Жираф. **16.** Балетмейстер. **17.** Подзатыльник. **18.** Заварка. **20.** Гинекология. **22.** Кьеркегор. **28.** Нос. **30.** Утесов. **32.** Карьер. **36.** Баюн. **38.** Лес.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Карты мертвых» из Древнего Египта. **6.** «Главный скульптор» Третьего рейха. **10.** Слон для поддержания диска Плоского мира. **11.** Какой Ричард стал литературным alter ego Стивена Кинга? **12.** Недуг «теннисного локтя». **13.** Создатель первой теории электролиза. **14.** Полное омоложение у мусульман. **17.** Бог, карающий лгущих при клятве. **18.** Трюки с «шашкой наголо».

21. Ловец бесхозных собак в до-революционной России. **22.** Цветное стекло, лишенное прозрачности. **25.** Чешский физик, построивший первый в Европе заземленный молниеотвод. **26.** Римский император Диоклетиан преобразовал систему управления страной, взяв за основу выдвижение людей на высшие должности исключительно по их заслугам. Как он назвал свой прин-

цип «четырёхвластия»? **27.** Финно-угорское племя, когда-то обитавшее на нынешних костромских землях. **29.** Анархист, критиковавший «гениальность Маркса». **30.** Пишущая машинка в конторе «Рога и копыта». **31.** Судно капитана Грэя с алыми парусами. **33.** Уличный вид спорта. **36.** Бальзамовое дерево. **38.** Офицер наполеоновской гвардии в воспитателях у Михаила Лермонтова. **39.** Американка, ставшая единственной, кого на X Олимпийских играх допустили сразу к трем видам соревнований. **40.** Какой хищник, поймав добычу, всегда до трапезы пропускает вперед самку с детенышами, выгодно отличаясь этим от льва? **41.** Сицилийская нимфа, приглянувшаяся Зевсу.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какому дизайнеру дамы обязаны фасоном шляпки «клош»? **2.** Платок с цветочным орнаментом в наряде палестинцев. **3.** Какой остров получил великий астроном Тихо Браге в дар от датского короля? **4.** Аминокислота в ар-

бузном соке. **5.** Какие «буквы» помогли Ниро Вульффу раскрыть убийства из романа «Право умереть» Рекса Стаута? **7.** Балкон над входом в балаган. **8.** Какая индийская река каждый год прокладывает себе новое русло? **9.** Кубок из стихов Омара Хайяма. **10.** «Пещерный город» V–XIII веков в Крыму. **12.** Кровяная колбаса из Каталонии. **14.** Английское кушанье из куропаток. **15.** Деталь фехтовальной маски. **16.** Знаменосец римского легиона. **19.** Пророки Аллаха. **20.** Византийский проконсул. **23.** Гречневая крупа мелкого помола. **24.** Статус Максима Горького на острове Капри. **25.** Ружье с тремя отверстиями — двумя для дроби и одного для патрона. **28.** Лучшая керамика этрусков. **29.** Стойка горнолыжника. **32.** Германский король, стоявший у истоков Священной Римской империи. **34.** Кто из американских президентов в свое время провозгласил «дипломатию доллара»? **35.** Народная инквизиция Германии. **37.** Кто у древних египтян стоял по правую руку от бога Ра, отвечая за интеллект?

Ответы на эрудит, опубликованный в №7

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Эпопт. **9.** Галатя. **10.** Дебют. **11.** Добро. **12.** Агэдаси. **13.** Пуаре. **14.** Валидол. **16.** Бузивок. **19.** «Эдип». **21.** Буздяк. **23.** Вьяса. **24.** Фуллон. **25.** Сонкок. **26.** Радек. **27.** Позье. **29.** Сирл. **31.** Лобомах. **33.** Оберст. **34.** Натто. **35.** Псефа. **37.** Аватар. **39.** Тайцзи. **40.** Демииург. **41.** Арье. **42.** Блейды.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Ааргх. **2.** Лаудруп. **3.** Нейсмит. **5.** «Прозак». **6.** Перкин. **7.** Регул. **8.** Сюпра. **13.** Полулон. **14.** Вольтановский. **15.** Зэффа. **16.** Библиотекарь. **17.** Адскриптиций. **18.** Иксуль. **20.** Астеносфера. **22.** Фольксрад. **28.** Нан. **30.** Мохамма. **32.** Хакарл. **36.** Вилы. **38.** Рей.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

